

Эйстейн Сёренсен

Øystein Sørensen

DRØMMEN OM DET FULLKOMNE SAMFUNN

*fire totalitære ideologier
- én totalitær mentalitet?*

ASCHEHOUG

Эйстейн Сёренсен

МЕЧТА О СОВЕРШЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*феномен
тоталитарной
идеологии*

ББК 66.1
УДК 32
С 32

*Издание осуществлено при содействии
норвежского фонда NORLA*

С 32 **Сёренсен Э.**
Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии / Пер. с норв. Воробьева Е. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 232 с.

ISBN 978-826-5-411-6

Четыре тоталитарные идеологии: фашизм, коммунизм, национал-социализм и воинствующий исламизм – вот темы монографии норвежского исследователя Э. Сёренсена. Автор анализирует программные труды таких теоретиков (и практиков) тоталитаризма, как Б. Муссолини и Э. Джентиле, В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, А. Гитлер, А. Розенберг и Р. Лей, Саид Кутб, Х. аль-Банна, Маудуди и аятолла Хомейни. Все эти движения стремились к созданию «совершенного общества», хотя представления их вождей об обществе и государстве существенно различались.

Автор уделяет немалое внимание национально-расовому аспекту тоталитарных идеологий. Особый интерес представляет проводимое им различие между итальянским фашизмом и национал-социализмом, которые нередко отождествляются в обыденном сознании.

УДК 32
ББК 66.1

На обложке:

*Ман Рей. Подарок. 1958, с оригинала 1921
Вермахт марширует. Германия, конец 1930-х гг.*

ISBN 978-826-5-411-6

© Н. Aschehoug&Co, 2010
© Воробьева Е., перевод, 2012
© Ваншенкина Г.К., оформление, 2013
© Издательство «Прогресс-Традиция», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

7	Новый Иерусалим: прелюдия
15	Краткое введение в тоталитаризм
15	Новое мышление
17	Четыре новые идеологии
24	Краткая предыстория
30	Тоталитаризм в научном дискурсе
34	...и глобальное мышление: тоталитарные идеологии
38	Фашизм: тоталитаризм как лозунг добра
38	Новое понятие и новый исторический феномен
42	Век коллективизма и государства
48	Фашистская альтернатива
55	Коммунизм: идеальное общество и средства его создания
55	Царство свободы
62	Путь к коммунизму
68	Тоталитарные черты в философии Маркса и Энгельса: геноцид как стратегия
78	Ленин и Троцкий: обоснование революционного террора
87	Партия всегда права
94	Национал-социализм: тоталитаризм как должное
94	Розенберг и тотальное государство
96	Mein Kampf: сначала разрушить старое, затем выстроить новое
103	Индейцы, славяне и евреи
110	Христианство, коммунизм и фашизм
116	Национал-социалистическая империя
124	Лей и Гиммлер: апокалипсис, цель и средства

132 Исламизм: религия как политика, политика как религия

- 132 Исламизм как политическая идеология
- 136 Саид Абу аль-Ала Маудуди: умеренный исламизм
- 139 Саид Кутб: на краю пропасти
- 145 Саид Кутб: совершенное общество
- 150 Саид Кутб: перманентная мировая революция
- 156 Хомейни: исламизм как антиимпериализм
- 162 Три движения: «ХАМАС», «Хизб ут-Тахрир» и «Аль-Каида»

171 Четыре тоталитарные идеологии – единый тоталитарный менталитет?

- 171 Принципиальное различие?
- 172 Что они предлагают
- 179 Подлые методы
- 185 Политическая религия и политизированная религия
- 188 Чистые и смелые и их враги
- 195 Тоска и иску: ревизия философии Эжена Олауссена

200 Благодарности

201 Примечания

224 Библиография

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ: ПРЕЛЮДИЯ

В 1534–1535-х годах небольшая, но весьма решительная группа религиозных и политических фанатиков провела в Мюнстерском епископстве захватывающий социологический эксперимент. Участники этой группы захватили власть и ввели режим, подобного которому не знала история: они хотели воплотить Царство Божие на земле. И времени они зря не теряли.

В 1530-е годы Германию раздирали на части религиозные и общественные противоречия, причиной которым в значительной степени послужило учение Мартина Лютера, шедшее вразрез с официальной католической доктриной. Учение это дало, по всей видимости, толчок и крестьянским бунтам 1520-х годов, к которым сам Лютер относился с резким осуждением. Германия в то время теоретически представляла собой империю, на практике же являлась конгломератом более или менее самостоятельных королевств, княжеств и вольных городов.

Крестьянские войны почти не коснулись северо-западных княжеств, однако здесь развилась особенно радикальная форма протестантизма, оставившая далеко позади самого Лютера. Речь идёт о так называемых «перекрещенцах», или анабаптистах, религиозном течении, пользовавшемся наибольшей популярностью на севере Германии и в Нидерландах. По мнению анабаптистов, христианское братство должно было состоять из людей, сознательно и добровольно выбравших эту веру, поэтому крещение должно было совершаться только во взрослом возрасте. Анабаптисты, преследуемые равно католиками и лютеранами, собирались в небольшие секты, возглавляемые самопровозглашёнными пророками. Они встречали непонимание не только из чисто теологических соображений, но и потому, что многие анабаптистские секты бросали вызов устоявшимся авторитетам. Некоторые секты проповедовали даже апокалиптические учения. Большинство анабаптистов не отличались воинственным настроем, хотя некоторые из них допускали применение насилия ради достижения поставленных целей.

Вестфалийский город Мюнстер формально подчинялся князю, носившему титул епископа, однако в действительности пользовался достаточно широким самоуправлением: городом правил совет, состоявший из наиболее выдающихся граждан. В начале 1530-х годов в городе случались волнения на религиозной почве, однако постепенно населявшие его лютеране и католики пришли к относительному согласию. Впрочем, среди лютеран встречались последователи весьма радикальных взглядов, позаимствованных отчасти у странствующих анабаптистских проповедников.

В феврале 1534 года анабаптисты захватили власть в городе¹. Неожиданно для всех их поддерживали самые разные слои городского населения, в том числе уважаемые купцы и ремесленники. Кроме того, в город стекалось большое количество анабаптистов с соседних земель и из Нидерландов. И всё же, несмотря на общий энтузиазм, с которым городское население приняло новую власть, были у них и противники, а сам способ захвата власти вполне можно охарактеризовать как государственный переворот².

Главными персонажами нашего дальнейшего повествования станут два прибывших в Мюнстер нидерландских анабаптиста: Ян Матис, пятидесятилетний пекарь из Харлема, и Ян Бокельсон, двадцатипятилетний портной из Лейдена. Последний больше известен как Иоанн Лейденский.

Матис был самопровозглашённым пророком и основателем собственной секты. В своих проповедях он разъяснял и трансформировал учение анабаптистов, нередко призывая к применению силы. При поддержке выборного совета, состоявшего из его последователей, он довольно быстро взял власть в городе. Но из-за явной склонности к психическим расстройствам он не удержал власть надолго: весной 1534 года Матис завершил земное существование зрелищным и трагикомическим самоубийственным актом, о котором мы расскажем ниже. Его преемником стал Бокельсон, упразднивший ряд традиционных учреждений и создавший несколько новых, а затем объявивший себя царём Нового Иерусалима.

Слухи о смене власти в Мюнстере распространялись быстро, и вскоре в город устремились многочисленные последователи анабаптистов. Среди них были как бедные крестьяне, привлечённые социальными идеями новой власти, так и религиозные фанатики, жаждавшие принять участие в строительстве теократического государства.

В противоположном направлении устремился поток беженцев: кто-то добровольно покидал город, недовольный происходящим, кого-то выгнали из дома после отказа подчиниться новому режиму. Беженцы были вынуждены оставить в Мюнстере всё своё имущество.

Переворот, произведённый анабаптистами, вызвал сильное недовольство представителей власти за пределами города. В первых, им не была близка идеология анабаптистов, а во-вторых, им претила мысль, что какие-то пекари и портные могут так просто привлечь народные массы на свою сторону и в один миг свергнуть устоявшиеся порядки. Мюнстерский епископ собрал войско наёмных солдат и осадил город, впрочем, без особого успеха: Мюнстер был хорошо защищён толстыми каменными стенами, а кроме того, епископ держал осаду неумело, и её то и дело прорывали. Девять тысяч осаждённых жителей оборонялись мужественно и упорно и смогли продержаться целых полтора года. Город пал лишь в июле 1535 года. Прежние правители жестоко отомстили повстанцам, повсеместно применяя пытки и массовые казни. Тела Яна Бокельсона и ещё двух руководителей сопротивления были выставлены на всеобщее обозрение на городской площади в специальных клетках,

дабы устрашать и предостерегать жителей. Сами клетки находятся на том же месте по сей день³.

Прообразом Нового Иерусалима, к которому стремились мюнстерские анабаптисты, было общество и уклад жизни первых христиан. Матис и Бокельсон в своих проповедях рассказывали о том, как именно выглядела жизнь первых христиан и как будет выглядеть жизнь в новом теократическом государстве. Впрочем, их толкования отчасти противоречили друг другу. Одним из самых спорных нововведений анабаптистов после установления Мюнстерской коммуны было упразднение частной собственности. Всё становилось общим, отменялось всякое социальное неравенство, а также денежные расчёты. У состоятельных граждан было отнято всё имущество и ценные вещи. Неудивительно потому, что самых горячих приверженцев анабаптисты нашли среди беднейших слоёв населения. После прихода к власти Бокельсона выяснилось также, что анабаптисты имеют весьма оригинальные взгляды на брак и сексуальную жизнь: было введено многожёнство и общность жён. Заключённые традиционным образом браки были расторгнуты либо вынуждены были адаптироваться к новым законам.

Мюнстерские анабаптисты были революционерами и провидцами. Они открыто бросали вызов правящей власти. Их идеалы прямо противоречили тому, что было принято общественными авторитетами от императора до Лютера. Их основной силой были беднейшие слои населения, поскольку анабаптисты призывали к свержению установившегося общественного порядка, к установлению социального равенства и созданию общества, в котором все материальные блага были бы общими.

Распространяя своё учение, анабаптисты пытались сыграть на социальных противоречиях, на недовольстве и мечтах бедняков. Бывший лютеранский священник Бернард Ротман стал одним из лидеров Мюнстерской коммуны и, без сомнения, одним из главных пропагандистов нового учения. Он написал несколько памфлетов, тайком вывезенных из города и распространявшихся в Германии и Нидерландах. Ротман писал: «Беднейшие среди нас, вынужденные просить милостыню и всеми презираемые прежде, ходят теперь в одеждах, достойных самых высокопоставленных горожан. <...> Милостью Божьей они стали богаче прежних властителей и богачей».

В цветистых выражениях описывает Ротман всеобщее благоденствие в грядущем Новом Иерусалиме: «Мы славим Господа нашего Иисуса единым сердцем и единым умом, полные стремления помогать друг другу во всём». Всё, что раньше служило обогащению одного, пишет он, ростовщичество и торговля, труд бедняков ради умножения благосостояния богача – всё это будет упразднено «силой любви и братства»⁴.

Противники анабаптистов – мюнстерский епископ и окрестные князья – были не особенно любимы в народе. Они стремились вернуть себе власть и восстановить социальную иерархию, принятую в средневековой Германии и всей Европе. Одержав победу, они потопи-

ли повстанцев в крови, подвергли противников гонениям и унижениям, а тела их лидеров выставили в клетках на поругание.

Может сложиться впечатление, что анабаптисты в Мюнстере стали нетленным идеалом всех современных революционеров, однако в их Новом Иерусалиме были свои тёмные уголки.

Придя к власти, Ян Матис немедленно ввёл в городе свои порядки, постановив, что Мюнстер должен стать «чистым» городом: Новый Иерусалим следовало «очистить от всякой грязи». Все горожане должны были принять анабаптистскую веру, в противном случае им грозила казнь либо изгнание из города. Матис желал смерти всем, кто не хотел креститься заново, однако один из его ближайших соратников из числа горожан, уважаемый купец Бернт Книппердоллинг, отговорил его от массовых казней, аргументируя тем, что такая мера настроит против него жителей окрестных регионов. В конце февраля 1534 года все католики и лютеране, державшиеся за свою веру, были изгнаны из города. Женщины, дети, старики и больные – все, без исключения и снисхождения, были выдворены за городские ворота, из имущества им разрешили оставить лишь самую необходимую одежду. Многие из них принадлежали до переворота к числу самых состоятельных горожан. Анабаптисты обошлись с ними крайне сурово, и во время изгнания часто можно было наблюдать душераздирающие сцены, когда, к примеру, у людей отбирали еду, которую они пытались тайком вынести под одеждой. За городскими воротами переживших изгнание ожидала незавидная участь нищих и попрошаек⁵.

Тех, кто остался в городе, заново крестили на центральной городской площади; церемония растянулась на три дня. Отказ от крещения карался смертной казнью. 3 марта 1534 года в Мюнстере не осталось неверных.

Раскол между анабаптистами и официальной верой выразился в том числе в уничтожении материальных ценностей. В первую очередь пострадал прекрасный мюнстерский кафедральный собор. Все католические атрибуты, такие, как украшения, образа и прочие символы, были уничтожены, и даже звонница была разрушена.

Решительный разрыв с прошлым выразился в одном простом событии: в середине марта Матис объявил, что отныне все книги, кроме Библии, находятся под запретом. Анабаптисты повсюду изымали книги, а затем сжигали их на городской площади. Никаких исключений и поблажек они не делали. Теологические комментарии к Библии и христианскому учению, философские труды и различная светская литература – всё без разбора отправлялось в костёр. Анабаптисты стремились таким образом уничтожить всё прежнее интеллектуальное наследие в городе, а также установить монополию на толкование Священного Писания⁶.

Но и этим дело не ограничилось. Правление анабаптистов, особенно в самом начале и конце, сопровождалось жестоким террором. Они пытались создать новое общество, издавая собственные законы, регламентирующие всех и вся: вероисповедание, поведение, работу, общение и личную жизнь. За людьми велась слежка, и любой дом мог

неожиданно и без всякого повода подвергнуться обыску. Несоблюдение законов каралось жестоко: любая форма неповиновения Богу, а также его представителям в лице мюнстерских властей, грозила смертной казнью. Неповиновение детей своим родителям или жёнам мужьям также каралось смертью, равно как и богохульство, попытки бежать из города, воровство, ложь, распространение слухов и целый ряд других преступлений⁷.

Разумеется, покарать смертью всех нарушителей введённых анабаптистами запретов было просто невозможно, однако сама угроза смертной казни поддерживала в городе атмосферу тревоги, даже в периоды смягчения режима. Регулярно проводились показательные казни – к примеру, за попытку противоречить анабаптистскому пророку. Несколько раз были публично казнены женщины, не желавшие выходить замуж за назначенных женихов. По мере того как время правления анабаптистов подходило к концу, террор становился всё жёстче. Людей казнили за несанкционированные собрания, планирование побега или помощь в побеге, за критику в адрес пророка, присвоившего титул короля, и проводимой им политики⁸.

В те шестнадцать месяцев, что анабаптисты удерживали власть, городом правили несколько различных учреждений, однако вся реальная власть была сконцентрирована в руках пророка Яна Матиса, а позднее – в руках его преемника Яна Бокельсона. Пророк распоряжался жизнью и смертью, личной жизнью и имуществом горожан, а также издавал новые законы, которым следовало подчиняться беспрекословно. Вдобавок следовало восхвалять эти законы на пышных церемониях. Посредством полного разрыва с прошлым, его учреждениями, традициями и интеллектуальным наследием пророк установил в городе власть, которую Норман Кон называет «всецелой полнотой власти толкования».

Анабаптистский режим в Мюнстере с самого начала был обречён на неудачу: мечты о строительстве Царствия Небесного на земле – всего лишь фантазии. Удивительно даже, что анабаптистам удалось продержаться так долго. Этим они обязаны уникальному сочетанию факторов, в число которых входили нерешительность, некомпетентность и многочисленные ошибки их противника. Нельзя, однако, сбрасывать со счетов и тот факт, что значительная часть населения Мюнстера, которое составляло тогда около 9000 человек, горячо поддерживала идеи анабаптистов и готова была бороться за них и даже отдать собственные жизни.

Вдобавок к этому многие лидеры нового режима, в их числе и Бокельсон, были расчётливы и рассудительны. Несмотря на то что все книги, кроме Библии, были преданы огню, активно писались и распространялись за пределами осаждённого города памфлеты в поддержку анабаптистов, привлекавшие на их сторону население окрестных земель. После отмены денежного обращения лидеры режима втайне продолжали пользоваться деньгами для достижения разных тактических целей, в частности, для подкупа наёмных солдат противника.

Первый пророк, Ян Матис, был далеко не столь практичен, в его словах и действиях гораздо чаще проявлялся религиозный фанатизм, а также явные признаки психического расстройства, которое и послужило причиной его гибели. Случилось это следующим образом.

После того как Матис заложил фундамент для строительства Нового Иерусалима в Мюнстере – выгнал или казнил всех неверных, сжёг неудобные книги и добился беспрекословного подчинения, – ему пришлось столкнуться с угрозой извне. Наёмные войска мюнстерского епископа начали стягиваться в кольцо вокруг города. 3 апреля 1534 года, в Страстную пятницу, Матиса посетило божественное откровение. Два дня спустя он покинул город в сопровождении горстки солдат, в доспехах, вооружённый копьём и мечом. Его приближённые разъяснили населению, что Бог повелел пророку в одиночку победить противника – как Давид победил Голиафа, а Георгий Победоносец – змея. Почти все жители города собрались на городской стене, чтобы оттуда наблюдать за дальнейшими событиями. Один из конных отрядов епископского войска заметил выехавшего из города Матиса, и пятьсот тяжело вооружённых кавалеристов пошли в атаку. Эта трагикомическая битва не продлилась и нескольких минут: Матиса и его небольшой отряд буквально разорвали в клочья. Голову пророка насадили на пику и установили у городских ворот, чтобы каждый житель города мог её видеть. В одном из письменных источников также говорится, что половые органы Матиса были прибиты к воротам, из которых он выехал⁹.

На ближайших соратников Матиса легла непростая задача толкования этого события. По всей видимости, они обладали выдающимся красноречием, харизмой и политической смекалкой, поскольку всего за несколько дней им удалось преодолеть смятение и отчаяние, охватившие жителей города, и снова заразить их верой в идеи анабаптистов.

Надо сказать, что в новом устройстве жизни находилось место двойным стандартам и лицемерию. После отмены и расторжения ранее заключённых традиционных браков и введения новых форм семейной жизни обнаружилось явное неравноправие полов. В городе была разрешена полигамия, то есть мужчинам позволялось брать себе нескольких жён, и последние вынуждены были подчиняться этим правилам. Непослушание грозило женщинам смертной казнью. После смерти Матиса его молодая, красивая и фанатично преданная вере жена перешла к Бокельсону, но он этим не ограничился, и со временем набрал себе целый гарем молодых и послушных жён. После провозглашения Бокельсона царём Нового Иерусалима и наследником Давида у него появился круг придворных, наделённых титулами и живущих в роскоши. Эта роскошь сделалась особенно вопиющей в конце правления анабаптистов, когда остальные жители города уже начали голодать.

Режим, установленный анабаптистами в Мюнстере, представлял собой теократию, то есть форму правления, при которой политиче-

ские шаги оправдываются религиозными идеями, так что политика и религия слиты воедино. Нечто подобное мы видим в современных религиозных сектах: харизматичный лидер, обладающий неограниченной властью, и фундаментальное представление о враждебности окружающего мира. Кроме того, анабаптисты исповедовали явные апокалиптические взгляды: и Матис, и Бокельсон говорили о близящемся конце света. Анабаптистский режим в целом укладывается в рамки средневековой традиции миллениаризма.

Однако вместе с тем мюнстерская коммуна 1534–1535 годов обнаруживает одну особенность, которую мы могли бы считать характерной, скорее, для нашего времени, а именно тоталитарный режим. Новый Иерусалим анабаптистов был обществом, в котором господствовала единственная политическая идеология, хоть и подчинённая религии, единственный лидер, единственно возможное представление о добре и зле. Идеология анабаптистов по умолчанию считалась правильной, и монопольное право на верное толкование Писания принадлежало пророку. Другими словами, пророк был всегда прав.

Идеология анабаптистов была революционной в том смысле, что требовала социального переворота. Они планировали полностью порвать с прошлым и построить совершенно новое общество. Новые законы регулировали все сферы человеческой жизни, включая быт и семейные отношения, и власти неусыпно следили за соблюдением этих законов. Режим требовал не просто подчинения, но активной и искренней поддержки от каждого жителя. Всех несогласных изгоняли из города или казнили. Анабаптисты мечтали привести весь мир в соответствие со своими идеалами, и ограничение Нового Иерусалима стенами лишь одного города считали временной мерой. Их идеология привлекала значительное количество последователей. И даже некоторое ханжество анабаптистских лидеров очень напоминает о тоталитарных режимах XX века.

Мечты, надежды и стремление к новому, лучшему миру – с одной стороны; террор и единовластие – с другой. В Мюнстере эти стороны были неотделимы друг от друга. Мечты о новом обществе были бы слишком эфемерны, если бы не сопровождались террором. Террор, не оправданный стремлением к лучшему, был бы бессмысленной жестокостью и вёл бы лишь к разрушению. Таков был Новый Иерусалим анабаптистов, тоталитаризм в чистом виде.

Важно учитывать обе стороны мюнстерской коммуны и видеть, как тесно они связаны между собой. Кроме того, нужно не упустить ни одной детали. Если изучать мюнстерскую коммуну более подробно, можно увидеть примеры самых разных человеческих судеб: фанатики, психически ненормальные (к ним относились многие из религиозных лидеров), циники, приспособляющиеся к господствующей идеологии для собственного удобства, оппортунисты, использующие всякую возможность выслужиться перед властью имущими, садисты, привлечённые возможностью насаждать террор, лицемерные лидеры, полагающие, что законы и правила придуманы для других, несогласные, вынужденные подчиниться режиму, чтобы сохранить жизнь, или ри-

скую всем, что у них есть, мученики, шпионы, перебежчики. Здесь присутствуют все человеческие типы, и за каждым именем скрывается непростая судьба.

Исследователи находили множество примеров ранних тоталитарных обществ: Спарта, империя инков в Перу, империя Цинь в Китае, коммуна Кальвина в Женеве, Флоренция Савонаролы. Существуют убедительные (и не очень) аргументы в пользу каждого из этих примеров. Однако режим анабаптистов в Мюнстере остаётся вне конкуренции¹⁰.

Против того, чтобы называть мюнстерскую коммуну предвестником тоталитаризма XX века, может быть только одно возражение: это всего лишь краткий эпизод средневековой истории, он не мог затянуться надолго. Враг был слишком силен и многочислен, попытки распространить идеологию оказались неудачными, и мечта построить Новый Иерусалим на всей земле рассеялась, как дым. Можно также указать на то, что анабаптистское общество в Мюнстере было полно внутренних противоречий, которые лишили бы его стабильности и возможности расширить территорию Нового Иерусалима за пределы города, даже если бы внешний враг не был столь силен. К таким противоречиям можно отнести принуждение женщин к вступлению в полигамные браки, недовольство теми, кто пользуется общими благами, но не трудится наравне с остальными, полную зависимость от пророков и их божественных откровений.

Ещё одним препятствием на пути распространения анабаптистского режима были масштабы. Мюнстер был ограниченной и сравнительно небольшой территорией, к тому же он был изолирован от окружающего мира осадой. Анабаптистам удавалось удерживать в повиновении 9000 человек в ограниченном отрезке времени, на ограниченной территории и в довольно специфической ситуации. Но это совсем не означает, что анабаптисты смогли бы править всеми теми обширными территориями, которыми Германия обладала в XVI веке.

Мюнстерская коммуна стала проявлением исторических и социальных тенденций, господствовавших в Германии в 1520–1530-х годов: крестьянские восстания, милленаристские взгляды, обилие радикальных христианских сект, чуть более мягкий режим Кальвина в Женеве несколько лет спустя. Всё это может объяснить возникновение воинствующего анабаптистского режима и ту значительную поддержку, которую получили более или менее безумные пророки и их очевидно сумасбродные идеи¹¹.

Но если смотреть немного под другим углом, то мюнстерский Новый Иерусалим окажется прелюдией или, если хотите, предвестником гораздо более серьёзных событий, которые произойдут лишь много лет спустя.

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ТОТАЛИТАРИЗМ

Первая мировая война положила конец наивной вере в будущее, которую питали либерально-демократические круги. В конце XIX века казалось, будто Европе и Северной Америке наконец удалось найти безотказную формулу всеобщего благоденствия. Казалось, что человеческая цивилизация наконец-то вышла на путь стабильного и позитивного развития; повышение материального благосостояния и развитие демократических учреждений, науки и технологии, либеральных свобод и форм цивилизованного общения – всё это было взаимообусловлено, и к этому стремился весь мир.

А затем разразилась Первая мировая война, принесла с собой варварскую резню, смерть и разрушение. Было убито восемь-десять миллионов солдат и шесть-семь миллионов мирных жителей; более двадцати миллионов получили ранения. И всё это было сделано самыми прогрессивными государствами нашей планеты¹².

Вдобавок развалились самые могущественные мировые империи: Германская, Австро-Венгерская, Российская и Османская. За войной последовала целая череда экономических кризисов и социальных неурядиц. В России было свергнуто царское правление, и после недолгой смуты в стране утвердился совершенно новый, революционный режим, пришедший к власти в результате кровопролитной и варварской Гражданской войны, унесшей жизни от пяти до девяти миллионов человек.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Первая мировая война и Великая Октябрьская революция ознаменовали конец одной исторической эпохи и начало другой, отмеченной влиянием тоталитарных режимов и идеологий.

Первая мировая война разразилась как гром среди ясного неба. Она ожесточила людей. Бессмысленная резня объясняется отчасти неверной оценкой происходящего со стороны политического и военного руководства, а отчасти, хотя и в меньшей степени, скрытыми тенденциями западной, европейской культуры. Однако независимо от причин жестокость этой войны достигла таких масштабов, что закрывать на неё глаза совершенно невозможно. И если касательно Первой мировой войны ещё можно утверждать, что эта жестокость была лишена смысла, поскольку в конечном итоге резня на западном фронте ни к чему не привела, то применительно к Гражданской войне 1918–1922 годов в России этот аргумент неубедителен, поскольку здесь жестокость, осмысленная или нет, была оправдана: она привела революционеров к власти. Они достигли своей цели¹³.

Беспрецедентные разрушения и гибель огромного множества людей, ставшие итогом Первой мировой войны, сообщили ей неко-

торую апокалиптическую ауру¹⁴. Развал нескольких империй, экономические кризисы и социальные беспорядки лишь способствовали дальнейшему усилению в обществе апокалиптических настроений, отнимая у людей уверенность в завтрашнем дне и ощущение безопасности. Всё это усугубилось случившейся в 1918 году масштабной эпидемией гриппа, так называемой «испанки», унесшей жизни ещё как минимум двадцати миллионов человек, а согласно некоторым подсчётам – от пятидесяти до ста миллионов. Другим поводом для беспокойства, имевшим место ещё в ходе войны и потому привлёкшим меньше внимания, был геноцид армянских христиан 1915 года, в ходе которого турками было убито более полутора миллионов человек. Это событие часто называют первым геноцидом XX века¹⁵.

Неудивительно, что многие современные историки называют Первую мировую войну всеобщей, или тотальной, войной, то есть такой войной, в которой государства полностью мобилизуют свои ресурсы и которая характеризуется массовыми человеческими жертвами, как и случилось на западном фронте, а также геноцидом мирного населения, как в случае с армянскими христианами¹⁶. Можно сказать, что масштабом жестокости и разрушений Первая мировая война предопределила ход эпохи.

И всё же Первая мировая война – это не только резня, геноцид и утрата ощущения стабильности. Первая мировая война дала людям представление о совершенно новых возможностях, она разрушила старые устои и в результате значительно расширила границы человеческих возможностей, освободив людей от оков прошлого. Это было своего рода революцией. Иначе говоря, Первая мировая война дала импульс к новому мышлению, как в хорошем смысле, так и в плохом. Пионерами этого нового мышления, в полной мере осознавшими предоставленные войной новые возможности, стали Владимир Ильич Ленин и Бенито Муссолини.

В основе либерально-демократических и конституционных теорий XIX столетия лежала идея о том, что власть государства должна быть чем-то ограничена, что индивиды также должны обладать властью и иметь свои права. Каждый человек должен иметь гарантированное государством право на личное пространство, в которое государство не имеет права вмешиваться. В пользу такого устройства было несколько важных аргументов, в том числе и тот, что это противодействовало превращению государственной власти в тиранию.

Ещё до начала Первой мировой войны были заметны признаки роста государственной власти, в том смысле, что государство постепенно расширяло свои полномочия и на его содержание требовалось всё больше и больше денег. После начала Первой мировой войны эта тенденция получила весьма бурное развитие. Французский философ Эли Галеви в 1930-х годах писал, что война способствовала расширению сферы полномочий государства по нескольким причинам. Война привела, во-первых, к усилению государственного вмешательства в экономику, а во-вторых, к ужесточению цензуры и идеологического контроля. Последний имел как негативные последствия в форме за-

прета и подавления антинациональных, антивоенных и прочих оппозиционных движений, так и позитивные, в форме пробуждения патристического чувства и горячей любви к родине, её вооружённым силам и политическому режиму¹⁷.

Ярким негативным примером является Германия после 1916 года: тотальная военизация экономики, планирование и сильный государственный контроль, подчинение всей экономической деятельности военным целям. Все эти тенденции, хотя и в более мягком варианте, были свойственны и другим странам, принимавшим участие в войне, и даже некоторым странам, непосредственного участия в войне не принимавшим. В том числе и Норвегии. В области интеллектуальной и духовной культуры Первая мировая война вызвала резкое ужесточение цензуры и значительный рост массовой пропаганды.

В целом годы Первой мировой войны и первые послевоенные годы были периодом кризиса, когда отмирали старые ценности и установившиеся порядки, когда в мире господствовала невиданная доселе жестокость и террор, когда росла экономическая и социальная нестабильность, и людей охватило смятение. И всё же именно этот кризис, хаос и разрушение прежних устоев дали дорогу тем, кто хотел мыслить по-новому¹⁸.

ЧЕТЫРЕ НОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ

Из смуты и хаоса Первой мировой войны родились четыре совершенно новых политических движения, каждое из которых строилось на особой идеологии: ленинский коммунизм, фашизм, национал-социализм и исламизм. Каждая из этих идеологий в своё время добилась политического успеха. Носители этих идеологий пришли к власти и установили режимы, равных которым не было во всём мире и о которых даже помыслить было невозможно до 1914 года: Ленин и большевики в России в 1917-м, Муссолини и фашисты в Италии в 1922-м, Гитлер и национал-социалисты в Германии в 1933-м, и, наконец, шестьдесят лет спустя после окончания Первой мировой войны, Хомейни и исламисты в Иране в 1979-м.

Взаимоотношения между этими политическими движениями и соответствующими им идеологиями нельзя назвать простыми. Большевики, с 1918 года называвшие себя коммунистами, объявили три остальных политических движения своими заклятыми идеологическими врагами. А огромную популярность и политический успех фашизма и национал-социализма в значительной мере можно объяснить страхом перед коммунистами, который испытывали Италия и Германия.

И всё же на высоком уровне обобщения между этими идеологиями можно найти немало сходств. Все четыре стремились разрушить прежнее общественное устройство и создать совершенно новое общество, хотя исламисты и заявляли, что нашли свой идеал в прошлом, в обществе времён пророка Мухаммеда. Все четыре идеологии были

революционны по своей сути, они хотели свергнуть существующие устои. Все четыре считали, что нашли формулу идеального общества. И все четыре были готовы применить самые крайние меры для достижения своих целей.

Когда разразилась Первая мировая война, Ленин находился в небольшом городке Поронин на территории нынешней Польши, а тогда, поскольку отдельного польского государства не существовало, – на территории Австро-Венгерской империи. Ленин, как и всякий этнический русский на территории империи, был немедленно арестован по подозрению в шпионаже. Однако вскоре его отпустили, и он уехал из вступившей в войну Австро-Венгрии в нейтральную Швейцарию.

Марксизм, разумеется, не был результатом Первой мировой войны: идеи Маркса и Энгельса оказывали глубокое влияние на рабочее движение в Европе начиная с 1860-х годов. Однако именно Ленин развил политические идеи марксизма в целую философскую систему, которая, с одной стороны, прочно опиралась на идеи Маркса, а с другой – представляла собой нечто совершенно новое. Частично это были мысли о взаимоотношениях между марксистскими партиями и самим рабочим движением, вызревшие до 1914 года, частично – мысли о государстве и революции, а также о политической и экономической системе империализма, развивавшиеся в годы войны и под сильным влиянием происходящих событий.

В 1898 году была основана Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), после 1903 года разделившаяся на две группы. Неоспоримым лидером революционного, большевистского, крыла стал В.И. Ленин. Он подвергался арестам и преследованиям со стороны царского режима и в конце концов был выслан из страны, проведя в эмиграции значительную часть своей сознательной жизни. Всё это время он оставался пламенным революционером¹⁹.

В 1914 году казалось, что революционное марксистское движение изжило себя. Конечно, в марксистских партиях велись разговоры о революции, но на деле деятельность этих партий, скорее, укладывалась в русло реформизма. Все крупные социалистические партии Европы добивались развития демократии, всеобщего права голоса, повышения заработной платы и прочих социальных благ для рабочих. Всё это справедливо и в отношении самой крупной и влиятельной из них, Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

Дальше – больше. В августе 1914 года подавляющее большинство членов социалистических партий в странах, вступивших в войну, резко сменили линию поведения. Накануне войны международное рабочее движение приняло резолюцию, согласно которой в случае, если рабочему движению не удастся предотвратить войну в Европе, рабочие не будут поддерживать политическое руководство своих стран и принимать участие в войне. В самых воинственных формулировках речь шла о том, чтобы призвать солдат обратить оружие против собственных генералов, а не против своих собратьев по рабочему классу в других странах. Однако, когда война в действи-

тельности началась, национальная преданность всё же перевесила классовую.

Ленин в Швейцарии обрушился на поведение большинства в социал-демократических партиях с яростной критикой²⁰. Кроме того, война стала поводом для анализа и размышлений, результатом которых стала вышедшая в 1916 году книга «Империализм как высшая стадия капитализма». Ленин утверждал, помимо всего прочего, что война может способствовать созданию революционных ситуаций²¹. Совершенно независимо от его политической активности в швейцарской ссылке, это утверждение могло оказаться справедливым как минимум в одном случае: в феврале–марте 1917 года царское правление в России было свергнуто в результате государственного переворота. В стране была установлена республиканская власть по западному образцу. Партия большевиков не сыграла большой роли в этом перевороте, однако она приняла активное участие в формировании новых органов управления, названных советами. Новый режим был весьма далёк от стабильности, и его попытки продолжать войну лишь усугубили смуту и привели к массовому дезертирству. Ленину удалось выехать из Швейцарии и попасть в Россию благодаря помощи немецкого военного командования, видевшего в нём тактического союзника. Путешествие Ленина впломбированном вагоне по немецкой территории поразительно само по себе, а его возвращение в Петроград придало революционным событиям в России совершенно новое направление²². Летом 1917 года большевистская партия завоевала огромную популярность среди населения, обещая мир, хлеб и даже землю крестьянам. Партия также агитировала за передачу всей власти в стране советам.

Вооружённое восстание большевиков 7 ноября (25 октября по старому стилю) завершилось для них удачно. Однако государственный переворот, известный как Великая Октябрьская революция, был только началом. Сторонники монархии и прочие противники большевиков предприняли попытку контрреволюции, в которой им помогали иностранные войска. Однако внутри контрреволюционного движения царило взаимное недоверие и несогласие, а тактические шаги Ленина, в частности, обещание раздать землю крестьянам, обеспечили большевикам поддержку большинства населения. Лишь в 1921 году, после длительной и необыкновенно кровопролитной Гражданской войны, власть большевиков прочно утвердилась. К тому времени реальная власть сосредоточилась в руках большевистской партии Ленина, которая после революции предпочитала называться Коммунистической партией. Советы, облечённые государственной властью в конституции 1918 года, на деле были лишь формальными учреждениями²³.

В декабре 1917 года были проведены выборы в законодательное собрание, назначенные задолго до большевистского переворота. Партия большевиков оказалась в меньшинстве, получив лишь 168 мест из 703. Однако в январе 1918 года Учредительное собрание было распущено решением большевиков, а летом 1918 года были распущены и

все остальные партии, в том числе поддерживавшие большевистскую власть. Так революционеры реализовали демократию в стране²⁴.

Не успела закончиться Первая мировая война, как Бенито Муссолини основал своё политическое движение в Италии. До войны он был одной из восходящих звёзд Итальянской социалистической партии (ИСП). С 1912 по 1914 год он работал главным редактором «Аванти» – официального печатного органа партии. Он горячо поддерживал революционные идеи.

Муссолини был среди партийного меньшинства, ратовавшего за вступление Италии в войну в 1914 году. Война побудила его пересмотреть свою революционную доктрину. Его исключили из партии, и в конце 1914 года он основал собственную газету, а когда Италия в 1915 году всё же вступила в войну, он добровольцем отправился на фронт.

После войны Италия оказалась в числе победителей, однако многие были недовольны долей страны при распределении военных трофеев. Кроме того, многие боялись революции. В 1919–1920 годах взгляды Итальянской социалистической партии становились всё более радикальными, а в обществе нарастало беспокойство. В 1919 году Муссолини основал новое политическое движение, которое со временем стало известно как фашизм. Оно должно было составить альтернативу как либерально-демократической системе, так и коммунистическим идеям классовой борьбы.

Фашисты выделялись среди других своей воинственностью и брутальностью. Фашистские «оперативные группы», часто состоявшие из ветеранов войны, производили погромы и преследовали социалистов, членов профсоюзов и бастующих рабочих. Идеологи фашизма обосновывали применение насилия тем, что мысль и действие должны идти рука об руку, а либеральные идеи о правах человека были отвергнуты так же решительно, как и марксистские идеи классовой борьбы²⁵.

Поначалу движение Муссолини не получило значительной поддержки, однако по мере роста общественного беспокойства оно набирало силу, и с 1921 года фашистская партия Муссолини стала играть важную роль в итальянской политике. Идеология фашизма апеллировала к нескольким социальным группам: с одной стороны, Муссолини умело играл на страхе социальной элиты перед социалистической революцией, с другой стороны, философия фашизма имела сильные социалистические вкрапления, и Муссолини не уставал повторять, что фашизм революционен по своей сути и стремится заменить существующий общественный порядок чем-то совершенно новым.

Тщательно срежиссированный «марш на Рим» в октябре 1922 года стал предвестником великого политического прорыва Муссолини: национальное правительство назначило его премьер-министром. Но лишь в 1925–1926 годах в стране была введена фашистская диктатура, при которой существовала только одна законная политическая партия и только одна господствующая идеология, которую должны были поддерживать все жители страны. Король также вынужден был поддерживать Муссолини и, хоть и без особого энтузиазма, его фашистскую

идеологию. Даже католической церкви пришлось прийти к согласию с диктатурой Муссолини. Одним из его величайших достижений был конкордат 1929 года, по которому, в частности, Ватикан получал статус самостоятельного государства.

С 1922 по 1926 год Муссолини удалось разными путями убрать с политической сцены всех идеологических противников фашизма, не без применения насильственных мер и даже убийств; многие оппозиционеры попали в тюрьму и были интернированы. Впрочем, по сравнению с гитлеровским режимом в Германии и сталинским в России фашистский террор в Италии нельзя назвать суровым.

В отличие от Муссолини и Ленина Гитлер не был пламенным революционером в годы Первой мировой войны и накануне её, однако война пробудила в нём сильные националистические чувства. После того как он побывал на фронте, эти чувства лишь усилились, а поражение Германии в 1918 году дало толчок к окончательному формированию его идеологии. Важной составляющей этой идеологии был антисемитизм, который Гитлер исповедовал ещё в 1914 году. После поражения Германии Гитлер оказался в числе многих ветеранов войны, в убеждениях которых национализм соединился с яростным антикоммунизмом и, возможно, ещё более яростным антисемитизмом, подпитываемым теориями еврейского заговора, представлениями о стремлении евреев к мировому господству и их предательстве против немецкой нации.

После окончания Первой мировой войны в Мюнхене, ставшем для Гитлера второй родиной, царил полный хаос. Здесь находилась штаб-квартира революционно настроенных баварских коммунистов: в начале апреля 1919 года они провозгласили Баварскую Советскую Республику, которая, однако, была низложена всего через несколько месяцев подразделениями германской армии при поддержке независимых контрреволюционных отрядов, также известных как Фрайкор. После низложения Баварской Советской Республики в Мюнхене получили распространение радикальные правонационалистские группировки и полувоенные организации.

В апреле–мае 1919 года Гитлер находился в Мюнхене, но точных сведений о том, чем именно он занимался в это время, у нас нет²⁶. Известно, что он вступил в праворадикальную Немецкую рабочую партию (ДАП), а затем, полностью подчинив её своей власти, переименовал в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП) и основал своё национал-социалистическое движение. Однако первая попытка захвата власти, предпринятая в 1923 году под влиянием «марша на Рим» Муссолини и известная как «пивной путч», оказалась неудачной. Лишь в конце 1920-х годов, в условиях охватившего Германию экономического кризиса, политическое движение Гитлера из малозначительного экстремистского меньшинства превратилось в весомую политическую силу.

О пути Гитлера к власти и о национал-социалистической диктатуре в Германии написано бесчисленное множество работ. Неодно-

кратно высказывалось мнение, что Веймарская демократическая республика изначально была нестабильной по причине непризнания её большинством населения. Не только приверженцы абсолютной монархии, но и немецкая компартия, стремительно набиравшая популярность после экономического кризиса, и национал-социалистическое движение Гитлера стремились свергнуть республиканское правление в пользу чего-то совершенно другого. Говорилось также, что при захвате власти Гитлер, как и Муссолини до него, блестяще разыграл имевшиеся у него на руках карты. Подобно Муссолини, он привлекал на свою сторону различные социальные группы при помощи разных аргументов, но в первую очередь обещал спасти страну от революционно настроенных коммунистов. Ему на руку было также и то, что немецкое рабочее движение раскололось на два лагеря: социал-демократов и коммунистов, ненавидевших друг друга не меньше, чем они ненавидели Гитлера. И наконец, известно, что слишком многие сторонники прежнего общественного уклада недооценивали революционный потенциал Гитлера: его годами не принимали всерьёз, и в его намерение создать совершенно новый политический строй никто толком не верил²⁷.

Приход Гитлера к власти в 1933 году выглядел, возможно, не столь драматично, как большевистский переворот в 1917-м. 30 января, после периода глубокого политического кризиса и подковёрных интриг среди немецкой элиты, Гитлер был на законных основаниях назначен рейхсканцлером. Однако в течение нескольких месяцев после назначения все его конкуренты были путём различных манипуляций, запугивания и преследований удалены с политической сцены. Пожар в рейхстаге 28 февраля дал Гитлеру предлог для получения чрезвычайных полномочий и полностью развязал ему руки. На смену демократической конституции пришла диктатура, и вместо либеральных прав и свобод индивидация получила власть, которая могла делать всё, что ей заблагорассудится. Веймарская демократическая республика уступила место национал-социалистическому рейху.

3 марта 1924 года в Турции был упразднён халифат. Решение Великого национального собрания было практически единогласным и не привлекло особого внимания мировой общественности²⁸.

При этом халифат являлся весьма древней формой государственного правления. Со времён пророка Мухаммеда главой всех правоверных мусульман должен был считаться халиф. Впрочем, временами возникало недовольство тем или иным халифом, а раскол между суннитами и шиитами навсегда лишил халифа титула главы всех мусульман, и отныне халифат стал политическим строем одних лишь суннитов.

Халифат был основан на религиозной догме, однако халиф обладал всей полнотой и светской власти²⁹. В особенности это справедливо в отношении династии Аббасидов, перенёсших столицу халифата из Дамаска в Багдад. После убийства последнего халифа монголами в 1258 году и последовавшей за этим недолгой смуты теократическое

государство халифов преобразовалось в Османскую империю, где халифат оставался формальным институтом, лишённым реальной политической власти, но имел достаточное значение в качестве религиозного символа.

Османская империя, равно как и родина Гитлера, многонациональная Австро-Венгрия, а также родина Ленина, царская Россия, распалась в результате Первой мировой войны. Территорию страны поделили между собой одержавшие победу союзники, султан был смещён, институт султаната упразднён, а на смену ему пришло национальное светское государство Турция. Ислам остался официальной религией нового государства, однако лишился политической власти и оказался в подчинённом положении.

Возникновение и расцвет новой Турции сопровождалось жестокостью, сравнимой с массовой резнёй в Европе. Мы уже упоминали об убийстве полутора миллионов армян в 1915 году. После завершения Первой мировой войны почти сразу же началась война между Турцией Мустафы Кемалю и Грецией, в результате которой этнические греки, поселения которых насчитывали более чем трёхтысячелетнюю историю, были изгнаны с территории Малой Азии. Этот эпизод можно считать первой систематической этнической чисткой двадцатого столетия³⁰.

В сформировавшемся после этих событий новом, светском идеологическом контексте основатель и лидер турецкой республики Мустафа Кемаль и его Народно-республиканская партия в 1924 году приняли решение упразднить халифат. Своё решение они аргументировали тем, что в новом государстве халифат представлял собой анахронизм, пережиток ушедшей в прошлое Османской династии. Одновременно с упразднением халифата все члены свергнутой династии турецких султанов были высланы из страны³¹.

Четыре года спустя после упразднения халифата в Египте произошли события, которые прошли практически незамеченными для мировой общественности. В 1928 году небольшая группа молодёжи основала в городе Исмаилия на берегу Суэцкого канала организацию под названием «Ихван аль-Муслимун», или «Братья-мусульмане». Руководителем и главным идеологом этого братства был учитель Хасан аль-Банна (1906–1949). Постепенно организация переродилась в политическое движение, главной целью которого было восстановление халифата³², что, однако, не означает, что братство стремилось также реставрировать институт султаната или Османскую империю. «Братьям-мусульманам» нужен был новый, совершенный халифат, воплощавший в их глазах универсальный религиозный и политический характер ислама. В Турции Мустафы Кемалю ислам превратился всего лишь в религию светского государства. Аль-Банна пишет: «Нашу задачу наилучшим образом описывает слово «исламизация», хотя и в более широком смысле, нежели распространённое сейчас узкое понимание ислама. Мы считаем ислам всеобъемлющим понятием, регулирующим все аспекты жизни, выносящим суд по любым жизненным вопросам и предписывающим строгий и обязательный порядок»³³.

Аль-Банна не раз подчёркивал, что «всеобъемлющее» понятие ислама включает в себя «политику, социум, экономику, право и культуру». Распространённое «узкое понимание ислама» было «именно тем, чего желали противники ислама, стремящиеся угнетать и осмеивать мусульман»³⁴.

Хасан аль-Банна и его приверженцы осуждали западную политику колониализма и её пагубное влияние на мусульман и мусульманские страны. Противостоять ему они рассчитывали с помощью эксклюзивно-мусульманского политического строя.

В течение многих лет «Братья-мусульмане» оставались маргинальным политическим движением, хотя в 1930-е годы их популярность заметно выросла. В первые годы за обществом не было замечено какой-либо политической активности, и они оставались в первую очередь культурной организацией для правоверных мусульман. Постепенно их деятельность политизировалась, и политическая идеология «Братьев-мусульман», получившая незатейливое название «исламизм», получила распространение не только в Египте, но и на всем Ближнем Востоке, и даже в Пакистане после его выделения в самостоятельное государство в 1947 году.

Лишь пятьдесят лет спустя после появления «Братьев-мусульман» их тщательно взлелеянные революционные исламистские идеи обрели политический вес и значение. Произошло это не в Египте, а в шиитском Иране: если абстрагироваться от несущественных теологических несоответствий, мы увидим, что идеи, давшие толчок к исламской революции в Иране в 1978–1979 годах, практически идентичны идеям, развиваемым мусульманским братством. Подобно «Братьям-мусульманам», Хомейни и его идеологические соратники хотели объединить политику и религию, осуждали западный колониализм и его влияние на мусульман, а также стремились к мусульманскому государству, управляемому религиозными мусульманскими организациями.

Идеологию иранской революции не так просто сравнивать с другими революционными идеологиями. С одной стороны, можно заметить некоторую преемственность по отношению к революционным тенденциям в марксизме. С другой стороны, иранские марксисты – как революционеры-последователи Ленина, так и все прочие – после революции были объявлены идеологическими врагами и подверглись преследованиям.

КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Разумеется, тоталитаризм не появился прямо из воздуха в 1914 году. Каждая тоталитарная идеология и тоталитарное мышление в целом имели свои идеологические предпосылки. Вот краткое описание философских и идеологических течений, лежащих в основе тоталитаризма.

Утопизм. Его истоки прослеживаются в древнегреческой философии, а именно – в философии Платона. В двухтомнике Карла Поп-

пера «Открытое общество и его враги» Платон объявляется одним из главных злодеев: ему и его идеям посвящён практически весь первый том³⁵. Среди платоноведов книга, возможно, и не пользуется особым авторитетом, однако в ней даётся важный разбор идеального общества по Платону, описанного им в диалогах «Государство» и «Законы». В двух словах речь идёт о государстве, в котором небольшая группа избранной элиты – философов – обладает всей полнотой власти, определяя общественные правила и отношения вплоть до мельчайших нюансов, от устройства государственных учреждений до того, кто и с кем должен вступить в брак³⁶.

Для нас интересно и важно в первую очередь то, что Поппер пишет о «utopian engineering» по Платону³⁷. На русский это можно приблизительно перевести как «утопизм», хотя вернее было бы сказать «утопическая социальная инженерия». Речь идёт, в сущности, о двух проблемах: отчасти о формулировке некоторой политической цели, такой, как совершенное государство, и отчасти о том, какие политические действия оправдывает подобная цель. Другими словами, утопическая цель предопределена, и к её достижению могут быть направлены любые доступные средства.

Развивая мысль, мы можем, независимо от Поппера, говорить об утопической традиции после Платона. В этой традиции существенным является то, что утопия не рассматривается как абстрактное совершенное общество: она рассматривается как конкретная цель, которой необходимо достичь³⁸.

Милленаризм. В период высокого и позднего Средневековья в Европе существовало значительное количество сект и общественных движений, находившихся в оппозиции по отношению к официальной церкви, мирским правителям и, в общем, ко всему общественному устройству. Среди этих сект и движений особый интерес представляют милленаристские объединения, верившие в утверждение совершенного «тысячелетнего царства» на земле. Норман Кон, посвятивший анализу этого явления свою работу «В поисках миллениума», выводит несколько характерных признаков милленаристских сект и движений. Все они рассматривают спасение как:

- всеобщее, в том смысле, что оно равно касается всех верующих на земле;
- земное, в том смысле, что оно должно произойти в земной жизни;
- непосредственное, в том смысле, что оно случится неожиданно и в обозримом будущем;
- тотальное, в том смысле, что оно фундаментальным образом изменит жизнь на земле и создаст совершенное общество;
- чудесное, в том смысле, что оно будет совершено силами, либо при непосредственном содействии, сверхъестественного божества³⁹.

Средневековые милленаристские мыслители и объединения существовали в рамках христианской догматики. Для средневекового европейского общества их идеи были революционны. Они были обращены в первую очередь к низшим слоям общества, и наибольшую популярность они завоевывали во времена социальных смут. Милленаристские движения представляли собой главным образом мелкие и малозначительные секты, а проповедуемые ими «тысячелетние царства» от начала и до конца оставались утопиями. Приверженцы милленаризма чаще всего отрекались от мирской жизни и общества и пестовали свои идеи в закрытых сектах. Лишь изредка деятельность милленаристов имела какой-либо политический резонанс, и самым ярким примером является, безусловно, Мюнстерская коммуна анабаптистов.

Сам Норман Кон зашёл достаточно далеко, усматривая в средневековом милленаризме корни современных тоталитарных движений. Последний абзац его книги широко известен и содержит в себе достаточно провокационное утверждение: «Прежняя религиозная риторика сменилась светской, и это мешает нам заметить то, что иначе бросалось бы в глаза. Правда в том, что революционный милленаризм и мистический анархизм по-прежнему находятся среди нас, они только лишились своего изначального сверхъестественного антуража»⁴⁰.

Политическое мессианство. Книга Якова Л. Тальмона «Истоки тоталитарной демократии», вышедшая в 1952 году, послужила поводом для довольно бурной дискуссии⁴¹. Мы уже упоминали, что Карл Поппер отдал Платону роль первого врага свободного общества, Тальмон же рассматривал в этом качестве гораздо более современного философа, а именно Жан-Жака Руссо. Сходство между Поппером и Тальмоном в том, что они пытались проследить истоки идей Маркса, идеологии коммунизма и в конечном счёте тоталитарного мышления вообще.

В своём толковании философии Руссо Тальмон отталкивается от понятия общей воли. Общая воля, по-французски *la volonté générale*, является в этом толковании некой объективной величиной, характеризующей действительную, глубинную и истинную волю народа. Общая воля не зависит от текущего фактического устроения конкретного, эмпирического народа. Управление в полном согласии с общей волей понимается как высшая форма демократии, более легитимная и справедливая, нежели простой подсчёт голосов и тому подобное. Свобода толкуется как понимание общей воли и согласование с ней всех действий. Тот, кто не согласен с общей волей, становится врагом истинной свободы и истинной демократии, и в случае необходимости для борьбы с такими врагами необходимо утвердить тиранию – тиранию свободы⁴².

Толкование Руссо, предложенное Тальмоном, односторонне и весьма спорно⁴³. Однако в нём присутствует рациональное зерно, как присутствует оно и в стремлении Тальмона обрисовать политическую

традицию, сформировавшуюся в русле идей философа. Речь идёт в первую очередь о якобинцах в лице Максимилиана Робеспьера и Луи Антуана Сен-Жюста, развивших и реализовавших идеи Руссо в ходе Французской революции⁴⁴. Во вторую очередь это касается марксистской традиции, в особенности ленинского коммунизма⁴⁵. В этой традиции явно присутствует представление о некой сознательной элите, которой ведомы истинные интересы народа и которая может управлять государством от его имени, при необходимости прибегая к диктатуре.

Сам Тальмон называет идею, лежащую в основе этой тоталитарной демократической традиции, политическим мессианством. Он определяет этот термин как постулирование «предрешённой, гармоничной и совершенной цели, к которой людей неудержимо влечёт и которой они должны в конце концов достичь. Эта цель признаёт только один план бытия, политический, однако расширяет его до такой степени, что он охватывает абсолютно все стороны человеческого существования»⁴⁶.

Итак: заданная для всего социума цель, безупречное и гармоничное общество, к которому должна вести вся политическая и индивидуальная деятельность. Всё становится политикой, заданная цель ставится превыше всего, а те, кто не понимает и не принимает этого, считаются врагами народа и свободы. Называя такую идеологию политическим мессианством, Тальмон тем самым подразумевает присутствие в ней религиозных черт⁴⁷. Его книга впервые рассматривает современные тоталитарные идеологии как политическую религию.

Гегель и романтизм. Можно доказать и присутствие романтических импульсов в тоталитарном мышлении: это идея возвращения к прошлому, к забытому ныне золотому веку, и заимствования из золотого века элементов, которые можно было бы положить в основу нового, совершенного общества в будущем. Такие представления можно найти и в фашизме, и в национал-социализме, и в исламизме⁴⁸. Даже у Маркса и Энгельса, которых отнюдь не назовёшь ретроградами, можно найти ностальгические рассуждения о первобытном коммунизме, существовавшем до появления социального неравенства и классовой борьбы.

Есть и другие примеры романтического мировоззрения, в той или иной степени присутствующие во взглядах всех тоталитарных мыслителей, к примеру, представление о том, что западная капиталистическая цивилизация устарела и переживает упадок, а потому ей на смену должно прийти нечто новое, полное сил. Это и тоска по чему-то аутентичному, мечта о подлинности и чистоте. В конце XIX – начале XX века эти идеи переживали бурное развитие в различных идеологиях расистского толка⁴⁹.

Необходимо, однако, заметить, что романтизм как философское течение был очень сложным явлением, и как в его политических, так и литературных ответвлениях имеется множество элементов, далёких от тоталитаризма.

И Поппер, и Тальмон уделяли в своих работах значительное внимание немецкому философу Г.В.Ф. Гегелю и его роли в оформлении предпосылок современного тоталитарного мышления⁵⁰. В его философии имеются элементы, родственные тоталитарной идеологии, в частности, в том что касается его взглядов на соотношение между государством и индивидом, а также его понимания истории. Но в сложных, запутанных и, если можно их так назвать, туманных рассуждениях Гегеля есть место и для идей, имеющих противоположную направленность. Возвращаясь к влиянию Гегеля на формирование тоталитарных идеологий, можно процитировать историко-теоретический труд Эббота Глисона «Тоталитаризм»: «Временами мне казалось, что вся дискуссия о тотальности и тоталитаризме сводится к философскому спору между правополитическими последователями Гегеля и левополитическими, в особенности Марксом»⁵¹.

Тот факт, что Маркс, будучи гегельянцем левого толка, развивал явно тоталитарные идеи, а его последователи в дальнейшем только усилили эту тоталитарную направленность, вполне согласуется с рассуждениями Поппера и Тальмона и их точкой зрения, на которой мы остановимся подробно далее в этой книге. Гегельянцы правого толка в целом менее известны. Но как минимум один из них всё же оставил заметный след в истории тоталитаризма. Речь идёт о Джованни Джентиле, который, как никто другой, способствовал формированию положительных коннотаций вокруг слова «тоталитаризм» и его становлению в качестве одной из центральных ценностей фашизма. На этой теме мы тоже подробно остановимся в дальнейшем.

Утопизм, революционный милленаризм и политическое мессианство в разных сочетаниях и в разной степени повлияли на формирование таких современных идеологий, как фашизм, национал-социализм и коммунизм. Однако существуют причины, по которым эти течения можно назвать всего лишь предшественниками, и не более того. Ни утопизм, как его понимает Поппер, ни милленаризм по Норману Кону, ни политическое мессианство XVIII века, описанное Тальмоном, не являются в полном смысле слова тоталитарными идеологиями. Говоря об утопизме, мы должны в первую очередь обратить внимание на характер утопий. К примеру, утопия, описанная американским философом Робертом Нозиком в книге «Анархия, государство и утопия», является очевидно плюралистской и основана на добровольных решениях⁵². В разделе о милленаризме мы уже упоминали о тенденции к самоизоляции и образованию небольших, закрытых сект. Касательно политического мессианства Руссо, Робеспьера и Сен-Жюста необходимо отметить, что в их работах, правда, в различной степени, говорится о важности индивидуальных прав и свобод и конституционного строя, что явно относит их к либерально-демократической традиции⁵³.

Всё это касается истории философских течений в Европе, то есть в западном культурном ареале. У исламизма как политической идеологии были свои философские предпосылки, основанные на том, как

понимался и практиковался ислам начиная со своего зарождения в VII веке. Из обширной и разнообразной мусульманской традиции исламисты выбрали несколько толкователей и исторических периодов, на которые они ориентировались в первую очередь. Во-первых, исламисты ссылаются на правление Мухаммеда в Медине в 622–632 годах как на идеал и образец для подражания. Первые поколения после Мухаммеда также рассматриваются как золотой век и служат источником вдохновения⁵⁴.

Среди прочих вдохновителей исламистов можно назвать средневековых теологов Абу-Хамида аль-Газали (1058–1111) и в особенности Ибн Таймию (1263–1328). Последний настойчиво продвигал идеи о том, что мусульманам следует объединиться во всеобщий халифат, а любое немусульманское влияние необходимо устранить; что вся жизнь общества должна регулироваться религиозными законами, известными как шариат; что врага (в данном контексте речь идёт в первую очередь о монголах) необходимо побороть⁵⁵.

Среди более современных идеологов выделяется Мухаммад Абд аль-Ваххаб (1703–1792), развивший идеи ибн Таймии и ставший основоположником доктрины ваххабизма. Союз аль-Ваххаба с эмиром Мухаммадом ибн Саудом способствовал объединению политики и религии на Аравийском полуострове. Этот союз стал исторической предпосылкой к значительному влиянию ваххабизма на политический режим Саудовской Аравии в наше время⁵⁶.

Говоря в общем, уже с конца XI века можно проследить различные движения, выражавшие недовольство текущим положением дел в мусульманской политике и религии и ратовавшие за возвращение к воображаемому золотому веку ислама. Все подобные движения носят одно общее название – салафия, а их последователи зовутся салафитами. Среди достойных упоминания салафитских идеологов до Первой мировой войны – Джамаль аль-Дин аль-Афгани (1838–1897) и Мухаммад Абдух (1849–1905)⁵⁷. В наши дни исламизм как политическая идеология чаще всего легитимизируется именно представителями салафитской мусульманской традиции.

Однако тот факт, что исламизм основан на специфически мусульманской философской традиции, ещё не означает, что в современной исламистской идеологии нет элементов, заимствованных из других источников. Имеются доказательства, что основатель мусульманского братства Хасан аль-Банна черпал вдохновение в идеологии фашизма⁵⁸. Также доказано, что в философии исламистского индолога Сайида Кутба присутствуют следы влияния революционного марксизма⁵⁹. А влияние на исламистов национал-социалистической идеологии описано неоднократно⁶⁰.

При этом не исключено, что влияние это не было односторонним. Мехди Мозаффари приводит в пример фашистского идеолога Джино Чербелло, который ещё в 1938 году в книге, посвящённой фашизму и исламу, утверждал, что фашизм в некотором роде является исламом XX века⁶¹.

Феномену тоталитаризма посвящено немало научных трудов⁶². Данная тема впервые вызвала интерес учёных в конце 1930-х годов, и причиной тому было очевидное сходство политических режимов Германии, Италии и Советского Союза, при всех идеологических различиях, и тот факт, что для обнаруженного сходства не имелось названия в тогдашнем политическом и государственно-правовом лексиконе. Сам термин «тоталитаризм» появился в середине 1920-х годов в контексте разговоров о политике и идеологии, и с самого начала он был неоднозначным. Одной из ранних работ, сыгравших значительную политическую и идеологическую роль, была книга Франца Боркенау «Тоталитарный враг», вышедшая в 1940 году. Автор, бывший член немецкой компартии (КПГ), был хорошо знаком с обоими тоталитарными движениями.

В целом весьма показательно, что понятие тоталитаризма использовалось как идеологами, так и исследователями, причём между двумя толкованиями этого понятия существовал определённый зазор. Особенно отчётливо это проявилось после 1945 года, когда понятие тоталитаризма стали рассматривать в связи с холодной войной. Идеологическая сторона понятия «тоталитаризм» отражена в широко известной речи Уинстона Черчилля о железном занавесе, произнесённой в Фултоне, штат Миссури, 5 марта 1946 года⁶³.

Однако настоящей вехой в послевоенных исследованиях тоталитаризма стал выход «Истоков тоталитаризма» Ханны Арендт в 1951 году⁶⁴. Чуть меньше влияния оказала работа «Истоки тоталитарной демократии» Тальмона, вышедшая несколько месяцев спустя. Однако и она вызвала определённый интерес и неоднозначную реакцию критиков и способствовала, наравне с переработанным изданием книги Поппера «Открытое общество и его враги», впервые вышедшей в 1950 году, утверждению термина «тоталитаризм» в политической теории послевоенного времени, хотя Поппер и уделял понятию тоталитаризма меньше внимания, нежели понятию закрытого общества.

В 1950–60-е годы теории тоталитаризма активно развивались в американском социологическом дискурсе и использовались в антисоветской пропаганде⁶⁵. К концу 1960-х, а также в последующие два десятилетия можно отметить снижение статуса тоталитарных исследований в академической среде. Левополитические круги критиковали исследования тоталитаризма как инструмент в идеологической борьбе Запада против коммунистов⁶⁶. Некоторые леворадикальные идеологи, такие, как Герберт Маркузе, пытались расширить понятие тоталитаризма таким образом, чтобы оно охватывало и капиталистическую демократию западного типа⁶⁷.

Однако отдельные исследователи, к примеру, немецкий историк Карл Дитрих Брахер⁶⁸, продолжали работать с термином в его более традиционном понимании и в 1970–80-х годах. Ещё один пример – американский социолог Хуан Линц⁶⁹. Но настоящее возрождение интереса к исследованию тоталитаризма началось лишь после

падения Берлинской стены в 1989 году. В этой связи важно упомянуть итальянского историка Эмилио Джентиле, который в своих работах по итальянскому фашизму связал понятие тоталитаризма с понятием политической религии, подчёркивая религиозные или близкие к ним элементы в идеях, символике и методах тоталитаризма⁷⁰. Помимо Джентиле следует также назвать английского исследователя Роджера Гриффина⁷¹. Вместе с Джентиле он основал в 2000 году интернет-издание «Тоталитарные движения и политические религии»⁷². Интерес к взаимоотношениям между тоталитаризмом и религией, в политическом и ином ключе, характерен также для антологии «Тоталитаризм и политические религии», вышедшей на немецком в 1996 и 1997 годах под редакцией историка религии и социолога Ханса Майера⁷³.

Важную роль в современных исследованиях по тоталитаризму играет немецкий Институт исследований тоталитаризма имени Ханны Арендт в Дрездене, основанный вскоре после падения Берлинской стены и объединения Германии. Институт издал ряд книг и исследовательских работ, посвящённых тоталитаризму, в том числе антологию социалистической критики тоталитарных идей⁷⁴. В последние годы заметно возрос интерес к данной теме среди скандинавских, в том числе и норвежских, исследователей⁷⁵.

Исследования тоталитаризма, в том числе новейшие, всегда были ориентированы на Европу: они касались главным образом фашизма, национал-социализма и коммунизма и основывались исключительно на тенденциях развития Европы в XIX–XX веках. Идеологические течения и политические режимы за пределами Европы волновали исследователей лишь постольку, поскольку они являлись ответвлением европейских идеологий, например, левацкие режимы Мао или Пол Пота.

Однако после теракта 11 сентября наметилась тенденция к включению исламизма в круг актуальных тем для исследования. При этом приводился тот аргумент, что включение исламизма в круг исследуемых идеологий позволит расширить наше понимание феномена тоталитаризма в современном мире, в том числе и незападном, не-европейском. Книга «Террор и либерализм» Пола Бермана, вышедшая в 2003 году, является одной из первых и важнейших работ, написанных в таком ключе. Он рассматривает исламизм как звено в цепи тоталитарных бунтов против либеральной демократии XX века. Английский историк Майкл Бёрлей, ранее занимавшийся немецким национазмом, в своих последних книгах также уделяет внимание исламизму⁷⁶. Центр исследований исламизма и процессов радикализации при университете в Орхусе (Дания), работающий под руководством беженца из Ирана Мехди Мозаффари, также издал несколько интересных работ, посвящённых исламизму в свете тоталитарных исследований⁷⁷.

Из классических определений тоталитаризма наиболее influential считается определение, данное американскими политологами Карлом Фридрихом и Збигневом Бжезинским в 1956 году. Они выделили шесть тесно взаимосвязанных критериев:

- 1) официальная идеология, которая стремится к созданию совершенного общества и которую все должны поддерживать, хотя бы пассивно;
- 2) одна всеобщая политическая партия, как правило руководимая одним человеком, иерархически главенствующая и управляющая всем бюрократическим аппаратом либо неразрывно слитая с ним;
- 3) систематический террор – система физического или психического угнетения, осуществляемого партией либо с её одобрения, под контролем тайной полиции;
- 4) технологически обусловленный полный либо практически полный контроль и монополия над средствами массовой информации со стороны партии либо властей;
- 5) также технологически обусловленный полный либо практически полный контроль над вооружениями, армией и применением силы;
- 6) центральное управление всеми отраслями экономики⁷⁸.

Позднее Фридрих усовершенствовал это определение по двум пунктам: во-первых, у власти не обязательно должна стоять политическая партия, в принципе это может быть какая угодно элита, сосредоточившая в своих руках управление государством; во-вторых, эта элита должна иметь контроль над всеми общественными организациями, в том числе экономическими⁷⁹.

Похожие определения можно найти и у других авторов. В частности, широко известно определение французского социолога Реймона Арона, состоящее из пяти пунктов:

- 1) одна монополярная партия;
- 2) одна официальная государственная идеология;
- 3) монополия на все средства влияния и принуждения;
- 4) подчинённость большинства экономических и трудовых ресурсов государству и их включённость в систему государственного управления;
- 5) политизация преступлений всякого рода, и вследствие этого развитие политического и идеологического террора⁸⁰.

Все подобные определения тоталитаризма сходятся в том, что в первую очередь они сосредоточены на описании тоталитарных режимов и обществ. Это, в общем-то, не лишено смысла. При изучении тоталитаризма важно различать плохое и ещё худшее – к примеру, отделять авторитарный режим от тоталитарного. Различие между ними можно бегло охарактеризовать следующим образом⁸¹.

Авторитарные режимы представляют собой разного рода политические диктатуры. Они требуют лояльности всего населения и полного запрета на оппозицию. Они могут быть весьма жестокими и оправдывать широкое применение насилия государством по от-

ношению к противникам режима. Однако если население проявляет лояльность по отношению к властям и законам, авторитарный режим, как правило, бывает удовлетворён. Испания при Франко и Чили при Пиночете – типичные примеры авторитарных режимов.

Тоталитарные режимы во многом похожи на авторитарные, однако имеют гораздо больше амбиций. Они объявляют себя революционными и ставят себе цель создания совершенно нового общества. Им недостаточно того, чтобы население проявляло простую лояльность, то есть законопослушность, – они требуют активной поддержки и участия в достижении всеобщей цели и ведут массовую пропаганду на всех уровнях, чтобы обеспечить себе такую преданность. Во главе тоталитарного режима может стоять диктатор и, как правило, так и происходит. Однако это не обязательно, и личная диктатура не является главным признаком тоталитарного режима. Тоталитарный режим может представлять собой особую форму демократии или казаться таковой в собственных глазах. Тоталитарные режимы могут характеризоваться широким применением насилия со стороны государства, но и это не является обязательным: террор становится средством, и применение насилия со стороны государства всегда сообразно достижению некой цели. Террор может быть столь же эффективен в качестве призрачной угрозы, как и в форме массовых убийств, санкционированных государством.

Ещё один признак, объединяющий все тоталитарные режимы, – это то, что все они возникли в определённой исторической ситуации, на основании определённых культурных, технологических и прочих предпосылок. Ни один по-настоящему тоталитарный режим не был бы возможен без современных технологий и средств коммуникации (не считая уже упомянутой нами Мюнстерской коммуны).

Однако излишняя сосредоточенность на режимах может привести к изматывающим и бесплодным научным изысканиям: где находится грань, отделяющая тоталитарный режим от нетоталитарного? Если достаточно внимательно подойти к истории, то окажется, что даже сталинский и гитлеровский режимы включают в себя элементы, не подпадающие под определения тоталитаризма, не говоря уже о режиме Муссолини. И потом, как быть с советским режимом после Сталина? Ведь он не характеризуется жестоким террором, да и лагерей стало значительно меньше. Как охарактеризовать политический режим в ГДР или советской Польше – насколько они были тоталитарны? И куда отнести исламскую республику Хомейни?

По-моему, очень многие исследования оказались односторонними в том смысле, что сосредоточились на изучении тоталитарных режимов и уделили недостаточно внимания изучению тоталитарных идей⁸². Между тем, для того чтобы сколько-нибудь продвинуться в изучении тоталитаризма, совершенно необходимо различать режимы и идеи. Весь смысл тоталитарного режима, независимо от того, каким определением мы пользуемся, состоит в воплощении в жизнь определённых идей, так или иначе составляющих определённую идеологию.

...И ГЛОБАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ: ТОТАЛИТАРНЫЕ ИДЕОЛОГИИ

В этом разделе мы попытаемся по пунктам дать определение тоталитарной идеологии – и тоталитарных движений как носителей таких идеологий. Это весьма примитивное определение, однако оно основано на трудах целого ряда теоретиков, от Ханны Арендт и дуэта Фридрих-Бжезинский до Роджера Гриффина, Карла Дитриха Брахера, Барбары Цейнпфенниг и норвежского историка Оттара Дала⁸³:

- 1) тоталитарные движения, будучи носителями тоталитарных идеологий, приписывают себе открытие формулы совершенного общества;
- 2) они агрессивно и бескомпромиссно отвергают нынешнее общество. Это верно для обществ любого типа, но исторически так сложилось, что на роли отвергнутых оказывались в основном либерально-демократические общественные уклады западного типа;
- 3) они революционны – они требуют резкого и полного разрыва с прошлым;
- 4) они непоколебимо уверены в собственной правоте, в том, что им удалось найти единственную и окончательную истину. Тоталитарные движения и идеологии принципиально борются со всеми проявлениями плюрализма;
- 5) они не считают политику и политические идеи чем-то отдельным от остальных сфер человеческой жизни и исходят из того, что всё в жизни связано. Их идеи претендуют на универсальность. У них есть решения для проблем любого рода, они хотят контролировать все сферы человеческой жизни;
- 6) понимание сути идеологии, по крайней мере на ранней стадии развития, считается исключительной прерогативой правящей элиты. По мнению элиты, большинство людей живёт в мире иллюзий и не обладает знанием о том, как на самом деле устроен мир;
- 7) они считают себя вправе пользоваться любыми средствами для достижения поставленных целей, в том числе, при необходимости, применять насилие и террор. Цель так велика и важна, что затмевает всё остальное, поэтому не существует моральных и идеологических ограничений на применяемые для её достижения средства;
- 8) всякий, кто стоит на пути к достижению цели, считается врагом, включая тех, кто хочет сохранить прежний общественный уклад и кто достиг при нём благосостояния, а также приверженцев других, конкурирующих, тоталитарных идеологий⁸⁴.

Исходя из данного определения, тоталитарные режимы можно понимать как режимы, при которых у власти стоят тоталитарные движения, работающие над достижением своих целей. В том, что касается средств для достижения этих целей, мы обнаружим у разных режимов много общего: главенствующая идеология, которую все обязаны активно поддерживать; одна партия или политическое движение у власти; монополизация и полный контроль над экономикой, средствами коммуникации и массовой информации; систематическое и обширное применение насилия по отношению к тем, кого режим считает врагами. И это далеко не полный список.

Разумеется, у подобного определения тоталитарных режимов есть свои слабые стороны. Такое определение можно назвать интенциональным: в качестве основного критерия оно использует намерения властей предрешающих, давая тем самым возможность включить в круг тоталитарных режимов самые разные типы государств и общественных укладов. Можно ввести дополнительное ограничение, указав в качестве побочного критерия, что тоталитарный режим отличается тем, что правящая группа уже успела пройти определённый отрезок пути к достижению цели. Однако тогда возникнет необходимость включить в список критериев структуру общества и наше определение превратится в смешанное структурно-интенциональное.

Чтобы избежать этого, мы можем ввести различие между тоталитарным режимом и тоталитарным обществом. Режим может считаться тоталитарным, если власть в государстве принадлежит тоталитарному движению. Общество может считаться тоталитарным, если оно демонстрирует определённые тоталитарные черты. Иначе говоря, тоталитарная власть должна глубоко контролировать общественную жизнь и значительно преуспеть в реализации своего плана по созданию совершенного тоталитарного общества.

С этой точки зрения мы вполне можем назвать режим Муссолини в Италии тоталитарным режимом, однако итальянское общество того времени вряд ли было тоталитарным обществом.

Различные типы тоталитарных режимов неизбежно будут иметь определённое идеологическое и структурное сходство. Так же неизбежно они будут иметь и различия. Это обусловлено не только различными историческими обстоятельствами, но и различиями в национальных традициях и культурных особенностях. Кроме того, мы обнаружим значительные расхождения и в самих идеологиях: каким именно должно быть совершенное общество, кто его главные враги, какие средства считать наиболее целесообразными, и прочие не менее важные вещи.

При этом все тоталитарные идеологии обнаруживают фундаментальное сходство на высших уровнях обобщения. Независимо от того, насколько разнятся формулы совершенного общества, построение этого общества считается высшей целью, оправдывающей любые средства. К примеру, жизнь отдельного человека ничего не значит по сравнению с этой целью и не имеет никакой ценности. Убийство

одного человека, признанного врагом режима и стоящего на пути к достижению высшей цели, считается вполне допустимым. Как и убийство тысячи. Или миллиона.

Представление о том, что цель так важна, что оправдывает любые средства, можно развивать и обосновывать до бесконечности. К примеру, можно утверждать, что достижение цели является вопросом жизни или смерти всего человечества или, по крайней мере, той его части, которой непосредственно касается данный тоталитарный режим. Как правило, речь не идёт о создании совершенного общества на замену какому-то другому, которое и так функционирует удовлетворительно. Речь идёт о том, что человечество полным ходом движется к катастрофе, и спасти его может лишь резкая и кардинальная смена курса, допускающая применение любых, даже самых крайних, средств. При рассмотрении вопроса о собственном выживании инстинкт самосохранения перевешивает любые этические соображения⁸⁵.

Ещё одна общая черта всех тоталитарных режимов заключается в том, что они считают себя вправе объявить кого угодно врагом общества. Именно такая идеологически обоснованная позиция служит предпосылкой к террору, который можно считать характерным признаком тоталитарного режима. Неважно, насколько вы законопослушны – вас всё равно могут объявить врагом. Даже если вы активно поддерживаете главенствующую идеологию и действующую власть. То, что вы делаете или, напротив, не делаете, вообще не играет никакой роли – если так понадобится для дела, вас назовут врагом.

Подобные фундаментальные идеологические представления – вера в найденную формулу совершенного общества, в своё право прибегать к любым средствам в деле его строительства и кого угодно объявлять врагом режима – можно принять за доказательство того, что тоталитарная идеология как таковая подразумевает террор. Некоторые исследователи говорят о неотъемлемо присущей тоталитаризму тенденции к террору и геноциду⁸⁶.

Рассуждения именно такого рода подтолкнули Ханну Арендт к выводу о том, что «тотальный террор» является главным признаком тоталитарных режимов. Под тотальным террором подразумевается ощущение постоянной угрозы, пронизывающее всё общество, когда никто не может чувствовать себя в безопасности. Для Арендт связь между идеологическими представлениями и террором получила подтверждение в существовании концентрационных лагерей в том виде, в котором они существовали при режимах Гитлера и Сталина⁸⁷.

Тоталитарные идеологи не просто мыслили по-новому. Они мыслили глобально. Они хотели изменить мир. Они хотели спасти всё человечество. Они хотели отбросить прежние истины и традиции, полностью порвать с прошлым и создать совершенное общество. Они не признавали общепринятых правил игры. Они исходили из того, что возможно всё.

И как бы ни было важно помнить о том, что все тоталитарные режимы сопровождались террором и геноцидом, нужно осозна-

вать и то, что тоталитарные режимы, понимаемые как политические режимы, в которых вся государственная власть принадлежит тоталитарному движению, пытающемуся воплотить в жизнь свою идеологию, являются революционными экспериментами. Тоталитарные режимы сами определяют, что есть добро, а что есть зло. Они пытаются играть в Бога.

Говоря о фашизме, национал-социализме и коммунизме можно заметить, что тоталитарный режим подменяет собой Бога в светском, атеистическом мире.

ФАШИЗМ: ТОТАЛИТАРИЗМ КАК ЛОЗУНГ ДОБРА

Партия, управляющая тоталитарно нацией, факт новый в истории.

*Бенито Муссолини*⁸⁸

Для фашиста всё в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен.

*Джованни Джентиле*⁸⁹

НОВОЕ ПОНЯТИЕ И НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Итальянский фашизм как политическое движение и философское течение имеет совершенно особые взаимоотношения с понятием тоталитаризма. Ничего подобного мы не обнаружим ни в марксизме, ни в национал-социализме, ни в исламизме. Для Муссолини слово «тоталитаризм» – *totalitarismo* – обладало исключительно положительными коннотациями и было центральным понятием всей фашистской идеологии.

Фашизм Муссолини был исходным прототипом, вне зависимости от того, что мы понимаем под фашизмом теперь. Кроме того, именно в связи с фашизмом Муссолини родилось понятие тоталитаризма. Само происхождение этого понятия – и соответствующего слова – интересно и необычно. С самого начала слово «тоталитаризм» было неоднозначным и парадоксальным.

В первое время понятие тоталитаризма вызывало негативные ассоциации и было едва ли не бранным словом. Джованни Амендола, антифашист либерального толка, в 1923 году в своей критике режима Муссолини употребил выражение *sistema totalitario* – «тоталитарная система». Кстати, в конце концов Амендола пал жертвой фашистского режима. Он подвергся преследованию со стороны фашистских банд, и в 1926 году скончался от полученных травм⁹⁰. Однако вслед за ним и другие итальянские антифашисты стали говорить о тоталитарной системе. Они критиковали фашистов за покушения на политическую демократию и индивидуальные свободы, а также попытки узурпировать власть в стране и подавить любую оппозицию самыми жестокими средствами. Особенное беспокойство вызывали последовательные попытки Муссолини слить воедино фашистскую партию и само итальянское государство⁹¹.

В начале января 1925 года в итальянской политической дискуссии впервые было употреблено существительное «тоталитаризм». Оно появилось в статье социалиста Лео Бассо применительно к тому новому строю, который пытались утвердить фашисты во главе с Муссолини. Любая оппозиция будет объявлена врагом народа, пишет автор, а любое преступление фашистов будет оправдано преследу-

емой ими высокой целью. Все органы государственного управления сольются в «единой партии, которая объявит себя пророком воли народа». В итоге Бассо называет фашистский строй «тоталитаризмом»⁹².

В начале 1925 года в Италии произошли знаменательные события. Именно в это время Муссолини вытеснил с политической сцены всю оппозицию и открыто утвердил свою фашистскую диктатуру⁹³.

Сопровождавшие эти события языковые изменения были, вероятно, не столь драматичны, но тем не менее представляют определённый интерес. В июне 1925 года Амендола расширил существовавшее на тот момент понятие тоталитаризма. Отталкиваясь от сходства между фашизмом и коммунизмом, он назвал обе идеологии «тоталитарной реакцией на либеральную демократию», заложив тем самым основу для интерпретации понятия тоталитаризма в XX и XXI веках.

Однако предложенное Амендолой определение тоталитаризма недолго оставалось единственным. Всего неделю спустя сам Муссолини принял этот лингвистический вызов. Он заявил, что целью фашизма объявляется «наша неумолимая тоталитарная воля», перетаскивая тем самым новое слово на свою сторону идеологического фронта. Слово, бывшее ругательством в рядах противников фашизма, стало лозунгом его лидера и вдохновителя.

Отобрать у противника негативно заряженное слово и снабдить его положительными коннотациями было со стороны Муссолини осознанным шагом. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании речи, произнесённой в феврале 1926 года одним из фашистских лидеров Роберто Даванцати. Дословно он сказал следующее: «Если наши противники называют нас тоталитарными, непримиримыми, тиранами, доминиканцами – мы не должны бояться этих слов. Мы должны носить их с честью и гордостью. <...> Ничего не отрицайте! Всё верно, мы тоталитарны. Мы днём и ночью стремимся быть такими, ни на что не отвлекаясь»⁹⁴.

Так была заложена основа как минимум для трёх толкований термина «тоталитаризм»:

- 1) Идеологическое понятие с сильными отрицательными коннотациями, вплоть до бранного слова, используемое для обозначения фашистов их противниками.
- 2) Понятие, характеризующее как фашизм, так и коммунизм, с учётом некоторых сходств между двумя этими противоборствующими идеологиями. Понятие было введено идеологическим противником обоих течений и поначалу обладало сильными негативными коннотациями.
- 3) Положительно заряженное понятие, используемое самими фашистами для обозначения своих идей и целей.

Ни одна из последующих крупных политических идеологий не последовала примеру Муссолини, который сделал тоталитаризм своим лозунгом. Исключением является, пожалуй, лишь итальянский коммунист Антонио Грамши, неоднократно использовавший слово

«тоталитаризм» в положительном смысле в попытках победить своих идеологических противников на терминологическом поле⁹⁵. Однако в этой борьбе он не получил поддержки от своих идеологических соратников.

С этой точки зрения фашизм не просто опередил другие тоталитарные идеологии – он не знает себе равных. Хотя в остальном нельзя обойти вниманием некоторые парадоксы. Так, фашизм вовсе не был первым режимом, пытавшимся построить тоталитарное общество: здесь Муссолини явно опередил Ленин со своей партией большевиков. Кроме того, Муссолини так и не удалось построить в Италии полноценное тоталитарное общество, в лучшем случае это была облегчённая версия тоталитаризма. Если придерживаться обозначенного нами различия между тоталитарным режимом и тоталитарным обществом (см. с. 35), можно сказать, что фашистский режим Муссолини, будучи режимом, стремящимся воплотить в жизнь тоталитарные идеи, не слишком продвинулся на пути создания тоталитарного общества. В этом смысле другие режимы – в частности, коммунистический режим Советской России и национал-социалистический режим в Германии, – преуспели гораздо больше, хотя идеологи этих режимов относились к понятию тоталитаризма совершенно иначе, нежели Муссолини: они не желали, чтобы их режимы называли тоталитарными.

Что подразумевал Муссолини, говоря, что целью фашизма является «наша неумолимая тоталитарная воля»? И в каком смысле фашизм считал себя тоталитарным движением?

Общепризнанным официальным изложением идей фашизма является статья «Доктрина фашизма»⁹⁶. Она была напечатана в итальянской энциклопедии в 1932 году, и её автором является сам Муссолини. Точнее, он является её официальным автором, на деле же статья была написана им в соавторстве с Джованни Джентиле⁹⁷. Джентиле, считавший себя последователем Гегеля, долгое время был официальным идеологом фашизма в Италии. Он примкнул к фашистам в начале 1920-х годов, усмотрев большое сходство между идеологией фашистов и собственной философской системой, которую он называл «актуализм»⁹⁸. Пожалуй, точнее будет выразиться следующим образом: именно Джентиле сыграл значительную роль в формировании фашистской идеологии и придании ей тоталитарной направленности. В 1932 году фашизм был гораздо более цельной идеологической системой, нежели десятью годами ранее, и «Доктрина фашизма» задумывалось как краткое и точное изложение основных пунктов этой системы. Джентиле написал первую часть статьи, характеризующуюся философской направленностью, тогда как Муссолини сформулировал вторую, идейно-историческую часть.

Фашизм зачастую понимается как антиинтеллектуальное движение, лишённое значительных и упорядоченных политических идей. Одним из представителей такого подхода является шведский исследователь Йоран Хэгг. В написанной им биографии Муссолини, вышед-

шей в 2008 году, можно прочесть следующее: «С 1915 года он стремился лишь к одному – к власти. В течение трёх последующих десятилетий он успел принять, а затем отринуть каждую мировоззренческую позицию из существовавших на земле». Хэгг пишет также, что на примере Муссолини мы можем «понять, к чему может привести отсутствие идеологии»⁹⁹.

В другой интерпретации упорядоченная политическая идеология играла решающую роль и была краеугольным камнем фашизма. Такой позиции последовательно, в течение многих лет придерживается американский историк Э. Джеймс Грегор¹⁰⁰. Многие современные итальянские исследователи уделяли внимание политическим идеям фашизма. За пределами страны наибольшую известность приобрёл Эмилио Джентиле¹⁰¹. В Скандинавии идеологическими аспектами фашизма занимался, в частности, норвежский исследователь Оттар Дал. В отличие от Хэгга, он внимательно изучил идеологические первоисточники фашизма¹⁰².

Если сильно упростить дело и свести все возможные толкования фашизма Муссолини к описанным двум, я, скорее, придерживаюсь второй позиции. Однако нельзя при этом забывать, что Муссолини, особенно в расцвете своей карьеры, был блестящим тактиком и весьма хитроумным политиком. Кроме того, нужно учитывать, что фашизм с самого начала предпочитал действия словам и основные его постулаты были сформулированы лишь со временем.

В «Доктрине фашизма» последнее утверждение прокомментировано достаточно подробно. Муссолини пишет, что первоначально фашизм представлял собой только «ряд положений, предвосхищений, намеков», и лишь через несколько лет он окончательно превратился в «самостоятельную политическую доктрину по отношению ко всем другим, прошлым и современным»¹⁰³. Но лишь теперь, после того как он оформился теоретически, фашизм смог предложить реальную помощь «во всех проблемах, которые материально или духовно мучают народы мира».

Теоретическая система – «доктрина» – оформилась, согласно Муссолини, «в пылу борьбы». Оформление доктрины именно таким образом, «под видом буйного и догматического отрицания», происходило, согласно Муссолини, именно так, «как это бывает со всем возникающими идеями»¹⁰⁴.

По поводу соотношения между действиями и идеями Муссолини всегда подчёркивает, что фашизм должен реализоваться одновременно как «действие и мысль», так как он есть «действие, которому присуща доктрина». Далее, в характерной для Джентиле манере выражаться, было сформулировано, что фашизм должен принять форму, «соответствующую обстоятельствам места и времени». При этом идейное содержание фашизма должно было поднять его форму «до значения истины в истории высшей мысли»¹⁰⁵. Таким образом, амбиции были велики. Фашизм не желал подчиняться какому-либо мыслителю или идеологической системе. Муссолини и его придворный философ верили, что открыли высшее проявление истины.

Для Муссолини было чрезвычайно важно представить фашизм как нечто новое, как революционный разрыв с существующим общественным порядком и другими политическими идеологиями. В автобиографии, вышедшей на английском языке в 1928 году, он пишет, что с самой первой минуты целью фашизма было «создание совершенно нового с социальной и экономической точки зрения государства». В другом месте он заявляет, что фашизм пытался создать «новую культуру посредством сложной и вдохновенной деятельности на основе реального, теоретического и духовного опыта»¹⁰⁶.

В «Доктрине фашизма» Муссолини беспрекословно утверждает следующее: «Фашизм не пятится назад», сопровождая эти слова саркастическим замечанием, что фашизм никогда не избрал бы своим пророком де Местра. Речь идёт о французском контрреволюционере Жозефе де Местре, одном из самых влиятельных философов и идеологов консервативной направленности XIX века¹⁰⁷.

Важнейшей задачей было создание «фашистского человека». Джентиле, от имени Муссолини и своего собственного, заявлял, что для фашизма человек есть «индивид, единый с нацией», стремящийся к жизни, в которой «индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность»¹⁰⁸.

Индивид должен пожертвовать собой ради коллектива, и тем самым, так или иначе, в конечном счёте «духовно» стать его частью. Люди должны удовлетворять свои потребности и реализовать свою истинную ценность исключительно как члены коллектива. В данном конкретном случае этим коллективом была итальянская нация. Муссолини завершает свою автобиографию пышными фразами, посвящёнными именно этой теме. «Я полностью избавился от личных интересов в самом себе, – пишет он. – Я объявляю себя вашим, – (обращаясь к итальянскому народу), – слугой. Я чувствую, что все итальянцы понимают и любят меня»¹⁰⁹.

ВЕК КОЛЛЕКТИВИЗМА И ГОСУДАРСТВА

На основании взглядов, изложенных Муссолини, можно утверждать, что фашизм был идеологией коллективизма. И фашисты не просто открыто признавали это; они считали такой взгляд на вещи единственно правильным и верили, что коллективизм может открыть новые пути и возможности при создании нового общества. В 1932 году Муссолини написал, что XIX век, прошедший под знаком либерализма и индивидуализма, был веком индивида. XX век, напротив, должен был стать «веком коллектива», а также веком фашизма¹¹⁰.

Фашистский коллективизм должен был строиться в государстве и на основе его. Представление о государстве, его «сущности, задачах и целях», было ядром фашистской доктрины¹¹¹. Согласно Муссолини и Джентиле, государство есть «универсальное сознание и воля человека в его историческом существовании». Государство представляет

собой «истинную реальность индивида». Такие философские формулировки легко могут показаться слишком абстрактными и туманными, но авторы «Доктрины фашизма» недвусмысленно объясняют, что именно они имеют в виду.

«Для фашиста, – пишут они далее, – все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства». Фашистское государство понимается как «синтез и единство всех ценностей», оно «истолковывает и развивает всю народную жизнь, а также усиливает ее ритм».

Другими словами, государство должно охватывать все стороны жизни общества. «Вне государства нет индивида, нет и групп», – утверждают Джентиле и Муссолини. Они даже приводят примеры таких групп, которые не могут существовать вне государства, то есть независимо от него. Вне государства нет «политических партий, обществ, профсоюзов, классов»¹¹². Другими словами, для фашистов государство было «абсолютом», тогда как индивиды и группы были «относительные». Таким образом, XX век должен был стать не только веком коллективизма и веком фашизма, но и «веком государства»¹¹³. При помощи всеобъемлющего государства можно было объединить и скрепить национальную общность «одной идеей»¹¹⁴.

Из рассуждений Муссолини и Джентиле о взаимоотношениях между государством и итальянской нацией легко можно сделать вывод о том, насколько большую роль играло государство в фашистской идеологии. «Доктрину фашизма» отделяет от итальянского национализма XIX века значительная дистанция. Здесь не нация создаёт государство, как было принято считать в политических теориях национального государства в XIX веке. Всё не так. Официальная позиция фашизма, сформулированная в «Доктрине», звучит следующим образом: «Наоборот, государство создает нацию»¹¹⁵. В такой трактовке национальная общность предстаёт как исторический продукт и историческая переменная величина, зависящая от идеологических представлений и политических действий. Подобные представления можно найти в современных научных теориях формирования наций и национализма¹¹⁶. Для Джентиле и Муссолини такой взгляд на вещи является естественным продолжением идеи о том, что ядром фашистской коллективистской идеологии является государство. Государство создаёт нацию, давая ей «сознание активное», а также «действующую политическую волю»¹¹⁷.

Именно такое понимание фашизма позволило Муссолини и его официальному философу Джентиле превратить слово «тоталитаризм» в лозунг фашистов. Они завершают свои рассуждения о том, что всё является элементом государства и вне государства никакие человеческие действия не существуют и не имеют ценности, следующей фразой: «В этом смысле фашизм тоталитарен»¹¹⁸.

Помимо слова «тоталитарный», фашисты наделили положительным значением и слово «революционный». Фашистское государство «не реакционно, не революционно», пишет Муссолини¹¹⁹.

Фашизм воспринимал себя как нечто новое и революционное, как политическую и философскую систему, превосходящую все остальные. Но кому и чему противопоставлял себя фашизм в действительности?

Для Муссолини было крайне важно обозначить различие между тоталитарным фашистским государством и тираниями прошлого. Фашистское государство вовсе не является «тираническим государством средневекового владыки», пишет он. Оно не имеет также ничего общего с «абсолютными государствами до или после 1789 года». В отличие от таких режимов новое, тоталитарное государство должно быть основано на миллионах индивидов, которые «его признают, чувствуют, готовы ему служить». Фашистское государство не подавляет индивида, но делает его сильнее, «как солдат в строю не умален, а усилен числом своих товарищей»¹²⁰.

Из современных политических систем и идеологий фашизм наиболее открыто и ожесточённо противопоставлял себя демократии. Демократия является политической системой, «приравнивающей народ к большинству, и снижающей его до уровня многих»¹²¹. Фашизм «борется со всем комплексом демократических идеологий», пишут Джентиле и Муссолини. Фашизм отвергает не только их теоретические принципы, но и их практическую реализацию. Основополагающий аргумент против демократии не нов, его можно найти уже в древнегреческой философии: «Фашизм отрицает, что число, просто как таковое, может управлять человеческим обществом».

Ещё один аргумент против демократии состоит в том, что все люди разные и различия между ними являются скорее преимуществом и плодотворным фактором, который нельзя выразить посредством столь примитивного принципа, как всеобщее голосование¹²².

Однако Джентиле и Муссолини (все эти мысли были сформулированы именно Джентиле) имели и другие претензии к демократии. Так, они считали демократию как политическую систему иллюзией, обманом чистой воды. Она давала людям обманчивое ощущение, что они правят государством, тогда как на самом деле реальная власть поκειται на «других силах, часто безответственных и тайных»¹²³.

Другими словами, демократия – всего лишь притворство. Представление о «тайных силах», которые обладают реальной властью, открывает простор для бурного развития целого ряда теорий заговора. В «Доктрине фашизма» авторы ограничиваются лишь намёками и не дают никаких прямых указаний на такие силы. Одним из возможных кандидатов в такие силы было масонство. В одном из своих пассажей Муссолини упоминает, что фашизм с самого начала вёл борьбу с либеральными, демократическими, социалистическими, а также масонскими доктринами¹²⁴.

Ещё одним аргументом против демократии служит то, что она способствует расколу, разобщенности между людьми. Это «режим без короля, но с весьма многочисленными, часто более абсолютными, тираническими и разорительными королями»¹²⁵. И все эти короли могут порождать гораздо больше насилия и тирании, чем один, верховный

тиран. Этот аргумент также имеет глубокие корни в истории политических и идеологических учений. Совершенно очевидно, например, что Джованни Джентиле был хорошо знаком с трудами Томаса Гоббса.

В продолжение изложенных мыслей Джентиле, а вслед за ним и Муссолини утверждал, что фашизм отвергает демократию как «абсурдную ложь политического равенства, привычку коллективной безответственности»¹²⁶.

И всё же здесь имеется большое «но». Джентиле и Муссолини достаточно последовательно отвергали демократию в своей риторике, но речь шла о демократии в том смысле, в котором она повсеместно понималась и практиковалась. Они делали оговорку, что при ином понимании демократии их отношение к ней будет иным. И авторы «Доктрины фашизма» указывали на возможность альтернативного понимания демократии: если демократия не стремится «загонять народ на задворки государства», то можно определить фашизм как «организованную, централизованную и авторитарную демократию»¹²⁷. При таком толковании можно даже сказать, что фашизм, при всём его критическом отношении к существующим формам демократии, сам является «настоящей формой демократии». Для этого необходимо понимать народ «качественно, а не количественно»¹²⁸.

Этот риторический ход весьма интересен, и его можно сравнить с риторической тактикой фашистов в отношении понятия «тоталитаризм». Нечто, изначально воспринимаемое критически и вызывающее негативные ассоциации, подхватывается на лету и преобразуется в нечто позитивное, в лозунг и ключевое понятие фашистской доктрины. Эта тактика, принятая идеологами фашизма в отношении понятия «тоталитаризм», показала себя весьма удачной. Однако попытка подобным образом захватить и переиначить понятие демократии провалилась. Но само намерение заслуживает внимания. Такой идеологический и риторический манёвр, при котором антидемократическая, тоталитарная идеология – фашизм – объявляет себя истинной, высшей формой демократии, понимаемой как нечто совершенно иное, нечто «качественное», в противовес традиционному пониманию демократии, – подобный манёвр был взят на вооружение и другими тоталитарными идеологиями.

Фашизм противопоставлял себя не только демократии (в её общепринятом значении), но и либерализму, который не только в итальянской истории, но и в истории всех европейских народов тесно связан с демократическим мышлением.

Учитывая фашистскую точку зрения на государство и его роль в обществе, неудивительно, что фашизм отвергал либеральную идеологию. Сложно представить себе философскую систему, отстоящую от идей Муссолини дальше, чем либерализм. Сам Муссолини сформулировал это так: «По отношению к либеральным доктринам фашизм находится в безусловной оппозиции, в области как политики, так и экономики»¹²⁹.

Впрочем, Муссолини и Джентиле готовы были признать за либерализмом некоторую историческую значимость и ценность. Клас-

сический либерализм возник «из необходимости реакции против абсолютизма»¹³⁰, пишут они. В XIX веке либеральная идеология играла важную роль как в итальянской истории, так и в истории всей Европы. Но Муссолини считал, что не стоит переоценивать эту роль, и утверждал, что в действительности расцвет либерализма продлился всего пятнадцать лет: с его возникновения в 1830 году и до кульминации в революциях 1848-го. Непосредственно после этого начался регресс. В Германии либерализм потерпел фиаско, будучи доктриной, глубоко «чуждой немецкой душе», как пишет Муссолини за год до прихода к власти Гитлера. Относительно же Италии Муссолини утверждает, что национальные герои XIX века, Джузеппе Мадзини и Джузеппе Гарибальди, «не были либералами» и либерализм в действительности играл совершенно незначительную роль в итальянском объединении. Далее Муссолини объявляет, что либерализм есть «логически и исторически преддверие анархии», и в его устах это вовсе не кажется похвалой¹³¹.

Во время написания «Доктрины фашизма» весь мир переживал глубокий экономический кризис. Либеральные решения экономических и социальных проблем, равно как и либеральные идеи в целом, котиrowались не особенно высоко. В 1932 году Муссолини был далеко не единственным, кто считал, что либерализм переживает свой закат. Он не без злорадства констатирует, что идеи и методы либерализма «ведут государство к верной гибели». Таким образом, пишет он, «все политические опыты современного мира – антилиберальны»¹³².

На всякий случай он возлагает на либерализм вину и за Первую мировую войну. «Либеральный» век породил «бесконечное количество гордиевых узлов» и «пытается выпутаться через гекатомбу мировой войны», пишет Муссолини. «Боги либерализма жаждут крови?», – вопрошает он¹³³.

Бросается в глаза то, что Муссолини даже не озаботился поиском серьёзных аргументов против либерализма. Он считал, что либерализм потерпел фиаско и остаётся в лучшем случае отдалённым и довольно-таки незначительным историческим феноменом, поэтому фашисты не стремились присвоить понятие либерализма так же, как они поступили с тоталитаризмом и пытались поступить с демократией.

Однако в случае с главной ценностью либерализма – свободой – они воспользовались тем же идеологическим и риторическим приёмом. Они утверждали, что «индивидуалистический либерализм» считает отдельного человека «абстрактной марионеткой», предоставляя ему марионеточную свободу. Такую свободу фашизм, разумеется, отвергает. Но если понимать свободу как свободу «реального человека», а не как либералистскую абстракцию, тогда всё поворачивается иначе. Тогда фашизм выступает за свободу, а точнее, «за единственную свободу, которая может быть серьёзным фактом, именно за свободу государства и свободу индивида в государстве»¹³⁴.

Итак, фашизм пытался представить свою идеологию не только как истинную демократию, но и как истинную свободу. Однако необходимо отметить, что и эта попытка захвата фундаментальной ценно-

сти чужой идеологии оказалась не очень удачной. Заметим также, что фашизм был не единственной идеологией, пытавшейся узурпировать понятие свободы. К слову, именно в тех абзацах, где речь идёт о свободе, авторы «Доктрины фашизма» утверждают, что ничто человеческое или духовное не может существовать вне государства и что в этом смысле фашистское государство является тоталитарным.

Отношение фашистов к марксизму также было резко негативным, хотя и несколько более сложным, нежели их отношение к либерализму. В наиболее чёткой формулировке фашизм отвергал (марксистскую) социалистическую идею о том, что классовая борьба является главной движущей силой истории. Заодно фашизм отвергал и синдикалистское понимание классовой борьбы¹³⁵.

Согласно утверждению Джентиле и Муссолини, социалистические теории классовой борьбы не признавали «государственного единства, сливающего классы в единую экономическую и моральную реальность». Однако вместе с тем авторы «Доктрины» своевременно заявляют, что «в пределах правящего государства фашизм признает реальные требования, из которых берут начало социалистическое и профсоюзное движения, и реализует их в корпоративной системе интересов, согласованных в единстве государства»¹³⁶.

Другими словами, фашизм отвергает марксистские и социалистические теории классовой борьбы. Вместо классовой борьбы фашизм проповедует тесное единство всех классов и групп общества, организуемых и направляемых тоталитарным государством. Предлагаемая фашизмом конструктивная альтернатива классовой борьбе заключается в институционализированном и управляемом государством сотрудничестве классов, в развитой корпоративной системе. Такая корпоративная система является изобретением фашизма и имеет мало общего с идеологией синдикализма¹³⁷.

Говоря яснее, фашисты придумали корпоративизм как способ организации общественной и трудовой жизни. В трудовой жизни различные группы должны были иметь собственные организации, и эти организации, совместно со всеобъемлющим государством, должны были заниматься решением всех проблем и разногласий. Таким образом, деятельность этих организаций была включена в структуру государственного управления, а традиционные формы протеста, такие, как забастовки и локауты, были полностью запрещены. В более широком понимании весь государственный аппарат, а также вся общественная жизнь, должны были состоять из корпоративных органов: отдельные корпорации должны были представлять интересы различных групп общества, являясь при этом частью тотального государства¹³⁸.

Другой претензией к марксизму была его материалистическая направленность, сводившая человеческую жизнь к экономическим стимулам. Муссолини, сам бывший марксист, часто и открыто подчёркивал, что фашизм придерживается решительного отрицания «так называемого научного социализма Маркса; доктрины исторического материализма». Он считал абсурдным утверждение, что экономическая борьба между социальными классами может определять

и объяснять ход истории. Более того, он утверждал, что классовая борьба никоим образом не может быть главной движущей силой социальных перемен¹³⁹.

Развивая мысль, Муссолини обвинял социализм в низведении человеческого счастья до простого экономического благосостояния. Такое представление, считает он, превращает людей в «скотов, думающих об одном: быть довольными и сытыми». Фашизм резко осуждал такое понимание человеческого счастья и предлагал людям совсем другие ценности¹⁴⁰.

Описывая своё марксистское прошлое, Муссолини признавал, что с 1904 по 1914 год он живой опыт «сохранил от одной доктрины, именно социализма». Но в 1919 году, после Первой мировой войны, социализм как доктрина «умер», по крайней мере для Муссолини. То, что ещё оставалось от доктрины на тот момент, по крайней мере в Италии, пишет он, было всего лишь ненавистью к тем, кто желал войны и развязал её. Здесь можно отметить, что это касается и самого Муссолини, которого исключили из Итальянской социалистической партии после того, как он открыто высказался за вступление Италии в войну.

Говоря об отношениях между ранним фашизмом и социализмом, Муссолини упоминал, что в итальянском социализме существовали такие ответвления, на которые фашизм мог опираться и затем вобрать в себя. В частности, речь шла о синдикалистских течениях. Кроме того, он неоднократно повторял одно из ранних антибуржуазных высказываний: «Если буржуазия надеется найти в нас громотвод, она ошибается»¹⁴¹.

Одним из важных риторических приёмов в борьбе против демократии, либерализма и социализма было навешивание на них ярлыков «ретроградов», боровшихся за идеи вчерашнего дня. Муссолини формулирует это следующим образом: «Допустим, что XIX век был веком социализма, демократии и либерализма; однако, это не значит, что и XX век станет веком социализма, демократии и либерализма»¹⁴².

Напротив, как мы уже упоминали, XX век должен был стать веком коллективизма и фашизма. Муссолини считал, что каждое время должно иметь свою доктрину, и есть множество подтверждений тому, что «доктрина настоящего века есть фашизм»¹⁴³.

ФАШИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Какими же ценностями руководствовался фашизм? Или, другими словами, что мог фашизм предложить людям?

Говоря в общем, лишь в фашистском обществе индивид мог реализовать себя и свою ценность как человека (см. с. 42)¹⁴⁴. Однако Муссолини и его идеологи могли предложить и более осязаемые блага.

Важным элементом тоталитарного государства была социальная защищённость и социальное спокойствие в сплочённом национальном сообществе. Фашисты отвергали марксистскую идею классовой

борьбы, равно как и плюрализм и многопартийность, присущие либерализму и демократии. Сплочённость общества невзирая на классовые различия, корпоративная организация – таковы были их цели. Естественным продолжением идеи сплочённости была идея устранения классовых различий. Говоря словами Муссолини, фашизм стремился сократить социальные дистанции в обществе¹⁴⁵.

Что касается экономики, в 1932 году Муссолини констатировал, что капитализм пребывает в состоянии глубокого кризиса и вытащить страну из кризиса может только государство. Фашистское государство, писал он, «потребовало в свою компетенцию также и экономику»¹⁴⁶. Впрочем, в фашистской Италии это было скорее желаемым, нежели действительным положением дел. В форме констатации факта Муссолини выражал явное намерение: подчинить государственному контролю также и всю экономическую жизнь страны.

Муссолини неоднократно подчёркивал, что фашизм стремится к экономическому и технологическому прогрессу. «Мы будем бороться с техническим и духовным ретроградством!» – заявлял он на заре фашизма и повторил это снова в 1932 году¹⁴⁷. В этом отношении фашизма к современности было однозначно позитивным¹⁴⁸.

Однако первоочередной задачей Муссолини и его идеологических сторонников было предложить альтернативную систему, основанную на духовных ценностях, что подчёркивалось ими раз за разом. Как уже говорилось, тоталитарное государство должно было представлять собой «духовную силу». Одним из основных аргументов против марксизма и других идеологий материалистического толка было то, что они низводят человека до экономической единицы, а счастье сводят к материальному благосостоянию. Вместо этого, писал Муссолини, фашизм верит в «действия, в которых отсутствует всякий – отдаленный или близкий – экономический мотив». Ценности, лежащие в основе подобной деятельности, обозначались как «святость» и «героизм»¹⁴⁹.

При этом фашизм никогда не скрывал, что считает насилие совершенно приемлемым методом. Но если главной духовной ценностью является «героизм», то насилие, по крайней мере некоторые его формы, видится в совершенно ином свете. Муссолини говорил о фашистской «воле к власти», «мужестве» и о том, что фашизм в принципе стоит выше насилия как факта. Известный идеолог и апологет насилия Жорж Сорель неоднократно упоминался как один из вдохновителей фашистской идеологии¹⁵⁰.

Поклонение насилию выразилось, в частности, и в крайне положительном отношении фашистов к войне, или, выражаясь точнее, к вооружённым конфликтам. Муссолини пишет, что фашисты не верят в «возможность и пользу постоянного мира». Причины, по которым фашисты желали войны, можно обозначить так: «Только война напрягает до высшей степени все человеческие силы и налагает печать благородства на народы, имеющие смелость начать её»¹⁵¹.

Преклонение фашистов перед войной, насилием и жестокостью характерно проявилось в захватнической войне Италии против

Эфиопии. Ещё в 1896 году Италия потерпела унижительное поражение, попытавшись захватить Эфиопию. Сорок лет спустя Муссолини решил взять реванш и напал на независимое королевство Эфиопия в октябре 1935 года. Итальянские войска, обладавшие численным и технологическим превосходством, заняли столицу Аддис-Абеба 5 мая 1936 года, и Эфиопия стала итальянской колонией.

Ведя войну против Эфиопии, итальянские войска проявили жестокость, поразительную даже в сравнении с Первой мировой войной¹⁵². Столкнувшись с попытками сопротивления на начальном этапе военных действий, Муссолини дал главнокомандующему итальянской армии Пьетро Бадольо полномочия использовать отравляющие газы, в том числе «в крупных масштабах»¹⁵³. И итальянцы воспользовались этим разрешением, широко применяя иприт, наряду с прочим химическим оружием. В феврале 1936 года Муссолини предложил Бадольо испытать также и бактериологическое оружие, однако Бадольо не счёл эту меру необходимой, поскольку враг был уже значительно ослаблен¹⁵⁴.

Итальянские колониальные власти в Эфиопии также проявляли чрезмерную жестокость. Но и война, и жестокость их правления были окружены аурой героизма. Так, сын Муссолини, Витторио, участвовавший в эфиопской войне в качестве пилота, писал, что война – это в первую очередь «один из самых красивых и сложных видов спорта». Он пишет, что было грустно, но вместе с тем «невероятно увлекательно» наблюдать, как группа эфиопов «распускается, словно роза» после прямого попадания его снаряда. Столь же «увлекательно» было открыть огонь по соломенной крыше жилого дома и смотреть, как разбегаются во все стороны его жители, пытаясь спастись. Итальянские власти в Эфиопии не смогли установить полного контроля над территорией и постоянно вынуждены были бороться с повстанцами. На восстания они отвечали жестокими репрессиями и использованием химического оружия¹⁵⁵.

Одной из предпосылок эфиопской войны было представление итальянцев о собственном расовом превосходстве, причём как в форме традиционных европейских колониалистских идей, так и в форме расизма, который не играл значительной роли в итальянской фашистской идеологии до 1935 года. В январе 1936 года журналист Индро Монтанелли напишет: «Расизм – это катехизис, который мы должны быстро понять и усвоить, если ещё этого не сделали»¹⁵⁶.

В духовных ценностях фашизма прослеживаются определённые религиозные элементы. В формулировках Джованни Джентиле это звучит следующим образом: фашизм как таковой есть «концепция религиозная; в ней человек рассматривается в его имманентном отношении к высшему закону, к объективной Воле, которая превышает отдельного индивида, делает его сознательным участником духовно-общения»¹⁵⁷.

Его однофамилец, историк Эмилио Джентиле (не приходящийся ему родственником), много занимался религиозными и псевдорели-

гиозными аспектами итальянского фашизма, в том числе бешеной одержимостью символикой и ритуалами, а также мифами, легендами и более или менее иррациональными убеждениями. Кроме того, нельзя забывать и о культе дуче, который приписывал Муссолини качества, делавшие из него чуть ли не итальянского Мессию. Он был, перефразируя Эмилио Джентиле, государственным мужем, законодателем, философом, писателем, художником, универсальным гением. А также пророком, спасителем, апостолом, непогрешимым учителем, божьим посланником, избранником судьбы. Он был величайшим мыслителем всех времён, человеком действия, синтезом всех форм величия. Его сравнивали с Цезарем и Августом, Макиавелли и Наполеоном, Сократом и Платоном, итальянскими национальными героями Мадзини и Гарибальди, не говоря уже о Франциске Ассизском, Иисусе Христе и самом Господе Боге. Один из его сторонников писал: «Бог и История означают сегодня Муссолини». И ещё: «Революция – это Он; Он – это Революция»¹⁵⁸.

Сам Муссолини активно участвовал в формировании и поддержании культа дуче в фашистской Италии, и можно сказать, что его манера поведения оказала влияние на позднейших тоталитарных лидеров, пытавшихся играть не тех же струнах.

В этой связи важно заметить, что именно взаимоотношения между фашизмом и религией были одной из главных проблем фашистских идеологов. Муссолини был реалистом и заключил исторический договор с официальной папской церковью, так называемый конкордат, в 1929 году. Именно этому договору, как уже упоминалось ранее, Ватикан обязан своим статусом отдельного государства¹⁵⁹.

В «Доктрине фашизма» отношение фашизма к церкви выражено неясно. Приведённые выше слова Джованни Джентиле о том, что фашизм является религиозной концепцией, следует, по всей видимости, толковать в том смысле, что фашизм сам претендовал на звание религии. Однако на других страницах возможность подобного толкования решительно отвергается. Согласно Муссолини, фашистское государство положительно относится к религии в целом и к итальянской католической вере в частности. Муссолини не раз подчёркивал, что фашизм не хочет создавать собственного Бога, как сделал это Робеспьер во время Французской революции. Фашизм также не стремился устранить религиозную веру из человеческого сознания, как пытались сделать это большевики в Советском Союзе. «Государство не имеет своей теологии, но оно имеет мораль», – пишет Муссолини¹⁶⁰.

Королевская власть в Италии также пошла на политический компромисс с фашистским режимом, и следы этого компромисса можно заметить в «Доктрине фашизма»: там сказано, что «вопрос о политической форме государства не является существенным», и отдаётся должное монархиям, которые приемлют «самые смелые политические и социальные опыты»¹⁶¹.

Компромиссы с католической церковью и монархическим правлением являются самыми явными признаками того, что Муссолини не

удалось построить в Италии тоталитарного общества, к которому он стремился. Его тоталитарное государство было скорее идеологической целью, нежели политической реальностью. Вполне понятно, что Муссолини много думал об этом в конце своей жизни. После отставки летом 1943 года и возвращения в качестве лидера Итальянской социальной республики, явной политической марионетки немцев, он написал целый ряд статей об обстоятельствах и причинах своего падения. Он критически пересматривает свои действия, в частности, преувеличенную готовность фашистов идти на компромиссы в том, что касается вероломного, по его мнению, короля, всадившего кинжал «в спину фашистскому режиму и совершившего тем самым непростибельное предательство по отношению ко всей итальянской нации». Ещё категоричнее звучит следующее его высказывание: «Фашизм вынужден теперь расплачиваться за великодушную и романтическую ошибку, совершённую в октябре 1922 года. Вместо того чтобы решительно и окончательно порвать с прежними учреждениями, фашизм согласился на компромисс, который, как показала история, оказался весьма рискованным»¹⁶².

В официальном идеологическом документе от 1932 года говорится, что фашизм должен быть «реалистической доктриной», что он не должен быть утопичным. Фашизм был настроен против «всех утопий и якобинских новшеств» и отвергал «все телеологические учения, согласно которым в известный период истории возможно окончательное устройство человеческого рода»¹⁶³. С другой стороны, понятие утопии было не вполне чуждо фашизму. В 1913 году Муссолини издавал журнал, посвящённый социалистической дискуссии и критике, под названием «Утопия»¹⁶⁴.

Главным пунктом отношения Джентиле и Муссолини к утопиям было то, что фашистская Утопия не должна была поддаваться детальному описанию. С самого начала фашизм исходил из того, что действие не менее, а может быть, и более важно, чем обстоятельные идеологические доктрины. «Фашизм не был во власти заранее за столом выработанной доктрины, – писал Муссолини в 1932 году, – он родился из потребности действия и был действием»¹⁶⁵. Таким образом, заявление о том, что конкретная форма государственного правления не так важна, не было всего лишь данью политическому компромиссу. Некоторые идеологи фашизма настаивали на том, что тоталитарное государство не должно стать застывшей формой авторитарной, бюрократической партийной диктатуры. Фашизм, как и само человечество, должен был постоянно находиться в развитии»¹⁶⁶.

И хотя фашистский режим не был настолько тоталитарен, насколько это было желательно Муссолини, нет никаких сомнений в том, что само окончательно оформившееся представление о тоталитарном правлении было новым историческим феноменом. Представление это распространилось за пределы Италии, хотя в других странах оно не было выражено с той же страстью и уверенностью, как в работах Муссолини.

Изначально фашизм зародился и развивался на территории Италии. Он был, помимо всего прочего, особой формой итальянского национализма, хотя с самого начала имел в виду возможность будущей экспансии за пределы страны. Отчасти речь шла о строительстве фашистской империи с колониями и подчинёнными территориями, напоминая древнюю Римскую империю. Империя была торжественно провозглашена после завоевания Эфиопии итальянскими войсками¹⁶⁷.

Но подразумевалась и другая форма экспансии, возможно, ещё более интересная с точки зрения истории идеологических течений. В начале 1930-х годов Муссолини стал уделять большое внимание идее распространения фашистской идеологии за пределами Италии. Мысль о том, что фашизм может стать предметом идеологического экспорта, стала особенно заманчивой после того, как в сентябре 1933 года в Германии пришла к власти Национал-социалистическая рабочая партия (НСДАП). В этот период Муссолини предпринимал активные попытки создать европейский фашистский интернационал, так называемый интернационал Монтрё, в котором фашистские и сочувствующие группы в ряде стран могли бы получать поддержку со стороны Италии, в том числе и финансовую¹⁶⁸.

Однако всё пошло не совсем так, как планировал Муссолини, в том числе и отношения с Гитлером и его партией. С конца 1930-х годов Италия чем дальше, тем больше подпадала под немецкое влияние, а идеи и политика фашизма всё больше поддавались влиянию национал-социализма¹⁶⁹. Это касалось и немаловажных вопросов расовой идеологии и расовой политики. После эфиопской войны идеи расизма переживали заметный подъём, а с 1937 года можно проследить усиление антисемитских тенденций в политике и законодательстве.

И всё же стремление к идеологической экспансии имело место и во время расцвета фашизма, прежде чем Муссолини стал политической и идеологической тенью Гитлера. Фашизм не должен был оставаться исключительно итальянской доктриной, он должен был стать доктриной всей Европы, а может быть, и всего мира.

Итак, фашизм сделал слово «тоталитаризм» своим лозунгом. Целью фашизма было создание нового общества, основанного на фашистских ценностях и населённого людьми нового типа. Эти новые люди должны были полностью и беспрекословно отдавать себя коллективу, и лишь так они могли самореализоваться. Идеалом фашизма был коллективизм, а коллективом, вокруг которого строилась идеология, была сама итальянская нация. Помимо этого, идеология фашизма была в высшей степени националистической.

Государство должно было включать в себя все элементы общества. Оно должно было быть абсолютным и тотальным. В трудовой жизни специальные корпоративные организации, включённые в аппарат государственного управления, должны были пресекать классовую борьбу и разрешать возникающие конфликты интересов. Всё общество в целом должно было быть организовано согласно корпоративным принципам.

Фашисты идеализировали действие и силу, жёсткость и мужественность, насилие и войну. Фашистская Италия должна была стать новой Римской империей, силой подчинив себе народы и страны в Африке и на Балканах. Фашистский человек должен был быть героем, или, выражаясь точнее, фашистский мужчина должен был быть мужественным. Вместе с тем фашисты высоко ставили духовные ценности, и в фашистской идеологии развились квазирелигиозные элементы: мифы, символы, ритуалы, а также, что немаловажно, поклонение лидеру, которому приписывались сверхчеловеческие качества. Фашизм изучал историю в поисках духовных и политических образцов. Вместе с тем он высоко ценил современные достижения в области технологий, промышленности и средств связи.

Для того чтобы построить фашистское общество, необходимо было решительно порвать с прошлым. Фашисты резко отвергали парламентскую демократию, либерализм и марксистские теории классово-вой борьбы. Они последовательно выступали против плюрализма и не принимали ни одной альтернативной политической идеологии – «лишь одна идея» должна была пронизать и сплотить фашистское общество.

На деле же фашистская Италия стала лишь облегчённой версией тоталитарного общества. Фашисты вынуждены были пойти на компромиссы с традиционными институтами, такими, как вооружённые силы, королевская династия и папская церковь. Кроме того, им мешало отсутствие полной идеологической ясности в вопросах форм государственного правления и религии. Разрыв с прошлым оказался не столь решительным и окончательным, как хотелось бы большинству фашистов. Даже разработанная фашистами идея корпоративного управления шла вразрез с тоталитарным общественным устройством, поскольку такая форма управления могла способствовать обособлению групп на основе общности интересов.

В полном соответствии с преклонением перед насилием путь фашистов к власти был кровавым, и в захватнической войне против Эфиопии режим прибегал к самым жестоким средствам. По многим меркам фашистский режим можно назвать суровой диктатурой, однако, несмотря на это, внутренний террор, обращённый против самого итальянского народа, был весьма умеренным. В фашистской Италии Муссолини террор оставался лишь призрачной угрозой.

Кратко обсудив тоталитаризм мы можем перейти к рассмотрению других режимов, лидеры которых имели и желание, и возможности быть более последовательными.

КОММУНИЗМ: ИДЕАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ

Учение Маркса всеильно, потому что оно верно.
Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание.
*Владимир Ильич Ленин*¹⁷⁰

Диктатура [пролетариата] предполагает единство воли,
единство направления, единство действия.
*Лев Давидович Троцкий*¹⁷¹

ЦАРСТВО СВОБОДЫ

В книге «Литература и революция», вышедшей в 1923 году, Троцкий сформулировал своё видение коммунистического общества: «Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше. Его тело – гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее, формы быта приобретут динамическую театральность. Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гёте, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины»¹⁷².

Звучит заманчиво! Кто из нас не хотел бы жить в таком обществе?

Представление марксизма о коммунистическом общественном устройстве является, вне всяких сомнений, краеугольным камнем всей идеологии. Коммунизм есть самоцель, к которой единственно и стремится коммунистическое движение как в политическом, так и в интеллектуальном смысле. В мире коммунистической идеологии создание коммунистического общества является целью самой Истории. Разумеется, идеальное общество не может возникнуть само по себе. Однако, обладая правильным научным пониманием общества и истории, вооружившись эффективной революционной стратегией, мы можем встать на путь создания такого общества.

В 1924 году Троцкий зашёл в своих размышлениях гораздо дальше, чем обыкновенно заходили самые восторженные марксисты. Сам Маркс последовательно избегал детально описывать коммунистическое общество. Это был сознательный отказ. Так называемые утопические социалисты – Роберт Оуэн, Клод де Сен-Симон, Шарль Фурье – описывали устройство идеального общества вплоть до мельчайших подробностей. Традиция эта зародилась ещё в XVI веке, начавшись с «Утопии» Томаса Мора, более или менее напоминающей идеальное общество коммунистов¹⁷³.

По Марксу и Энгельсу, основная проблема утопических обществ наподобие описанных Мором и Оуэном заключалась в их статичности. Коммунизм же должен был быть динамичным, он не должен был застыть в виде статичного общественного строя. Кроме того, конкретное устройство коммунистического общества должно было постепенно выясняться при помощи правильного научного подхода к историческому

процессу, что, в свою очередь, было достижимо лишь на определённой стадии исторического развития. Внеисторические, всеобщие нормы морали здесь не годились. Поэтому Маркс заявлял, что не ставит себе задачи выстроить «конструкцию будущего» раз и навсегда¹⁷⁴. Другими словами, цель истории должна была быть движущейся целью – настолько, насколько подобное понятие может иметь смысл.

Говоря в общем, имеются значительные различия в мышлении раннего Маркса-гегельянца и позднего, зрелого Маркса. Однако именно в этом отношении Маркс и Энгельс, на удивление последовательно, придерживались одной и той же позиции, начиная с прошедших под знаком гегельянского влияния 1840-х годов и до самого конца. Их формулировки, касающиеся идеального коммунистического общества, всегда оставались туманными, нечёткими и абстрактными.

И всё же даже у Маркса и Энгельса можно обнаружить некоторые намёки на то, каким именно должно быть коммунистическое общество. В первую очередь коммунизм определялся от противного, то есть от того, чем он не должен быть. Во-первых, коммунистическое общество не должно быть классовым обществом. В представлениях Маркса и Энгельса бесклассовость должна стать результатом отсутствия в коммунистическом обществе целого ряда организаций и конфликтов, являющихся прямым следствием классовой борьбы, – к примеру, системы государственного управления. Коммунистическое общество должно быть обществом без государства, без внешнего контроля и принуждения. Отношения между людьми должны по определению быть добровольными. В известной цитате от 1875 года Маркс сформулировал принцип «вышей фазы коммунистического общества» следующим образом: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»¹⁷⁵

Далее, в коммунистическом обществе не должно быть частной собственности. Не должно быть моего и твоего, всё должно было быть общим.

Кроме того, в коммунистическом обществе не должно существовать разделения труда. Самое, возможно, известное определение коммунистического общества, сформулированное Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» в 1845–1846 годах, звучит так:

«...тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует всё производство и именно поэтому создаёт для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, – как моей душе угодно, – не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком»¹⁷⁶.

Это описание идиллично, но оно напоминает пасторальную – то есть докапиталистическую – идиллию: охота и рыболовство, скотоводство и критика – в такой жизни не заметно влияния урбанизации, развитых технологий. К такой картинке можно дать немного ироничный комментарий, что подобное существование – мечта высокоинтеллек-

туального крестьянина о смешанном хозяйстве в начале XIX века – без налоговых приставов и прочих вышестоящих инстанций, которые только усложняют людям жизнь. Если же углубиться в предпосылки такой идиллической картины, то придётся отметить, что сам Маркс подчёркивал необходимость разделения труда для экономического развития, роста и процветания человечества.

Далее, коммунизм не должен стать «локальным явлением», коммунистическое общество есть цель и задача для всего человечества. Двигаясь к коммунизму путём революции, человек может и обязан стать, как это было сформулировано в отмеченном гегельянским влиянием труде «Немецкая идеология», не «местно-ограниченным», но «всемирно-историческим, эмпирически универсальным» индивидом. И далее: коммунизм «эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведённое «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения»¹⁷⁷.

Переводя с гегельянского (и немного туманного) языка 1840-х на более современный, мы можем утверждать, что создание коммунистического общества подразумевало и требовало глобализации. Коммунистические амбиции, во всяком случае, были универсальны и глобальны. Мир должен быть единым, и он должен быть коммунистическим. Что именно подразумевалось под «господствующими народами» в «Немецкой идеологии», не вполне ясно.

В коммунистическом обществе предполагалась отмена не только разделения труда, но и самого труда как такового, о чём неоднократно упоминается в ранней работе «Немецкая идеология». В одном месте говорится, к примеру, что пролетарии «должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т. е. должны уничтожить труд»¹⁷⁸.

В более зрелом возрасте Маркс формулировал это несколько иначе. В коммунистическом обществе (точнее, в его «высшей фазе») работа не должна оставаться средством к существованию, пишет он в «Критике Готской программы» в 1875 году. Труд сам станет «первой потребностью жизни». В умеренной трактовке это означает, что труд перестанет быть результатом внешнего принуждения и что люди будут заниматься им по собственному желанию. Учитывая, что разделение труда будет отменено, это означает, что любой труд – будь то «духовная» или «физическая» работа – будет доступен любому человеку в любой момент времени и в той мере, которая соответствует его желанию. Или, точнее, его желанию в сочетании с некоторой долей хорошо внедрённой общественной морали. Другими словами, в коммунистическом обществе работать будет все равно что танцевать. И такое общество будет функционировать само по себе, без всякого внешнего принуждения. Одной из предпосылок к этому будет «всестороннее развитие индивида», другой – материальное благосостояние, поскольку «источники общественного богатства польются полным потоком»¹⁷⁹.

Однако наиболее выдающийся пассаж, посвященный отмене труда, мы находим в одной из самых поздних работ – в третьем томе «Капитала», изданном Энгельсом много лет спустя после смерти Маркса: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»¹⁸⁰.

Труд родом из «царства необходимости». Задача человечества – сделать эту необходимость как можно более рациональной. Маркс описывает «ассоциированных производителей» – другими словами, «коллективного человека», – которые сообща регулируют «обмен веществ с природой» наиболее рациональным образом и «с наименьшей затратой сил». Однако независимо от того, насколько рационально выполняется работа, она является данью необходимости, элементом «царства необходимости». Лишь за пределами этой необходимости мы достигнем «царства свободы», в которой «развитие человеческих сил» станет «самоцелью»¹⁸¹.

В такой формулировке идеи Маркса и Энгельса уже напоминают воззрения Троцкого образца 1924 года. Можно понять, почему такое царство свободы привлекает многих, интеллектуалов и не вполне, не испытывающих особого восторга от необходимости трудиться и не желающих подчиняться какому-либо началству.

Ядром рассуждений Троцкого являлось представление о «новом человеке». Только теперь мы начинаем видеть, что новый человек обретает форму лишь посредством самореализации, писал он в 1924 году. В бесклассовом обществе человек сможет «командовать природой во всем ее объеме». Люди будут указывать, «где быть горам, а где расступиться», новый человек «изменит направление рек и создаст правила для океанов».

Необходимой предпосылкой для осуществления подобного тотального господства над природой была рационализация экономической системы. Новый человек, «пропитав сознанием и подчинив замыслу свой хозяйственный строй, камня на камне не оставит в нынешнем косном, насквозь прогнившем домашнем своем быту». Забота о пропитании и образовании, ярмом висящая на шее современного человека, исчезнет полностью. Такие вещи станут предметом «общественной инициативы и неистощимого коллективного творчества». Женщины наконец-то освободятся от своего «полурабского состояния».

Коммунистическая жизнь не должна строиться вслепую, «как коралловые рифы». Её необходимо развивать сознательно, подконтрольно и управляемо. Жизнь перестанет быть растительным, статичным существованием. Люди смогут не только двигать горы и менять русла рек, они научатся строить дворцы на вершине Монблана и на дне Атлантического океана. Жизнь отдельного индивида будет не просто наполнена богатством, блеском и острыми ощущениями, он сможет придать ей «высшую динамичность». Всё существование будет непрерывно подвергаться влиянию технических и культурных новшеств. «Жизнь будущего не будет однообразной», – заключает Троцкий.

Но и это ещё не всё. Наконец-то человек станет действительно гармоничным существом. Люди будут стремиться «ввести в движение своих собственных органов – при труде, при ходьбе, при игре – высокую отчетливость, целесообразность, экономию и тем самым красоту». Далее, человек будет стремиться подчинить своей воле сначала полусознанные, а затем и неосознанные процессы в своём организме, управляя «дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением». В рамках разумной необходимости человек сделает эти процессы подконтрольными своему сознанию и воле. И даже чисто физиологические процессы будут подвергнуты коллективным экспериментам.

Для Троцкого такие размышления о коммунизме находились в полном соответствии с эволюционной теорией. *Homo sapiens* должен был ещё раз пройти полную трансформацию. Развитие человечества в общих чертах должно было происходить следующим образом: сначала люди вывели «тёмную стихию» из производства и идеологии, заменив «варварскую рутину» научной техникой, а религию заменив наукой. Затем они выбросили элементы бессознательного из политики, заменив монархию и классы демократией и рациональным парламентаризмом, а затем «насквозь прозрачной советской диктатурой». В сфере экономики «слепая стихия» засела особенно крепко, но и здесь люди начали устранять её «социалистической организацией хозяйства». А после этого дело дойдёт до самой человеческой природы, которая всё время была скрыта «в наиболее глубоком и темном углу бессознательного». Здесь необходимо будет применить величайшие научные усилия и лучшие творческие достижения: «...род человеческий перестанет ползать на коленях перед богом, царями и капиталом, чтобы покорно склониться перед темными законами наследственности и слепого полового отбора».

Троцкий завершает свои рассуждения об эволюции настоящим залпом:

«Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень — создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека».

К этой цели будет стремиться вся эстетика, в широком смысле этого слова. Все виды искусства – литература, театр, живопись, музыка и архитектура – придадут этому процессы красивую форму выражения, считал Троцкий. Коммунистический человек будет развивать жизнеспособные формы современного искусства до «предельной мощности»¹⁸².

Сверхлюди, подчинившие себе природу и свою прежде бессознательную жизнь, гармоничные и динамичные, всё время стремящиеся создавать нечто красивое, – это мечта, которую Троцкий связывал с коммунизмом. Именно в таком обществе среднестатистический человек сможет достичь уровня Аристотеля, Гёте или Маркса и ему откроются новые вершины.

Несколько более конкретное (и, вероятно, более трезвое) описание будущего идеального общества мы находим в почти пятисот-страничном труде Карла Бёма и Рольфа Дёрге «Наш завтрашний мир», изданном в ГДР в 1959–1960 годах. В книге описывается, каким станет мир к 2000 году.

И что же это за мир!

Для начала, капитализм будет побеждён раз и навсегда – повсюду, во всём мире. Люди больше не будут делиться на «бедных и богатых, собственников и неимущих, свободных и объявленных вне закона». Будет положен конец «биржевым играм, нужде, колонизации и нападениям на слабые народы». Больше не будет «конкурирующих концернов, соперничающих наций, кризисов и военной угрозы». Не останется больше места для «банкиров и крупных акционеров и прочих, желающих нажиться за счёт народа»¹⁸³. Люди освободятся от угнетения и эксплуатации, они преодолеют невежество и варварство, и наконец-то придёт конец всем войнам¹⁸⁴.

И это только начало. Завтрашний мир будет богат, «намного богаче, чем могут вообразить самые смелые фантасты, так богат, что каждый человек сможет воплотить любое своё разумное желание». Технологическое развитие приведёт к тому, что вся рутинная и тяжёлая физическая работа исчезнет, так как её будут выполнять машины и автоматы. И характер работы тоже полностью изменится. Люди перестанут быть придатками машин, но станут властителями машин и самой природы.

Не следует воспринимать это неограниченное богатство в исключительно материальном смысле; люди в новом мире будут жить истинно достойной человеческой жизнью и в других смыслах:

«Их взаимоотношения, а также общественные связи будут разумными, здоровыми и справедливыми – короче говоря, коммунистическими! У людей будет достаточно времени, и они будут использовать его с умом: образование, культура, развлечения, путешествия – всё будет в их распоряжении в самых разнообразных формах»¹⁸⁵.

В новом мире у людей больше не будет глубоких и серьёзных забот. К примеру, материальное благосостояние ни для кого не будет проблемой. Здоровье станет существенно крепче, и люди будут жить дольше, и не только по причине неслыханного прогресса медицины и медицинских технологий, но и потому, что в новом мире человеческий организм будет совершенно развит, что иммунитет будет справляться с большинством болезней¹⁸⁶. И мозг, и мышечные системы будут настолько развиты и натренированы, что мозг и тело составят «единое гармоничное целое». Так в новом мире появятся цельные люди, которые смогут развить науку, технологии, музыку, литературу и культуру до новых, доселе невиданных высот¹⁸⁷.

В целом новый мир будущего будет лучше, чем можно себе вообразить. И, что ещё важнее, «будущее не только многократно богаче и красивее, чем оно представляется в сказках. Оно, и это главное, будет таким для всех!»¹⁸⁸

Но есть ещё кое-что, возможно, гораздо более невероятное, чем доступность этого сказочного будущего для всех, а именно – что оно

близко, во всяком случае ближе, чем нам кажется: «Новый мир, полный красоты, богатства, уверенности и человеческого достоинства возникнет не в отдалённом будущем, в следующем столетии или даже позднее – нет! Уже в нынешнем веке мы сможем достичь условий, о которых раньше не смели и мечтать»¹⁸⁹.

Другими словами, воплощение «эпохи коммунизма» было совсем не за горами¹⁹⁰. Впрочем, Бём и Дёрге оговаривались, что навряд ли удастся построить полностью развитый коммунизм во всём мире уже к 2000 году¹⁹¹. Однако к этому моменту значительная часть пути будет уже пройдена и главные препятствия уже будут преодолены.

Важным элементом подобных мечтаний является всеобщая взаимосвязь. О серьёзном технологическом прогрессе – например, в таких областях, как освоение космоса («ракетотехника»), – не может быть и речи, пока не произойдут решительные перемены в экономике, структуре общества и межчеловеческих отношениях. В утопических фантазиях идеологов капитализма имелось, по мнению Бёма и Дёрге, одно слабое звено: они мечтали о технологических достижениях в условиях прежних, угнетающих, капиталистических общественных отношений¹⁹².

«Наш завтрашний мир» определённо напоминает фантазии Троцкого, изложенные в «Литературе и революции», хотя ни лояльные советские марксисты, ни граждане ГДР Бём и Дёрге не захотели бы этого признать. В «Нашем завтрашнем мире» Троцкий не упоминается, и нельзя полностью исключить, что его авторы никогда не читали «Литературы и революции», а причиной столь разительного сходства являются общие идеологические корни и влияние работ Маркса и Ленина.

Бём и Дёрге считали важным отметить, что их новый мир вовсе не является утопией: «Замечательнее всего то, что этот мир будущего, кажущийся намного прекраснее и привлекательнее любой утопии, сам утопией не является!» Скорее, речь идёт о «завтрашней реальности» (нем. *die Wirklichkeit von Morgen*), вырастающей из реальности сегодняшней. С каждым прожитым днём это чудесное будущее становится нашим настоящим, констатируют они¹⁹³. Все стрелки указывают в одном, правильном направлении: социалистические экономические планы, тенденции технологического развития, политические процессы во всём мире. Для социалистического мира наступило время подъёма, капиталистический мир неотвратимо движется к своему упадку. Капиталистическая Западная Европа переживает стагнацию и закат, пытаясь уйти от суровой правды в мир джазовой музыки, комиксов и фильмов ужасов. Если же обратить взор в сторону Китая, можно увидеть, что вчерашняя площадка европейских колониальных экспериментов превратилась в социалистическое общество, стремительно нагоняющее Западную Европу в вопросах технологического развития и образования¹⁹⁴. Поэтому обрисованную картину великого, нового мира будущего следует воспринимать как точный прогноз, основанный на прочном научном фундаменте. Так что на самом деле речь шла всего лишь об изложении «новых научных планов развития капитализма на пару периодов больше, чем обычно». Авторы подчёркивают,

что они не проявляют излишнего оптимизма – скорее, они весьма умеренны в своих оценках. Впрочем, оптимизм в их работе присутствует, «но вполне обоснованный»¹⁹⁵.

«Наш завтрашний мир» был выпущен в тот момент, когда весь коммунистический мир был исполнен оптимизма. Год спустя после выхода книги, в 1961 году, Никита Хрущёв, Первый секретарь ЦК КПСС, произнёс речь, в которой пообещал, что объём ВВП Советского Союза превысит ВВП Соединённых Штатов в течение ближайших десяти лет, а пятнадцать лет спустя СССР обгонит США по уровню жизни. «Мы вас похороним!» – торжественно заявил Хрущёв Западу¹⁹⁶. Отдельные экономические показатели свидетельствуют, что эта речь была не просто хвастовством со стороны Хрущёва. Во всяком случае, некоторые из ведущих западных политиков и экономистов готовы были полностью или частично согласиться с ним. Общественное мнение также склонялось к тому, что Запад движется к своему упадку. Так, на 1961 год Советский Союз уже четыре года лидировал в гонке за освоение космоса, запустив беспилотный «Спутник-1». А 12 апреля 1961 года в космос отправился первый пилотируемый аппарат, на борту которого находился советский гражданин Юрий Гагарин¹⁹⁷. Так что у Хрущёва были все основания для гордости и самоуверенности. И неудивительно, что в ГДР выходили книги, подобные «Нашему завтрашнему миру».

ПУТЬ К КОММУНИЗМУ

Коммунистическое общество – это главный пряник в марксистской идеологии. Оно является целью, которая придаёт смысл борьбе и самопожертвованию. Итак, цель видна, она велика и благородна, но описания её должны быть уклончивы, поскольку нынешний человек не может и не должен описывать в деталях, каким будет человек будущего.

С одной стороны – идеал, с другой – неясность формулировок: такова особая форма марксистского утопизма. Это отличает Маркса от современных ему социалистических утопистов, и это отличает Маркса и его последователей от утопистов вообще. Маркс не ставил себе задачи детально описывать совершенное общество. Его задачей было определить, что не так с современным обществом и – в общих чертах – наметить выход из ситуации и путь к идеалу. Таким образом, комбинация мощного критического анализа и неясно сформулированной совершенной альтернативы была очень плодотворна.

Итак, как же прийти к совершенному обществу? Маркс и Энгельс не давали никаких конкретных указаний по поводу стратегии его создания. Рабочий класс должен разбить свои оковы, провести социалистическую революцию и взять в свои руки политическую власть. Это положит конец буржуазному господству. Но что дальше?

Маркс озвучил официальное и чёткое руководство по переходу к коммунистическому обществу лишь единожды, в 1875 году. Оно

гласило: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»¹⁹⁸.

Формулировка «революционная диктатура пролетариата», или, проще говоря, «диктатура пролетариата», практически нигде не уточняется и не раскрывается в работах Маркса и Энгельса, хотя встречается довольно часто и в различных контекстах, особенно в письмах, не предназначенных для широкой публики. Тем не менее эту формулировку разъясняют многие их последователи, наиболее выдающимся из которых является Ленин. В работе «Государство и революция», написанной незадолго до большевистского переворота, он уделяет много внимания идеям, высказанным Марксом в 1875 году, интерпретирует и развивает их. В особенности это касается вопроса о необходимости аппарата государственного управления – диктатуры – в переходный период, когда ещё существуют социальные классы и когда экономические и общественные отношения ещё не полностью ушли от капитализма и господства буржуазии. В частности, Ленин подчеркивает, вслед за Марксом, что придётся прибегнуть к элементам «буржуазного права» в том, что касается распределения ресурсов¹⁹⁹.

Сама форма государственного правления после революции – диктатура пролетариата – определяется как «организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей». С одной стороны, это означает, что демократия становится «демократизмом для бедных, демократизмом для народа», а с другой стороны, предполагает «ряд ограничений, накладываемых на свободу угнетателей, эксплуататоров, капиталистов». Впервые в истории, пишет Ленин, будет утверждена реальная демократия «для народа, для большинства», наряду с «необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров»²⁰⁰.

Со временем государство, как необходимый инструмент угнетения, прекратит своё существование, и переходный период завершится. Государство прекратит своё существование в силу того, что люди постепенно «привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития». Люди приучатся следовать этим правилам «без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством»²⁰¹.

Государство постепенно сойдёт на нет, и когда оно исчезнет окончательно, тогда человечество достигнет второй, следующей стадии развития коммунизма – бесклассового общества.

Прежде необходимо было угнетать бывших угнетателей, а их сопротивление следовало, согласно Ленину, «сломить силой». Вместе с тем Ленин уверял, что «подавление меньшинства эксплуататоров» есть дело «настолько легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих»²⁰².

Помимо бывших капиталистов, которых необходимо сдерживать таким лёгким и естественным образом, Ленин упоминает также и другие категории людей, о которых следует позаботиться, – он называет их «господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки», а также рабочими, «глубоко развращёнными капитализмом». К этой же группе Ленин относит «тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных хранителей традиций капитализма»²⁰³.

Кроме того, Ленин предупреждает о некоторых возможных проблемах коммунистического, бесклассового и безгосударственного общества. «Мы не утописты, – пишет он, – и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы». Однако для решения подобных проблем не нужен собственный «аппарат подавления», то есть государственный аппарат. О таких отщепенцах позаботится «сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной».

Кроме того, нам известно, продолжает Ленин, что главной социальной причиной подобных отклонений является «эксплуатация масс, нужда и нищета их». Когда эта причина будет устранена, то и «эксцессы неизбежно начнут отмирать»²⁰⁴.

В переходный период бывшие угнетатели и прочие враги диктатуры пролетариата должны подвергаться угнетению «простой организацией вооружённых масс». Ещё чаще встречается формулировка «вооружённые рабочие». Революционное государство должно было быть «государством вооружённых рабочих». Что касается тех, кто попытается избежать исполнения своих обязанностей в этом государстве, Ленин грозит им «быстрым и серьёзным наказанием», поскольку «вооружённые рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки»²⁰⁵.

Точно так же и другие аспекты управления революционным государством пролетариата представляются Ленину простой задачей – задачей, в выполнении которой равно могут и должны участвовать все:

«Учет и контроль – вот главное, что требуется для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооружённые рабочие. <...> Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок»²⁰⁶.

Таков предлагаемый Лениным рецепт перехода от капитализма к коммунизму: революция, затем новое государство, которое должно угнетать – при необходимости насильственными методами – бывших эксплуататоров и прочих носителей капиталистических ценностей, и государственная власть, по-прежнему обладающая некоторыми чер-

тами прежнего общества, постепенно сходящими на нет. Ленин возлагает большие надежды на «вооружённых рабочих» и их организационные способности и подчёркивает, что управление новым государством будет относительно простой задачей, в решении которой могут и должны участвовать все его граждане.

Многие критики марксизма сходятся в одном: то, что Маркс и Энгельс постоянно отказывались давать подробное описание будущего коммунистического общества, а кроме того, весьма расплывчато формулировали стратегии достижения этого идеального общества, практически развязало руки их последователям и приверженцам²⁰⁷. Объявив себя приверженцами общих идей марксизма и заявив, что мы движемся к намеченной цели, мы можем выбирать среди неограниченного количества средств и стратегий, каждая из которых будет оправдана в рамках марксистской идеологии.

Один из очевидных примеров – Берлинская стена, построенная тем же народом, который породил «Наш завтрашний мир», причём лишь год спустя после выхода этой книги. С одной стороны, развитие неотвратимо двигалось по пути создания нового коммунистического мира, но с другой, необходимо было построить стену, чтобы помешать жителям столицы ГДР бежать в капиталистический Западный Берлин. Пойманных при попытке к бегству расстреливали на месте или надолго сажали в тюрьму. Население ГДР постоянно находилось под наблюдением тайной полиции, по своей численности – включая бюрократический аппарат и обширную сеть информаторов – не имевшей прецедентов в истории. Довольно значительная часть населения была привлечена к наблюдению за оставшейся частью населения. Поэтому, когда ГДР прекратила своё существование в 1989 году, страна полным ходом двигалась к экономическому краху. И так далее²⁰⁸.

Однако всё это не мешало властям ГДР толковать действительность в соответствии со своими желаниями и цепляться за свои коммунистические фантазии. На следующий день после возведения Берлинской стены в одной из газет ГДР появилась заметка о том, что «воскресным утром жители Берлина радостно приветствовали новые меры. Подавляющее большинство долгое время ожидало их с большим нетерпением»²⁰⁹.

И даже 10 сентября 1989 года, всего за два месяца до падения Берлинской стены, один из ведущих политиков ГДР Герман Аксен с гордостью заявил, что «социалистическая революция в нашем отечестве открыла дверь в царство свободы, говоря словами Фридриха Энгельса». Член политбюро Аксен до последнего свято верил в то, что политический режим ГДР приведёт немецкую нацию к царству свободы²¹⁰.

Другим примером может послужить Конституция СССР 1936 года. По словам Сталина, эта конституция есть «исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии».

Эта конституция, согласно Сталину, была не просто «единственной в мире до конца демократической конституцией». В отличие от других конституций, которые Сталин называл буржуазными, она не довольствуется закреплением формальных прав граждан, но «переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав»²¹¹.

Кроме того, в конституции была описана тщательно сформированная система демократических выборов. Она гарантировала всем гражданам ряд конкретных личных свобод: свободу слова, свободу печати, свободу собраний, демонстраций и публичных шествий. Эти свободы должны были обеспечиваться «предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» (статья 125). Впрочем, в той же статье говорится о том, что все эти свободы гарантируются «в соответствии с интересами трудящихся» и «в целях укрепления социалистического строя» – формулировки, которые требуют толкования и вполне могут служить поводом для ограничения упомянутых свобод. В другой статье говорится, что всем гражданам гарантируется «неприкосновенность личности» и что «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки» защищены законом (статьи 127, 128)²¹².

В своём комментарии к конституции сам Сталин сообщает, что «полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства» является теперь фактом. В соответствии с принятой марксистами терминологией, он говорит о том, что «эксплуатация человека человеком уничтожена», и Советский Союз в ноябре 1936 года осуществил «то, что у марксистов называется иначе первой, или низшей, фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм»²¹³.

Приверженцы сталинизма во всём мире встретили новую конституцию ликованием. Норвежец Тронд Хегна, один из главных политических деятелей левого крыла в 1930-х годах, позднее получивший известность как член Норвежской рабочей партии, сравнивал новую советскую конституцию с норвежской конституцией 1814 года и пришёл, что неудивительно, к выводу, что советская конституция превосходит норвежскую по всем статьям²¹⁴. Хегна считал также, что новая советская конституция может послужить «наилучшей основой для понимания того, что есть Советский Союз сегодня и к какой цели он идёт»²¹⁵.

Было бы отступлением от темы этой книги (и к тому же малоинтересным для большинства читателей) подробно останавливаться на отношениях между декларируемым самовосприятием и реальным положением дел. Важнее сосредоточиться на том, что сталинская конституция 1936 года является примером того, каким образом коммунисты, располагающие всей полнотой власти, представляли свой образ и свой великий исторический проект. И всё же отметим: уже тогда были слышны критические голоса, утверждавшие, что реальное положение дел в Советском Союзе совершенно не соответствует заявленному в новой конституции. Советский Союз в декабре 1936 года,

как его позднее описали историки, совсем не совпадает с представлениями Тронда Хегны.

В более широком понимании и противник Сталина Троцкий свидетельствовал о том, что карта не совсем соответствует территории. В частности, речь идёт об уже упомянутом представлении, что в процессе революционного перехода от капитализма к коммунизму государство постепенно сойдёт на нет. На этом пути процесс проходит через точку, в которой сам принцип государства переживает свою кульминацию, пишет Троцкий. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что новое государство большевиков, диктатура пролетариата, стало сильнее, особенно в части аппарата угнетения. Троцкий объясняет свою идею при помощи следующей метафоры: «Как лампа, прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, т. е. самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь граждан со всех сторон»²¹⁶.

И даже если придерживаться мнения, что режим ГДР или правление Сталина в СССР основаны на превратном понимании идей Маркса, следует всё же более подробно рассмотреть некоторые стороны марксистской идеологии.

Одним из таких аспектов является само совершенное общество. Как уже упоминалось, представления Маркса и Энгельса об этом обществе были лишены конкретики. Чуть больше можно получить, изучив процитированную нами работу Троцкого 1924 года. Однако и нарисованный им образ недостаточно осязаем. Единственное, что мы можем отсюда почерпнуть, заключается в том, что коммунистическое общество будет всемирным обществом всеобщей гармонии и счастья. Что его будут населять новые люди, достигшие сверхчеловеческих высот. Что классы исчезнут, а государство прекратит своё существование, разделение труда будет отменено, будет отменён сам труд как социальная категория. Люди будут охотиться или заниматься рыболовством по своему желанию, строить замки на вершинах гор и на дне океанов, менять русла рек, контролировать своё подсознание. Никто не будет проявлять признаков недовольства, обиды, протеста или оппозиции.

Несколько более трезво мысливший Ленин допускал возможность «эксцессов» со стороны отдельных индивидов, но и для него это было всего лишь незначительной погрешностью. И всё же следует спросить себя: возможно ли, чтобы все эти Марксы и Аристотели спонтанно пребывали в полной гармонии между собой? Или, может быть, следует ожидать возникновения конфликтов на новых, высших уровнях и каким образом будут решаться эти конфликты в обществе, лишённом государственного управления и органов власти? А что, если кто-то всё же будет испытывать недовольство, будет протестовать и усложнять жизнь окружающим? И каким именно образом общество, обещающее всем благосостояние, будет функционировать без разделения труда?

Подразумеваемый ответ Маркса на подобные вопросы сформулировал французский философ Андре Глюксман: «Между строк он

сообщает нам следующее: когда проблема уже решена, для неё найдётся решение»²¹⁷. Того же мнения придерживаются и последователи марксизма.

Что касается пути достижения идеального общества, у марксистских идеологов можно найти достаточно развёрнутые объяснения. Они касаются в основном того, какие средства необходимы и желательны для достижения коммунистической цели, особенно по отношению к тем, кто к этой цели не стремится, тех, кто может создать проблемы и кого Ленин назвал «хранителями традиций капитализма».

Итак, какие же средства были необходимы и желательны для того, чтобы Маркс, Энгельс и их последователи могли создать совершенное коммунистическое общество? И в частности, как следовало поступить с контрреволюционерами?

ТОТАЛИТАРНЫЕ ЧЕРТЫ В ФИЛОСОФИИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА: ГЕНОЦИД КАК СТРАТЕГИЯ

В 1849 году Фридрих Энгельс написал: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом».

Подобное утверждение скорее подошло бы идеологу другого рода, нежели одному из основателей марксизма. Но это написал Энгельс. Эти строки взяты из заключительного абзаца статьи «Борьба в Венгрии», напечатанной в газете «Нойе райнише цайтунг» 13 января 1849 года²¹⁸.

И это не просто необдуманное заявление молодого неокрепшего ума, ещё не увидевшего свет истинной идеологии. Редактором газеты являлся друг и соратник Энгельса Карл Маркс, а Энгельс написал свой страстный пассаж о реакционерах, которые исчезнут с лица земли (с немаловажной припиской о том, что это будет достижением прогресса) год спустя после того, как они совместно опубликовали «Манифест коммунистической партии»²¹⁹.

Вполне естественно было бы истолковать процитированное утверждение в том смысле, что оно является концентрированным выражением принципа геноцида. Как мог Энгельс написать нечто подобное? И что именно он имел в виду, говоря, что реакционеры исчезнут с лица земли и это будет прогрессом? Кого именно он называл реакционерами? Было ли это утверждение случайной аномалией, горячей оплошностью в рассуждениях и письменных работах Маркса и Энгельса, о которой не следует беспокоиться? Или же это повторялось в дальнейшем? Может быть, жёсткая формулировка Энгельса должна натолкнуть нас на след чего-то важного, тёмной и малоизвестной стороны истинного, незамутнённого марксизма?

13 марта 1884 года, в ознаменование года со дня кончины Маркса, Энгельс опубликовал в газете «Социал-демократ» статью, целью которой было почтить память покойного друга, помянуть его и их совместную идеологическую и политическую работу и призвать немец-

ких социал-демократов и другие социалистические силы к политической борьбе в соответствии с правильным пониманием революционных идей. Темой, которую Энгельс избрал в связи со столь важным поводом, была «Маркс и «Нойе райнише цайтунг» в 1848–1849 годах», и это косвенно свидетельствует о том, что сам Энгельс не считал публикации, напечатанные в газете в 1849 году, чистой случайностью. Конечно, он не повторяет дословно своих утверждений о том, что реакционеры должны исчезнуть с лица земли, однако и сожалений по поводу высказанных ранее взглядов статья 1884 года не содержит. Более того, Энгельс, кажется, вполне удовлетворён написанным в 1848–1849 годах. Так, он пишет: «У нас были сплошь отвратительные противники, и мы обходились с ними с должным отвращением», и в другом месте статьи: «Ни одна немецкая газета, ни до, ни после, не обладала той же властью и влиянием или способностью воспламенить пролетарские массы так же легко, как “Нойе райнише цайтунг”»²²⁰.

Попробуем разобраться, что ещё Энгельс имел против реакционеров и почему он хотел стереть их с лица земли. Во-первых, нужно отметить, что процитированное в начале раздела утверждение не является внезапной вспышкой ярости. Это завершение длинной цепочки рассуждений. В предшествующем абзаце конкретизируется, кто именно должен исчезнуть с лица земли. Энгельс предсказывает, что «славянская контрреволюция... со всем своим варварством» захлестнёт и победит австрийскую монархию на какое-то время. Однако вскоре австрийские немцы и венгры «кровавой мезьей отплатят славянским варварам». Затем разразится всеобщая война, которая «сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций»²²¹. Под славянскими упрямыми нациями подразумеваются хорваты, чехи и другие славянские народы в составе империи Габсбургов, да и вообще все славянские нации Европы. Важным исключением являются поляки. Все прочие славянские нации являются контрреволюционными и должны быть истреблены. «Славяне – мы еще раз напоминаем, что при этом мы всегда исключаем поляков, – постоянно служили как раз главным орудием контрреволюции», – пишет Энгельс в другой статье²²². И это не безобидные теоретические рассуждения. Когда мы слышим сентиментальные фразы о братстве с самыми контрреволюционными нациями Европы, пишет Энгельс, мы отвечаем:

«...ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам».

Энгельс завершает статью призывом к борьбе и предупреждением. «Мы знаем, что делать», – пишет он. «Тогда борьба, «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим револю-

цию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции!»²²³ В другом месте он называет славянские народы в Австрийской империи «обломками народов, продуктом в высшей степени запутанного тысячелетнего развития»²²⁴.

В 1848 году эти «обломки» были настроены контрреволюционно. Это в равной степени верно в отношении всех славянских народов (за исключением, как мы уже сказали, поляков): чехов, словаков, хорватов, сербов и многих других. В 1848 году всем им – как большим, так и малым «народностям и народам», суждено было «в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции», чем и объяснялась их контрреволюционность²²⁵.

Но в чём же были виноваты славяне? По мнению Энгельса, славянские народы коллективно объединились с реакционными правителями, подавлявшими революционные восстания в Австрийской империи. Когда славяне в 1848 году восстали, чтобы добиться национальной независимости, они сделали это лишь с целью помешать немецкой и венгерской революции, и Энгельс рассматривал это как очередное проявление их контрреволюционности²²⁶. В 1848 году французы, немцы, итальянцы, поляки и венгры «подняли знамя революции», тогда как славяне, «как один человек, выступили под знаменем контрреволюции»²²⁷.

По Энгельсу, такое разделение народов на революционные и контрреволюционные в 1848 году не было случайным. В целом ряде рассуждений на исторические темы он пытался доказать, что славянские народы были по сути своей варварскими и в этом смысле не имели «собственной истории». Они были и оставались полностью зависимыми от немцев и венгров «в историческом, литературном, политическом, торговом и промышленном отношениях», а если бы они попытались образовать собственные государства, то ими управляла бы «немецкая и итальянская буржуазия их городов»²²⁸.

Даже у чехов в Богемии не было собственной истории. Согласно Энгельсу, они зависели от Германии со времён Карла Великого. И если чехи и могли похвастаться наличием более или менее развитой промышленности и культуры – в отличие от «почти кочевого варварства хорватов и болгар», – то им следовало благодарить за это немцев. Немцы приложили большие усилия к тому, чтобы «цивилизовать упрямых чехов и словенцев», не услышав за это и слова благодарности²²⁹. Таким же образом он утверждает, что венгры «действовали слишком уступчиво и слабо по отношению к надменным хорватам»²³⁰.

В 1848 году среди славянской элиты было распространено достаточно влиятельное политическое движение, известное как панславизм. Идея его заключалась в том, что все славянские народы должны собраться и образовать единое государство. Энгельс считал панславизм «ребяческим и реакционным». Какими бы демократическими и революционными ни старались казаться лидеры панславизма, их движение и идеология оставались контрреволюционными. Одна из причин тому заключалась в истории и самой природе славянских народов. Ещё одна причина состояла в том, что панславизм рассма-

тривался как прикрытие для политических игр российского царизма. А Россия в середине XIX века представлялась Марксу и Энгельсу гигантским контрреволюционным чудовищем. И оттого, что один из их главнейших противников, анархист Михаил Бакунин, выступал в поддержку революционного демократического панславизма, легче не становилось²³¹. Движение панславизма всё равно следовало встречать революционной ненавистью, и естественная реакция на него – «уничтожение и беспощадный террор».

Впрочем, такое отношение вызывали к себе не только славяне. В Европе нет ни одной страны, писал Энгельс, где в том или ином затерянном уголке

«...нельзя было бы найти один или несколько обломков народов, остатков прежнего населения, оттесненных и покоренных наций, которая позднее стала носительницей исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти *обломки народов* становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты своих национальных особенностей, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции»²³².

О каких именно «остатках» пишет Энгельс? Он приводит несколько примеров: кельты (гэльский народ) в Шотландии, бретонцы во Франции и баски в Испании²³³. Как и славяне, они безнадежно контрреволюционны; всех их следует истребить или полностью лишить национальных черт.

Что касается скандинавских народов, Маркс и Энгельс всецело одобряли и поддерживали войну Германии против Дании за Шлезвиг и Гольштейн в 1848 году. Энгельс заявлял, что аннексия немцами Шлезвига есть «право цивилизации по отношению к варварству, прогресса по отношению к застою». Поэтому, даже если бы, согласно договорам, Дания в этом конфликте оказалась права, что Энгельс считал весьма сомнительным, право цивилизации перед варварством «значит больше, чем все договоры, ибо это право исторического развития»²³⁴. В этой связи можно привести следующее высказывание, направленное против скандинавов:

«Скандинавизм заключается в восхвалении жестокого, грубого, пиратского древненорманского национального характера, той крайней замкнутости, при которой избыток мыслей и чувств выражается не в словах, а только в делах, именно в грубом обращении с женщинами, в постоянном пьянстве и в неистовой воинственности, перемежающейся со слезливой сентиментальностью»²³⁵.

Однако всё относительно. Хотя Дания и другие скандинавские страны и являлись варварскими по сравнению с цивилизованной Германией, всё же норвежцы и шведы были цивилизованными народами по сравнению с саамским меньшинством. В статье 1866 года Энгельс резко критикует идею о том, что эти «кочующие дикари» могли бы объединиться в собственную «великую финскую национальность», если бы не были угнетены. Да уж, саркастически пишет он, «ведь это

страшное угнетение – заставлять этих бедных лапландцев учиться культурному норвежскому или шведскому языку вместо того, чтобы ограничиваться своим варварским, полуэскимосским наречием!»²³⁶.

Эта статья 1866 года интересна тем, что в ней Энгельс повторяет свои принципиальные аргументы, уже высказанные им в 1848 году, однако в более отточенных формулировках. С одной стороны, пишет он, есть «крупные европейские нации», «большие и четко определенные исторические нации». В соответствии с существующим принципом, сформулированным для «демократии и рабочего класса», у них есть право образовывать самостоятельные государства. В качестве примеров таких великих наций он приводит Италию, Польшу, Германию, Венгрию, Францию, Испанию, Англию и Скандинавию.

Однако право на самоопределение для таких наций – это вовсе не то, что Энгельс называет «принципом национальностей». Говоря о «национальностях», Энгельс имеет в виду множество «мелких остатков тех народов, которые фигурировали более или менее продолжительное время на арене истории, но затем были превращены в составную часть той или иной более мощной нации».

Требования национальной независимости со стороны таких «остатков народов» звучат абсурдно, считает Энгельс, будь то валлийцы в Англии или саамы в Норвегии и Швеции²³⁷.

Именно на основании таких представлений Энгельс допускал в 1849 году саркастические выпады против народов, требовавших «равноправия наций». С такими требованиями выступали, разумеется, политические лидеры славянских народов. Некоторые из них были «глупыми фантазерами, как, например, многие газетные писаки», другие же просто-напросто «негодяями»²³⁸.

В поздних работах Энгельса можно найти более мягкие высказывания по адресу малых славянских народов, особенно в тех, где он обрушивается с критикой на царскую Россию²³⁹. С другой стороны, в его поздних работах имеются и весьма резкие и образные сентенции, направленные против славянских и некоторых других народов. Так, в частном письме 1885 года он пишет: «Эти жалкие осколки бывших наций – сербы, болгары, греки и прочий разбойничий сброд <...> – готовы сжить друг друга со света и вот-вот перегрызут друг друга жадные глотки»²⁴⁰.

Когда Энгельс в 1848–1849 годах писал эти работы, Европа была охвачена огнём. Революция, разразившаяся во Франции в начале 1848 года, распространилась затем и на другие европейские страны, в том числе на немецкие княжества и государства, входящие в состав империи Габсбургов. Ежедневная газета «Нойе райнише цайтунг» выходила в рейнском городе Кёльне, на территории Прусского королевства. Маркс и Энгельс оказались среди тех, кто в июне 1848 года поднял газету на ноги, и с первого дня полностью контролировали её содержание. Они хотели не только комментировать революционные события, происходящие в Европе, но и оказывать на них влияние, вмешиваясь в революционные процессы. Они стремились рас-

пространить влияние газеты за пределы коммунистических кругов, поэтому им приходилось ограничивать себя в вопросах освещения специфических стратегий и целей коммунистического движения. Газета должна была быть в высшей степени революционной, но в соответствии с духом событий, разворачивавшихся в Европе, она должна была быть революционной в демократическом смысле, объединяя революционно настроенную буржуазию с ещё более революционно настроенным рабочим классом. В 1884 году Энгельс вскользь упомянул, что политическая программа газеты состояла, в общем, из двух положений: создание объединённой демократической германской республики и война с Россией. По словам Энгельса, Маркс был единовластным редактором газеты²⁴¹.

Газета давала Марксу и Энгельсу уникальную возможность комментировать происходящие в Европе события практически в качестве очевидцев: какие общественные и классовые силы были настроены революционно, какие помогали контрреволюции. Работы было столько, что им приходилось делить между собой темы и материалы. Национальные конфликты и история – особенно военная – были областью интересов Энгельса, и он был основным автором появлявшихся в газете материалов на подобные темы. Именно Энгельсу принадлежат все высказывания об «истреблении», «обломках наций», «остатках народов», и, насколько мы можем судить по этим выпадам, он был настроен более воинственно, чем Маркс. Впрочем, у нас есть причины считать, что они находились на одной волне: если один из них был не согласен с тем, что написал другой, материал в газете не появлялся²⁴².

Их взаимное согласие во взглядах на славянские и другие контрреволюционные народы более очевидно проявляется в сборнике «Революция и контрреволюция в Германии», состоящем из статей 1851–1852 годов. Статьи были написаны Марксом по заказу американской газеты «Нью-Йорк трибюн». Точнее будет сказать так: американцы заказали у Маркса серию статей, и все статьи были опубликованы за его подписью. Но Маркс, очевидно, использовал Энгельса в качестве «литературного негра», поскольку сам был чрезвычайно занят. Большая часть материалов была написана Энгельсом, который отправлял черновики Марксу по мере написания. Этот процесс сопровождался достаточно бурной перепиской, в которой они обсуждали основные идеи статей. По мере получения черновиков Маркс редактировал их и отправлял в печать. Позднее статьи были изданы в качестве отдельного сборника дочерью Маркса Элеонорой²⁴³.

Статьи были написаны с расчётом на рафинированную американскую публику. Кроме того, они посвящены менее животрепещущим темам и более продуманны, нежели статьи, выходившие в «Нойе райнише цайтунг». Наиболее воинственные высказывания в них не повторяются. Однако основные идеи – о контрреволюционных нациях и остатках многочисленных народов (англ. *scattered remains of numerous nations*), обречённых на упадок, – мы в них находим. С учётом своей аудитории, по всей видимости, Маркс и Энгельс дополняют список «вымирающих национальностей» наравне со славянскими

народами, бретонцами и басками т. е. «испанскими и французскими креолами». Кроме того, в списке образца 1851–1852 гг. «валлийцы в Англии» заменили шотландских кельтов. Ещё один нюанс состоит в том, что поляки как нация уже не считаются исключением из славянских народов, принявших сторону деспотов и реакционеров: теперь уже речь идёт только о «демократической части польской нации», что выдаёт разочарование Маркса и Энгельса в связи с действиями поляков в 1849 году и позднее. В остальном же нападки на панславизм («движение, поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку») ужесточились по сравнению с 1849 годом²⁴⁴.

В целом тирады о контрреволюционных народах и их неизбежном исчезновении с лица земли можно считать наиболее воинственными в обширном литературном наследии Маркса и Энгельса. В задачи этой книги не входит выяснение того, насколько подобные высказывания расходятся с остальными идеями Маркса и Энгельса о классовой борьбе и революции. Однако бросается в глаза, что подобные высказывания объявляют революционными или контрреволюционными целые нации и группы народов, и внутри них социальные классы и борьба между ними уже не играют никакой роли. Как уже говорилось, это отчасти объясняется тем, что Маркс и Энгельс сознательно избегали обсуждения целей и стратегий коммунизма ради представления более широкой буржуазно-демократической революционной перспективы²⁴⁵.

Тем не менее рассуждения о контрреволюционных народах и их дальнейшей судьбе заслуживают подробного комментария. Хотя отдельные высказывания и нельзя считать в достаточной мере репрезентативными, в их основе лежат некоторые идеи и логические ходы, которые вплетаются в общую идеологическую канву.

Основополагающим элементом рассуждений Маркса и Энгельса была забота о классовых интересах пролетариата и грядущей социалистической революции. В первую очередь они были именно революционерами, но помимо этого они считали себя учёными. По их собственным словам, они представляли историческую необходимость, высшее, научное понимание общества и истории. Кроме того, они представляли прогресс и цивилизацию. Враг, в свою очередь, был представителем не только реакции, но и варварства.

Вообще, Маркс и Энгельс без колебаний присвоили многие слова из лексикона идеологии Просвещения, одновременно введя несколько новых. Там, где они допускали, что нравственные соображения могут играть какую-либо роль, они без колебаний занимали позицию морального превосходства, равно как и научного и исторического. Они просто-напросто были всегда правы, во всех смыслах этого слова. На их стороне было право исторического развития, и это право было приоритетным по отношению ко всем заключённым соглашениям и подписанным трактатам. Они также знали, что правильно, а что нет, в нравственном отношении. Кроме того, они понимали, что правильно с научной точки зрения, оценивая историческую и социальную обстановку.

Заняв такую выгодную позицию, они подвергли анализу революционные и контрреволюционные классовые силы в Европе в 1848 году. Европейские революции 1848 года были, в общем и целом, буржуазными, однако это не умаляло необходимости поддерживать их как необходимый элемент исторического процесса на пути к социалистической революции. Некоторые нации в силу своей истории, культуры и достижений технического прогресса были революционными: немцы, итальянцы, венгры и поляки. Все они имели право на собственное государство и политическое самоуправление. Другие народы и нации были контрреволюционными, и потому дать им политическое самоуправление было бы не просто абсурдным и реакционным шагом. Они должны были исчезнуть, например, в результате массового истребления. Однако их исчезновение могло быть результатом и менее драматических событий. Их можно было лишить всех национальных черт и полностью ассимилировать силами более цивилизованных наций.

Не так важно было, каким именно образом это случится. Главное, чтобы они прекратили своё существование – не ради Германии или других наций, но ради самой революции.

Таким образом, геноцид представлялся разумным и полностью приемлемым средством. В 1848 году Энгельс зашёл даже дальше: он считал геноцид явлением полезным и даже желательным, он называл его прогрессом. С одной стороны, можно сказать, что это было написано в особых обстоятельствах яростной и почти равной вооружённой борьбы между революцией и контрреволюцией. С другой стороны, примечательно, что теоретики революции призывают к геноциду в разгар вооружённого и практически неуправляемого революционного процесса.

Такой ход мыслей можно назвать жестоким. Если бы мы сообщили об этом Марксу и Энгельсу, они бы наверняка ответили, что сама история жестока. «Без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается», – писал Энгельс в 1849 году²⁴⁵.

Кроме того, его рассуждения можно истолковать так, что средства целиком и полностью должны быть подчинены цели. Цель же – коммунистическое общество – так важна, что приемлемым может считаться любое направленное к ней средство.

Здесь необходимо отметить, что Энгельсу немного было надо, чтобы счесть геноцид приемлемым средством. Славянские народы поддержали контрреволюцию в 1848–1849 годах. На это можно возразить, что вместе с ними выступили вооружённые силы и многих других наций. Однако этот аргумент, в сочетании с беглым и не особенно глубоким историческим анализом (в частности, очевидно, что точка зрения на чешскую историю совершенно неверна), дал все основания для того, чтобы пара далёких от реальности революционных теоретиков и журналистов осудила миллионы людей, или, как минимум, их язык, культуру и образ жизни, на вымирание. И ещё раз: если последовательно придерживаться общих идеологических предпосылок Маркса и Энгельса, то следовало бы оговориться, что

хотя бы трудящихся всех славянских наций можно было бы избавить от этой участи.

Откуда появились идеи о революционных и контрреволюционных народах – отдельный вопрос, хотя в этой книге нас больше интересует содержание идей Маркса и Энгельса, нежели их происхождение. Что касается наиболее резких выпадов против славянских народов в 1848–1849 годов, они могли быть отчасти инспирированы венским корреспондентом «Нойе райнише цайтунг», немецким антисемитом и националистом Эдуардом Мюллер-Теллерингом²⁴⁷. Его, мягко говоря, славянофобские репортажи публиковались в газете без редакторской правки. Сам Маркс писал ему в декабре 1848 года: «Ваши корреспонденции, бесспорно, лучшие из всех, какие мы получаем; они вполне соответствуют нашему направлению <...>. Вы немало сделали для просвещения европейской публики»²⁴⁸.

В целом же можно сказать, что Маркс и Энгельс были детьми своего времени. В европейской философии до 1850 года были широко, по крайней мере среди националистов, распространены идеи о том, что некоторые нации лучше других, что некоторые народы являются историческими, а другие нет. Так, представление о народах, имеющих собственную историю и лишённых её, отчётливо прослеживается у Гегеля, оказавшего значительное влияние на формирование философского мировоззрения Маркса и Энгельса. Неудивительно, что Энгельс часто обращается к Гегелю в своих рассуждениях об «обломках наций»²⁴⁹.

В Германии националистические идеи о превосходстве германской расы над другими имели большое влияние. Также были широко распространены основанные на предрассудках стереотипные представления о некоторых нациях и их «национальном характере». Некоторые из идей Маркса и Энгельса можно объяснить именно этим, в частности, проникнутый предрассудками риторический вопрос: «Что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с ней сделать?»²⁵⁰

Однако Маркс и Энгельс вовсе не считали себя всего лишь носителями широко распространённых в их время националистических идей. Они продвигали нечто совершенно новое: яркое и ровное пламя революции, научный анализ хода истории и борьбы между социальными классами. Их идеи намного опередили подверженные влиянию предрассудков стереотипные представления их современников. Справедливо это и в отношении их бескомпромиссных революционных мыслей о том, что «остатки наций» и прочие группы, оказавшиеся на обочине истории, должны исчезнуть с лица земли. Вряд ли вам удастся найти другого европейского мыслителя середины XIX века, который столь последовательно и неуклонно продвигал бы идею о приемлемости геноцида.

Здесь нет места недопониманию. Революционная цель способствует разделению всех – политических групп, общественных движений, целых наций и групп народов – на врагов и друзей. Не существует серого, есть только чёрное и белое. Врагов нужно уничтожить – любыми доступными средствами.

Мышление Маркса и Энгельса полностью подчинено парадигме коллективизма. Они мыслили категориями пролетариата, буржуазии и прочих социальных классов, лагеря революции и контрреволюции, цивилизованных и варварских народов, великих исторических наций и обломков наций. За исключением некоторых политических лидеров, отдельных людей как будто и не существует. Они являются лишь винтиками в великом механизме истории, и в худшем случае это лишние винтики, которые мешают работе механизма и которые необходимо извлечь.

Можно было бы предположить, что чисто гипотетически вполне обоснованно суждение о том, что некоторые нации осуждены на вымирание самой историей – с небольшой оговоркой о том, что это прискорбно, однако является исторической необходимостью. Также можно было бы – опять же чисто гипотетически – отпустить некое замечание, которое выражало бы сочувствие к простому хорвату, баску, их жизненному укладу. Это придало бы рассуждениям необходимую долю человеколюбия. Однако наши идеологи чужды всяких сантиментов. «Осколки наций» обречены на вымирание, должны исчезнуть, и это является прогрессом. Всё, что можно сказать о таких рассуждениях: их авторы не льют воду понапрасну.

В конце концов Маркс и Энгельс заняли сторону исторических победителей – «больших исторических наций», таких, как немцы, венгры и итальянцы. Эти нации оказались в числе победителей по нескольким причинам. Именно они (и только они) породили современную культуру, ориентированную на прогресс, современные технологии, торговлю и промышленность. Присутствуют у этих наций и другие качества, отсутствующие у наций-неудачников: сила, жизнеспособность, энергия. Говоря об отношениях между венграми и славянами, Энгельс оспаривает утверждение о том, что четыре миллиона венгров угнетали почти вдвое большее число славян, следующим образом:

«И если «восемь миллионов славян» в продолжение восьми веков вынуждены были терпеть ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр, то одно это достаточно показывает, кто был более жизнеспособным и энергичным – многочисленные славяне или немногочисленные мадьяры!»²⁵¹

С идеологической точки зрения к историческим победителям, хотя и с переменным успехом, относились революционные силы. Для проигравших в этой борьбе всё было кончено. Никакой жалости, никакого сострадания, только насмешки и сарказм.

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ: ОБОСНОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА

В статье 1913 года, посвящённой марксизму, Ленин пишет: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, не примиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета»²⁵².

Марксизм прав, и он побеждает всё и вся в силу своей правоты. Он «полон и строен», он даёт «цельное мирозерцание». А что ещё нужно, кроме полноценного и правильного учения? Сам Ленин наверняка настаивал бы, что не нужно большего, но и меньшего не нужно.

Такое понимание марксизма полезно держать в уме, оценивая вклад Ленина в дело революции. Вклад этот носит в первую очередь практический характер. Ленин был на сто процентов пламенным революционером и лично руководил революционным переворотом, сыгравшим огромную роль в жизни многих миллионов людей. Говоря о теоретическом вкладе Ленина – настолько, насколько вообще возможно добавить что-либо к «полному» учению, – нельзя не упомянуть теорию Ленина об элитарной партии. В общих чертах эта интересная и имевшая любопытные практические последствия теория, сформулированная в 1902 году в работе «Что делать?», состоит в следующем: рабочий класс не сможет развить подлинно революционное сознание самостоятельно. Говоря словами Ленина: «История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское». Революционное сознание может быть «принесено рабочему только извне»²⁵³.

Поэтому необходимо сформировать революционную элиту в виде сознательной и теоретически подкованной революционной партии, которая будет руководить трудящимися в классовой борьбе и доведёт их до должного уровня осознанности. Лишь обученная марксистской идеологии и революционно настроенная элита этой партии сможет определить реальные классовые интересы пролетариата: в общих чертах провести социалистическую революцию и заняться созданием бесклассового коммунистического общества. Однако партия будет иметь важные задачи и в повседневной классовой борьбе. Только в рамках такой партии можно развить корректное марксистское понимание общества и выработать правильную революционную стратегию и тактику. Короче говоря, без элитарной коммунистической партии социальная революция никогда не сможет произойти²⁵⁴.

Именно такой партией была большевистская партия Ленина. Большевики подготовили не только революционный переворот в октябре 1917 года: они взяли в свои руки государственную власть, упразднили прочие политические учреждения и правила Советской Россией (позднее СССР) вплоть до 1991 года.

Некоторые исследователи пытались доказать, что Ленин предназначал партии более скромную роль в управлении государством после революции и что ситуация в первое время после Октябрьской революции 1917 года вынудила большевиков расширить свои полномочия в связи с чрезвычайными обстоятельствами, такими, как жестокая гражданская война и интервенция, и если бы не эти события, то основными органами власти в социалистическом государстве стали бы самостоятельные советы, состоящие из рабочих (и, возможно, крестьян). Такое толкование в значительной мере основано на

работе Ленина «Государство и революция», написанной в августе-сентябре 1917 года, и оно достаточно далеко заходит в своём стремлении оправдать Ленина и снять с него вину за многие ужасы сталинского режима. По поводу такого толкования можно сказать, что развитие ленинской теории имеет свои нюансы, в частности, касательно взаимоотношений между компартией и государством. Между теоретическими позициями Ленина и Сталина имеется достаточно много несовпадений, интересных и важных во многих отношениях. Однако попытки представить Ленина верным сторонником власти советов основаны на весьма избирательном прочтении его работ, если не сказать – передёргивании²⁵⁵. С другой стороны, современные исследователи рисуют Ленина гораздо более горячим, последовательным и убеждённым адептом террора, нежели принято считать в основной массе традиционной критики²⁵⁶.

К примеру, Григорий Зиновьев, один из лидеров большевистской партии, летом 1918 года получил от Ленина выговор за излишнюю мягкость и осторожность в использовании «массового террора». Чтобы смягчить Ленина, Зиновьев ответил ему довольно хладнокровным и воинственным пассажем в духе Энгельса образца 1849 года: «Мы должны привлечь на свою сторону девяносто из тех ста миллионов, что населяют Советскую Россию. Что касается остальных, нам нечего им сказать. Они должны быть уничтожены»²⁵⁷.

Как бы то ни было, есть все основания утверждать следующее: на теоретическом уровне Ленин развил тоталитарные элементы учения Маркса и Энгельса до такой степени, что в результате идеология, которая изначально могла пойти и по нетоталитарному пути развития, стала «полной» (по словам самого Ленина) тоталитарной идеологией. Важным шагом в этом направлении была ленинская теория партии. Другим шагом были его обоснования террора – а вслед за ними и сам большевистский террор.

Данные Лениным теоретические основания были развиты и углублены одним из его главных революционных соратников, Львом Троцким. Ещё одним соратником, хоть и сыгравшим меньшую роль в революционных событиях 1917 года, однако сделавшим немалый вклад в дальнейшем, был Иосиф Сталин. И всё же в том, что касается развития теорий, по крайней мере в связи с обоснованием террора, для нас более интересен Троцкий. Другими словами, на уровне идеологии Троцкий проявляет гораздо более решительные и последовательные тоталитарные взгляды, чем Сталин, особенно в период расцвета своего влияния на большевистскую власть.

Ленин писал «Государство и революцию» летом–осенью 1917 года и не успел завершить работу, поскольку ему помешали более насущные дела. В кратком послесловии, датированном 30 ноября 1917-го, он пишет, что гораздо приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать – именно это было темой только что начатой им главы, – чем о нём писать²⁵⁸. Этими лаконичными и ставшими позднее крылатыми словами Ленин начинает критический обзор революционных действий большевиков в 1917 году и позднее. Но, как уже говорилось,

в этой связи идеологическое обоснование революционного террора важнее, чем сам террор на практике.

Широко известна речь Ленина на III Съезде комсомола в октябре 1920 года²⁵⁹. В ней он поднимает вопрос о коммунистической морали. «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем», – говорит Ленин. Подобное восприятие морали – «обман... надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов».

То понимание морали, которого придерживался Ленин, вкратце можно выразить так: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»²⁶⁰.

Расширенная формулировка гласит: «Мы говорим: нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов. Коммунистическая нравственность – это та, которая служит этой борьбе»²⁶¹.

В этом высказывании довольно много скрытых смыслов. Итак, мораль выводится из классовых интересов пролетариата. Нет ничего выше этого. Всё, что служит делу разрушения прежнего общества и строительства нового, хорошо. Следовательно, всё, что препятствует этому, плохо. Других источников, определяющих добро и зло, не существует.

Говоря другими словами, разрешено всё, что способствует достижению цели, определяемой как коммунистическое общество. Никакие средства не могут быть названы аморальными, если они служат классовым интересам пролетариата и борьбе за коммунистическое общество²⁶².

Но кто же решает, каковы классовые интересы пролетариата? Согласно партийной теории Ленина, это может быть только коммунистическая партия. Таким образом, именно партия является последней инстанцией, определяющей, что есть добро и зло.

Рассуждения Ленина о коммунистической морали подхватывает и развивает его соратник Лев Троцкий. В 1920 году, когда большевики были близки к окончательной победе в Гражданской войне, Троцкий пользовался наибольшим влиянием и авторитетом.

В течение достаточно долгого периода, предшествовавшего Первой мировой войне, немецкий социал-демократ Карл Каутский считался главным хранителем марксистской традиции. Однако он очень неоднозначно отнёсся к большевистской революции. Летом 1918 года он издал достаточно объёмную брошюру под названием «Диктатура пролетариата», в которой утверждал, что демократия является непреходящей ценностью и что социализм и демократия должны идти рука об руку²⁶³. Эта брошюра была направлена против большевиков. Каутский пользовался столь большим авторитетом и большевики отнеслись к его критике столь серьёзно, что Ленин в разгар Гражданской войны нашёл время написать развёрнутый ответ. В конце 1918 года вышла работа «Пролетарская революция и ренегат Каутский», полная

полемиических аргументов и изобретательных ругательств. Заодно Ленин уточнил формулировки большевистской теории революции и государства, так что книга получила статус одной из его классических теоретических работ²⁶⁴.

Однако Каутский так легко не сдался. В 1919 году он вновь принял идеологическую атаку на Ленина и большевиков в книге «Терроризм и коммунизм». Автором официального ответа большевиков выступил на этот раз Троцкий в работе с таким же названием, выпущенной ко II Конгрессу Коминтерна в 1920 году. Троцкий характеризует книгу Каутского как «одну из самых лживых и бессовестных книг»²⁶⁵.

В более позитивном понимании, если можно так выразиться, эта книга была чистосердечной попыткой Троцкого придать немного плоти и крови ленинским идеям о коммунистической морали. Он начинает с разъяснения взаимоотношений между рабочим классом и коммунистической партией. Он весьма ясно высказывается о роли коммунистической партии после социалистической революции: «В руках партии сосредотачивается общее руководство», – пишет он. Партия «непосредственно не управляет», поскольку не имеет предназначенного для этого аппарата. Однако ей «принадлежит решающее слово во всех основных вопросах».

На этом Троцкий не останавливается. Он перемещает управление государством ещё на ступень выше в авторитарной иерархии. Другими словами, он отдаёт всю власть в руки небольшого круга лиц: «Более того, – наша практика привела к тому, что по всем вообще спорным вопросам, конфликтам между ведомствами и личным конфликтам внутри ведомств последнее слово принадлежит Центральному Комитету партии. Это дает чрезвычайную экономию времени и сил»²⁶⁶.

Такой режим становится возможен, опять же согласно Троцкому, «при непререкаемом авторитете партии и безукоризненности ее дисциплины». К счастью для революции, партия большевиков в полной мере обладает и тем, и другим, добавляет он.

Таким образом, обвинения Каутского и прочих в том, что большевики заменили диктатуру пролетариата диктатурой партии, являются совершенным недоразумением. Диктатура пролетариата подразумевает «единство воли, единство направления, единство действия». И как же реализовать это единство? «Революционное господство пролетариата, – продолжает Троцкий, – предполагает в самом пролетариате политическое господство партии с ясной действительной программой и непререкаемой внутренней дисциплиной». Диктатура советов возможна только в форме «диктатуры партии». То, что власть рабочих подменена властью партии, вовсе не случайность, и в действительности это не является подменой. Троцкий завершает свои размышления кратким повторением основных моментов партийной теории Ленина и революционной большевистской теории: «Коммунисты выражают основные интересы рабочего класса». На всякий случай он дублирует эту мысль и в других местах книги: «Диктатура пролетариата, по самому существу своему, означает непосредственное господство революционного авангарда»²⁶⁷.

Вопросы морали всерьёз поднимаются, когда Троцкий задаёт сам себе риторический вопрос от лица Каутского и прочих критиков: «Но где у вас гарантия, – спрашивают нас некоторые мудрецы, – что именно ваша партия выражает интересы исторического развития? Уничтожив или отбросив в подполье другие партии, вы тем самым устранили их политическое соревнование с вами, а стало быть, и лишили себя возможности проверки вашей линии».

Это, без сомнения, весьма резонный вопрос. Троцкий отвечает на него решительно:

«Это соображение продиктовано чисто либеральным представлением о ходе революции. В эпоху, когда все антагонизмы принимают открытый характер и политическая борьба быстро переходит в гражданскую войну, у господствующей партии для проверки своей линии имеется достаточно материальных критериев, помимо возможного тиража меньшевистских газет. <...> Мы подавляли меньшевиков и эсеров, – и они сошли на нет. Этого критерия для нас достаточно»²⁶⁸.

Польский философ Лешек Колаковский пишет, что выделенные курсивом предложения содержат в себе наиболее точную теоретическую формулировку всего большевизма²⁶⁹. К этому можно добавить, что с учётом ситуации, авторства и дальнейшей судьбы автора эта формулировка выглядит вдвойне или даже втройне иронично и парадоксально. По Троцкому, последний и решающий критерий, определяющий правоту или неправоту коммунистических идей – это победа коммунистов. Коммунистическая идеология является правильной потому, что партии большевиков удалось осуществить революцию и наголову разбить не только прежнюю Россию и белых контрреволюционеров, но и своих революционных конкурентов, – меньшевиков и социал-революционеров. Идеология является правильной, поскольку насилие, террор и прочие революционные средства, применяемые большевиками, принесли свои плоды. Кто победил, тот и прав.

И это пишет человек, находящийся на взлёте своей революционной карьеры и обладающий огромным авторитетом. Всего лишь несколько лет спустя он был выброшен из политической жизни: его лишили всех должностей, исключили из партии и выслали из Советского Союза. В изгнании он, его семья и его сторонники подвергались преследованиям и пережили множество испытаний. Его сын был убит*, а в конце концов был убит и он сам. Кто же были его преследователи, мучители и убийцы? Это были представители правящей Коммунистической партии Советского Союза.

Как это характеризует отношения между Троцким и Сталиным? Если бы Сталин захотел, он мог бы перенять идеи Троцкого, сформулированные в «Терроризме и коммунизме», и обосновать с их помощью каждое действие, направленное против самого Троцкого и его сторонников, – изгнание, преследования, убийства, московские про-

* Сын троцкого Л.Л. Седов умер в парижской больнице после операции. Версия о причастности советских спецслужб к его смерти обсуждалась в российской историографии, но не нашла бесспорного подтверждения. – Примеч. ред.

цессы. Колаковский лаконично замечает, что Сталин ликвидировал троцкистов в СССР, и они исчезли. Очевидно, правда была при этом на стороне Сталина, стоявшего на позиции исторического прогресса²⁷⁰.

В более широкой перспективе можно сказать, что Троцкий сам заложил идеологические основы сталинского режима.

Конкретный пример Троцкого, приведённый им для разъяснения своей позиции, его не оправдывает. В связи с ситуацией в Германии в 1920 году он пишет, что «Носке громит коммунистов, но они растут»²⁷¹. Здесь, вслед за Колаковским, трудно удержаться от комментария, что то, что не удалось немецким буржуазным и социал-демократическим политикам в 1920 году, вполне удалось Гитлеру. Было бы интересно проследить, каким образом Троцкий повернул бы свои идеи в позднейших работах, посвящённых национал-социализму и немецкому рабочему классу.

Кроме того, можно немного развить его аргументацию. В исторической перспективе очевидно, что победитель всегда прав, будь то Сталин, Троцкий или Гитлер, коммунизм или капитализм. Неважно, какие идеи исповедует победитель, потому что правит сила, и силой обусловлена правота.

Даже в изгнании Троцкий продолжал размышлять о марксизме и вопросах морали. Он поднимает эти вопросы в обширной и представляющей большой интерес, особенно в сравнении с «Терроризмом и коммунизмом», статье 1938 года «Их мораль и наша». В 1938 году Троцкий находился в ссылке в Мексике, куда он был депортирован из Норвегии. Он подвергался травле со стороны приверженцев Сталина и постоянно находился под наблюдением его агентов. Его сын, Лев Седов, был убит буквально в то время, когда Троцкий работал над статьёй о морали. Всего два года спустя был убит сам Троцкий. Так что автор работы «Их мораль и наша» находился в совершенно других жизненных обстоятельствах, нежели уверенный в себе и своей победе автор «Терроризма и коммунизма».

Вероятно, этим и обусловлены некоторые расхождения в этих двух работах. В 1938 году Троцкий явно уже не считал, что победитель всегда прав, и избегал возвращаться к собственным аргументам образца 1920 года. И всё же он с поразительным энтузиазмом повторяет одну из главных идей эпохи своего возвышения: «Верно, однако, то, что для большевика партия – всё. <...> У революционного марксиста не может быть противоречия между личной моралью и интересами партии, ибо партия охватывает в его сознании самые высокие задачи и цели человечества»²⁷².

Последней инстанцией в вопросах морали по-прежнему является коммунистическая партия. И тот факт, что сама партия и управляемое ею революционное государство находились в руках сил, которые, согласно Троцкому, провели политическую контрреволюцию, а после этого исключили его из партии, выслали из страны и угрожали его жизни, преследуя его самого и его сторонников всеми имеющимися в их распоряжении средствами, вовсе не отменял этого фундаментального принципа. По мнению Троцкого, следовало начать всё заново с

новой революционной партией, вооружённой правильным пониманием марксизма. Троцкий не утруждал себя подробным разъяснением этих положений, не делали это и его либеральные критики²⁷³. Если партия является последней и суверенной инстанцией, как могут люди внутри и вне её присваивать себе право подвергать сомнению точку зрения этой партии?

Особенно в одном пункте совершенно очевидно, что Троцкий сам заложил идеологические основы сталинского режима. Речь идёт о точке зрения на взаимоотношения между социалистическим государством и отдельным рабочим.

В целом Троцкий считал, что подтверждается ранее приведённой цитатой, что диктатура пролетариата должна принять форму «самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь граждан со всех сторон»²⁷⁴. При этом он не ограничивался простой констатацией того факта, что государство имеет право вмешиваться во все сферы жизни своих граждан.

В 1920-х годах в рядах большевиков разгорелся идеологический конфликт по поводу взаимоотношений между государственной властью и профсоюзами рабочих. Троцкий занял самую крайнюю и, раз уж на то пошло, самую последовательную позицию. Так же открыто, как он высказывался в защиту террора и занимался его обоснованием, он высказался теперь за оправданность принуждения в трудовой жизни. Ключевыми понятиями рассуждений Троцкого служили трудовая повинность и милитаризация труда. Он сформулировал свои идеи в следующем весьма содержательном пассаже: «Если плановое хозяйство немыслимо без трудовой повинности, то эта последняя неосуществима без устранения фикции свободы труда, без замены ее принципом обязательности, который дополняется реальностью принуждения»²⁷⁵.

Важной предпосылкой к возникновению понятия трудовой повинности является изначальная безусловная приверженность коммунистов принципу «кто не работает, тот не ест». Однако если прежде речь шла всего лишь о неясном абстрактном принципе, конкретное применение которого носило «случайный, частный, эпизодический характер», то теперь всё изменилось. В революционной экономике государства рабочих проблема встала очень остро, и возникла настоятельная необходимость применить этот принцип во всей его полноте:

«Единственное и принципиально и практически правильное разрешение хозяйственных трудностей состоит в том, чтобы рассматривать население всей страны как резервуар необходимой рабочей силы – источник почти неисчерпаемый – и внести строгий порядок в дело ее учета, мобилизации и использования»²⁷⁶.

Можно многое сказать об этом пассаже. Во-первых, важно отметить, что «единственное правильное решение» не представлено здесь как временная, вынужденная и нежелательная мера. Эта мера, говоря словами самого Троцкого, должна быть применена «и принципиально и практически». В другом месте он однозначно заявляет, что после со-

циалистической революции капиталистический принцип свободной купли-продажи рабочей силы должен на постоянной основе смениться более планомерными методами регулирования трудовой жизни: «Но в то же время необходимо раз навсегда уяснить себе, что самый принцип трудовой повинности столь же радикально и невосвратно сменил принцип вольного найма, как социализация средств производства сменила капиталистическую собственность»²⁷⁷.

Какова же роль профсоюзов в этой системе? По Троцкому, они должны служить сторожевыми псами трудовой повинности:

«Союзы становятся проводниками трудовой дисциплины. Они требуют от рабочих напряженного труда при самых тяжких условиях, поскольку рабочее государство еще не в силах эти условия изменить. Союзы становятся проводниками революционной репрессии по отношению к недисциплинированным, разнузданным, паразитическим элементам рабочего класса»²⁷⁸.

В продолжение этих рассуждений Троцкий пламенно агитирует за милитаризацию труда. Было бы «немыслимо» осуществить на практике принцип трудовой повинности «без применения – в той или иной степени – методов милитаризации труда». Что конкретно это означает, помимо суровой дисциплины и принуждения в трудовой жизни, не вполне ясно. Троцкий приводит в свою защиту свежие полемические выпады против меньшевиков и прочих, кто позволял себе критиковать большевиков и их методы принуждения в трудовой жизни. Критика состояла главным образом в том, что труд под принуждением малопродуктивен. Троцкий соглашался, что такое соображение могло бы быть верным в случае рабского труда и подобных форм организации докапиталистического общества. Однако социалистическое принуждение было принуждением иного рода. И дело не только в этом. Обширное использование принуждения в трудовой жизни было просто-напросто жизненно необходимо для создания нового, социалистического общества:

«Если верно, что принудительный труд непроизводителен всегда и при всяких условиях, как говорит резолюция меньшевиков, тогда все наше строительство обречено на провал. Ибо другого пути к социализму, кроме властного распоряжения хозяйственными силами и средствами страны, кроме централизованного распределения рабочей силы в зависимости от общегосударственного плана, у нас быть не может. Рабочее государство считает себя вправе послать каждого рабочего на то место, где его работа необходима. И ни один серьезный социалист не станет отрицать за рабочим государством права наложить свою руку на того рабочего, который отказывается выполнять трудовой наряд»²⁷⁹.

Суммируя всё это, мы должны констатировать, что рабочее государство Троцкого представляется гигантским трудовым лагерем, находящимся в ведении и под управлением центрального комитета коммунистической партии. Правящая партия имеет все полномочия принуждать людей к труду когда угодно, где угодно и к какому угодно. Разумеется, желательно избежать принуждения, поэтому идеальным

выходом были бы увлечённые, мотивированные и полные классовой сознательности рабочие, уверовавшие, что их интересы полностью совпадают с интересами коммунистического общества, которые, в свою очередь, определяются коммунистической партией. Для всех остальных существует принуждение. Если брать шире, тот, кто правит, может сам определять правила. Не существует более высокой правовой инстанции, более высокой моральной нормы, нежели определяемые партией классовые интересы рабочих.

Даже самые ярые троцкисты признавали, что в вопросе милитаризации труда Троцкий местами перегибает палку. Так, известный шведский троцкист Кент Оке Андерсон в предисловии к шведскому изданию «Терроризма и коммунизма» 1971 года полностью соглашается с Троцким по поводу применения террора против контрреволюционеров, однако рассуждения о профсоюзах, трудовой повинности и милитаризации труда заставляют его испытывать «смешанные чувства»²⁸⁰.

Зато философ Славой Жижек с большим теплом и энтузиазмом отзываясь об этой книге Троцкого в предисловии к новому изданию 2007 года, полностью повторяя собственные аргументы Троцкого: каждый акт террора был необходим и жизненно важен в отчаянной ситуации, в которой оказались большевики. В сжатой форме эта мысль выражена следующей фразой: «Суровые времена требуют суровых мер»²⁸¹. В остальном аргументы Жижека сводятся главным образом к тому, что рассуждения Троцкого о партийной диктатуре и принуждении к труду были обусловлены исключительной ситуацией, в которую поставили большевиков контрреволюционеры. Такой ход мысли, в общем, напоминает троцкистские и полутроцкистские воззрения 1970-х годов. Вдобавок совершенно очевидно, что Жижек очарован Троцким и, соответственно, полон ненависти к Каутскому. Критика последнего по адресу большевиков называется «зловными нападками» со стороны человека, который «сегодня, и вполне заслуженно, забыт». Троцкий, напротив, характеризуется как человек, который «умел быть жёстким и прибегать к террору»²⁸². Автор, вне всяких сомнений, считает это похвалой.

Жижек уделяет много внимания попыткам спасти Троцкого и Ленина из когтей сталинизма. Пересказывая вкратце его аргументы, осуществлявшийся Лениным, Троцким и большевиками террор, сопровождавший Великую Октябрьскую революцию, был открыт, обоснован и необходим. К тому же он был направлен против контрреволюционеров. Террор Сталина в 1930-х имел совершенно иной характер: он был направлен против Троцкого и его сторонников, и он был прежде всего тайным²⁸³.

В противопоставлениях открытости Троцкого скрытности Сталина есть доля истины. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на сталинскую конституцию 1936 года. Однако в том, что касается сравнения позиций Троцкого и Сталина, интересен следующий пассаж у Жижека: «После смерти Сталина в его личных бумагах был обнаружен потрёпанный экземпляр «Терроризма и коммунизма», полный напи-

санных от руки пометок, демонстрирующих искреннее согласие Сталина с автором»²⁸⁴.

Жижек не упоминает, из какого источника получены эти сведения, и не делает из этого никаких далеко идущих выводов. Однако новейшие исследования подтверждают тесную связь между обоснованиями террора, которые давали Троцкий и Сталин в 1920 году. Сталинский экземпляр «Терроризма и коммунизма» действительно пестрел восторженными заметками на полях, особенно в части, посвящённой революционному террору: «Верно!», «Отлично сформулировано!» и «Да!». Помимо этого, у Сталина имелся собственный экземпляр «Терроризма и коммунизма» Каутского, исписанный на полях саркастическими комментариями вроде «ха-ха». Однако цитата из Маркса, где он призывает к «революционному террору», сопровождается одобрителем «nota bene» на полях²⁸⁵. В этом свете утверждение о том, что Троцкий – а возможно, и сам Маркс – заложил идеологические основы сталинского режима, уже не кажется голословным.

ПАРТИЯ ВСЕГДА ПРАВА

Так какова же была идеологическая позиция Сталина?

Как теоретик и идеолог марксизма он, без сомнений, проявлял большую осторожность – или большую умеренность, – чем Троцкий и, раз уж на то пошло, Ленин. В частности, это касается вопроса допустимости применения террора и, в более широкой перспективе, тоталитарных тенденций в целом. Зная, какой режим установил в стране Сталин, мы с трудом можем в это поверить. Жижек в своих рассуждениях вскользь упоминает об этом парадоксе: если Троцкий был идеологически последователен и никогда не стеснялся прямо высказывать своё мнение, то Сталин был осторожен и скрытен и был скорее человеком действия, нежели теоретических рассуждений.

Лишь один раз Сталин отступил от этого принципа. Во времена «великого террора» 1936–1938 годов, когда зрелищные процессы против ряда старых большевиков составляли лишь верхушку айсберга, Сталин поразительно мало высказывался на публике. Единственным исключением является доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК в Москве 3–5 марта 1937 года. Ни один из этих текстов не был включён в официальное англоязычное издание работ Сталина, вышедшее в 1940 году, а на сайте marxists.org можно найти лишь сокращённые версии²⁸⁶. К счастью, оба текста были целиком изданы шведской Коммунистической партией марксистов-ленинистов (KFMLr) в 1971 году под звучным названием «Борьба против троцкистских агентов фашизма и задачи нашей партии».

В своём докладе Сталин расставил всё по местам: «Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств»²⁸⁷.

Согласно Сталину, в борьбе с этим феноменом уже не помогут «старые методы», «методы дискуссий». Теперь требуются «новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома»²⁸⁸.

Такова печальная ирония тоталитарного хода мысли. Сталин и его режим применили новые методы против троцкизма: травля, издевки, систематическое преследование, пытки, депортация, трудовые лагеря, покушения, убийства – всё, что так логично обосновывал сам Троцкий.

Позднейшие теоретики ещё более систематизировали тоталитарный и ленинский марксизм. Особенно в этом преуспел венгерский философ Дьёрдь Лукач, выстроивший вокруг понятия «тоталитаризм» целую систему, основанную на философии Гегеля²⁸⁹.

Лукач наделяет марксизм полным и безусловным иммунитетом против всякой критики. Отталкиваясь от понятий «тотальность» («взаимосвязанное целое») и «диалектика», Лукач превращает правильное понимание марксизма в истину более глубокую и справедливую, нежели рациональные рассуждения, основанные на эмпирических наблюдениях действительности, независимо от аргументов эмпирической критики. И ещё: марксизм может быть полностью понят только марксистами, активно участвующими в революционной борьбе. Посторонние никогда не смогут полностью постичь его, поэтому и критика с их стороны не может быть справедливой. Таким образом, правильным пониманием марксизма, которое полностью совпадает с правильным пониманием истинных интересов рабочего класса, может обладать только коммунистическая партия.

Лукач не вполне ясно излагал этот последний пункт в своей ранней теоретической работе «История и классовое сознание», изданной в 1923 году и написанной под влиянием левокоммунистических и антиленинских идей. Но уже в своей книге о Ленине, написанной год спустя, он отрекается от этих идей и констатирует, что партия «представляет интересы всего пролетариата, поскольку видит общество как взаимосвязанное целое». Таким образом, добавляет он, партия непосредственно представляет «интересы всех угнетённых, то есть будущее человечества»²⁹⁰.

Кроме того, Лукач представляет исчерпывающую диалектическую аргументацию, дающую партии право принять у рабочих советов бразды правления после революции²⁹¹. Коммунистическая партия – это «классовое сознание пролетариата в чистом виде», и её роль будет «более значительной и решающей» после революции, чем до неё. Он формулирует это следующим образом: «Среди решающих факторов власти в государстве – которое и есть мы – партия стоит на вершине иерархии»²⁹². И, даже переменив позднее отношение к официальному советскому коммунизму, Лукач никогда не изменял этим идеям.

Ленинская идеологическая традиция позднего периода мало внимания уделяет теоретическим выкладкам по поводу тоталитаризма. Взамен мы в изобилии находим пропагандистские конкретизации

и более или менее находчивые вариации основных идей Ленина и Троцкого. Приведём три примера.

Первый – пьеса Бертольта Брехта «Мероприятие», входящая в его серию «поучительных пьес». Она была написана в 1929–1930 годах, но имеет весьма непростую сценическую судьбу. Сам Брехт объяснял это тем, что пьеса давала широкие возможности для злоупотребления²⁹³.

Темой «Мероприятия» является очень острая человеческая дилемма коммунистов: молодой, во всех отношениях приятный и полный идеализма коммунист в Китае выносит суждение, которое, по мнению присланного из Москвы комиссара, является ошибочным и ставит под угрозу всю революционную деятельность. Поэтому его необходимо устранить, и его товарищи по партии получают приказ расстрелять его. Говоря словами самого Брехта, целью пьесы было показать, что «по убеждениям этот юный товарищ был коммунистом, но ему не хватало дисциплины и умения прислушаться к голосу рассудка, так что он, сам того не желая, превратился в серьёзную угрозу для всего движения»²⁹⁴. Пьеса доводит остроту вопроса о соотношении цели и средств до крайней степени. Необходимо, как утверждает партийный суд в пьесе, быть готовым совершить самые подлые и отвратительные действия, если такова необходимость:

Ты предпримешь любую подлость,
Чтобы уничтожить подлеца.
Если бы ты действительно мог изменить мир,
Перед чем бы ты остановился?
Кто ты есть?
Извальнойся в грязи
И пожми руку убийцы, но
Измени мир: он нуждается в этом!²⁹⁵

Неслучайно эту пьесу Брехта называют «абсолютным апофеозом антигуманизма» и некоторые её отрывки прочитываются как недобрая пародия на коммунистическое учение – впрочем, нужно отметить, что сам автор ни в коем случае не имел этого в виду²⁹⁶.

«Мероприятие» должно было показать и рабочим, и всем остальным, что партия – в этом случае представленная присланным из Москвы комиссаром, а позднее партийным судом, – всегда права. Неважно, если решения её кажутся подлыми, отвратительными, негуманными и непонятными отдельным членам партии. В пьесе содержится даже своего рода гимн, «Похвала партии»:

У человека есть два глаза,
У партии – тысяча глаз.
Партия видит семь государств,
Человек видит лишь город.
У человека есть свой час,
У партии – много часов.

Человека можно уничтожить,
Партию уничтожить нельзя.
Потому что она – авангард масс.
Партия ведёт свою борьбу
Классическими методами, основанными
На знаниях о действительности²⁹⁷⁰.

Ещё более прямолинейное выражение идеи о роли партии можно найти в «Песне о партии» чешско-немецкого поэта и композитора Луиса Фюрнберга, более известной как «Партия всегда права»²⁹⁸:

Die Partei, die Partei, die hat immer recht.
Und, Genossen, es bleibe dabei.
Denn wer kämpft für das Recht,
der hat immer recht
gegen Lüge und Ausbeuterei.
Wer das Leben beleidigt,
Ist dumm oder schlecht.
Wer die Menschheit verteidigt,
Hat immer recht.
So, aus Leninschem Geist,
wächst von Stalin geschweift,
Die Partei – die Partei – die Partei!

Партия, партия, она всегда права!
Да будет так, товарищи!
Тот, кто бьётся ради справедливости,
Прав всегда
Против лжи и эксплуатации.
Тот, кто оскорбляет жизнь,
Либо зол, либо глуп.
Тот, кто защищает человечество,
Всегда прав.
Поэтому, рождённая от духа Ленина
И сплочённая Сталиным,
Растёт партия, партия, партия!²⁹⁹

В этой песне весьма осмотрительно расставлены дидактические акценты. Партия права во всех смыслах этого слова. Позиция нравственного превосходства принадлежит ей по умолчанию: ведь партия борется за справедливость и защищает человечество. Враги партии – лжецы и эксплуататоры, они глупы либо злы. Придаться можно только к тому месту, где «справедливость» и «человечество» персонифицируются в виде Ленина и Сталина. В 1956 году Сталин впал в немилость как в СССР, так и в ГДР, и тогда посвящённая ему строчка была заменена на «сплочённая Лениным» (нем. *von Lenin geschweift*) или «сплочённая в борьбе» (нем. *im Kampfe geschweift*). Вполне в духе Оруэлла режим ГДР немедленно стал выдавать эту отредактированную версию за оригинальную³⁰⁰.

Третий пример я позаимствую из журнала норвежской партии маоистов (АКР), «Рёз фане», а конкретно – из статьи «Экономика Кампучии», напечатанной в №5/6 за 1978 год. Статья посвящена экономическим и общественным отношениям Кампучии при режиме Пол Пота. Она подписана псевдонимом Л.М., но написана была партийным идеологом Троном Эгримом³⁰¹.

Режим Пол Пота в Кампучии в 1978 году сеял смерть и ужас, за два-три года сократив население страны на четверть – по своей жестокости этот режим вполне может составить конкуренцию режимам Гитлера и Сталина. Но Эгрим не ставит себе задачи показать всю жестокость этого режима. Статья написана по следам поездки в Камбоджу делегации партии АКР, и в ней говорится о «лёгком и непринуждённом настроении», о полных энтузиазма народных массах, горячо поддерживающих Коммунистическую партию Кампучии, а также о мерах, принятых партией для эвакуации городов и коллективизации земли в деревне³⁰². Коллективизация, предпринятая при режиме Пол Пота, названа «конкретным и творческим применением марксизма-ленинизма в специфических условиях кампучийской революции»³⁰³.

Автор статьи высказывает идею, что кампучийское общество является особо продвинутым с точки зрения реализации марксизма, в том числе по сравнению с другими социалистическими странами. Причиной этому послужила отмена денежной экономики, произведённая при режиме Пол Пота. Работа не оплачивается деньгами, торговли не существует, и автор статьи пишет: «Люди выполняют отведённую им работу. За это они получают еду, положенное количество одежды (по требованию могут выдать и больше), тем, кому требуется, выдаются сигареты, и т. д.».

Кампучийские крестьяне вполне довольны такой экономической системой: «Как материалисты мы в первую очередь должны заявить, что система реально функционирует. Более того, похоже на то, что она функционирует хорошо. Объёмы производства растут, массы сыты и полны энтузиазма, и Кампучия ведёт успешную оборонительную войну против численно и технически превосходящего её Вьетнама»³⁰⁴.

По мнению автора, подавляющая часть населения Кампучии получила «значительное улучшение в форме повышения уровня жизни, совершенно новых видов товаров и невиданной ранее экономической стабильности». Конечно, потребности народа были относительно незатейливы, по сравнению, например, с норвежскими условиями, а кроме того, необходимо было учитывать, что «массы осознают необходимость дальнейшего развития страны и тот факт, что страна по-прежнему ведёт военные действия». Поэтому, считает писатель, «народ по-прежнему готов приносить жертвы и терпеть неудобства».

«Кадры, с которыми побеседовала делегация», уверили, что «сами массы не придают значения возникающим перебоям в снабжении».

А на случай, если у читателей журнала и после этого остались сомнения в процветании Кампучии, автор приводит в качестве метафоры экономические отношения внутри семьи: никто не будет жаловаться или требовать экономической компенсации за то, что мать

съела на один бутерброд больше, чем отец. Метафора эта выбрана не случайно. Делегация АКР много раз сталкивалась с ней во время визита в Кампучию: «Часто повторяется фраза “Мы как одна большая семья”»³⁰⁵.

И всё же есть и намёки на то, что не всё идёт так хорошо и гладко. Так, автор статьи обращается к словам, которые он приписывает Ленину: «Кто не работает, тот не ест»³⁰⁶.

Это описание Кампучии при режиме Пол Пота так и просится в качестве примера при обсуждении вопросов морали. Мы говорим об одном из самых кровавых режимов в мировой истории, и мы говорим о конкретных событиях 1978 года, а не о каком-нибудь отдалённом прошлом. Если мы попытаемся представить себе человеческие страдания, обусловленные именно режимом Пол Пота, нам трудно будет избежать обращения к теме морали. Людей терроризировали, мучили и убивали миллионами, а журнал АКР пишет о лёгком и непринуждённом настроении, о сытых и довольных массах, живущих, как одна большая семья.

Подобные соображения будут справедливы и в отношении реальной ситуации в Советском Союзе в 1936 году – по сравнению с красивой картинкой, какую рисует нам Сталинская конституция и хвалебные отзывы о ней.

Однако в связи с нашей темой справедливо будет заметить следующее: я не знаю, читал ли Пол Пот «Терроризм и коммунизм» Троцкого. Мне неизвестно также, читал ли эту работу Эгрим, который известен как достаточно эрудированный человек. Однако соображение «кто не работает, тот не ест» является одним из центральных аргументов в рассуждениях Троцкого о трудовой повинности и милитаризации труда. Вообще, в Кампучии Пол Пота поразительно многое, как в реальных обстоятельствах, так и в изображённой Эгримом идиллии, напоминает о теоретических выкладках Троцкого 1920 года: гигантский трудовой лагерь, в котором господствующая коммунистическая партия единовластно решает, что хорошо, а что плохо, использует все средства для достижения своей цели, в том числе массовый террор. Впрочем, при этом упомянутые лица – Троцкий, Пол Пот, Трон Эгрим – наверняка были бы удивлены и весьма возмущены, услышав нечто подобное.

Ряд элементов в идеях Маркса и Энгельса позволяет обсуждать их в контексте тоталитарной идеологии. К таким элементам относятся, в частности, совершенное коммунистическое общество – царство свободы – как цель политической деятельности и самого хода истории; революционный разрыв с существующими порядками; сильный коллективизм и склонность к жёсткому разделению людей на два сорта: революционеров и контрреволюционеров, цивилизованных и варваров; антиплюрализм и убеждённость в собственной правоте; представления о собственных политических и социальных идеях как о высшей науке. В не меньшей степени это относится и к постепенно проявившимся идеям о допустимости любых средств, особенно у

Энгельса: его рассуждения о контрреволюционных народах, «остатках народов», «обломках наций», которым следовало бы исчезнуть с лица земли. Немецкий идеолог, уже в 1849 году говоривший об «уничтожении и беспощадном терроризме» (нем. *Vernichtungskampf und rücksichtslosen Terrorismus*), вызывает довольно-таки неприятные ассоциации.

Можно, конечно, возразить, что Маркс и Энгельс так и не сформулировали законченной и целостной политической теории, особенно по поводу революции и пути от революции к коммунистическому обществу. Есть в их идеологии и другие незавершённые и неоднозначные элементы. Это позволяло их последователям весьма свободно выбирать направление развития идеологии.

Ленин и русские большевики развили идеи Маркса и Энгельса в тоталитарном направлении. Партийная и революционная теории Ленина, а также политическая практика большевиков во время и после Великой Октябрьской революции создали закрытую и всеобъемлющую идеологическую систему, претендующую на истину, мораль и власть. Элитарная коммунистическая партия определяла истинные интересы рабочего класса (которые, как писал философ Дьёрдь Лукач, в будущем отождествлялись с интересами всего человечества), а также служила источником истины и морали. Эта элита определяла, что есть добро и истина, и считала себя вправе использовать любые средства для достижения цели коммунизма. Говоря простым языком пропаганды, партия всегда права. Все противники относились к разряду контрреволюционеров и не заслуживали милосердия. В случае необходимости считался оправданным массовый террор.

Интересно и достаточно парадоксально, что в период Великой Октябрьской революции из всех большевистских лидеров именно Троцкий наиболее полно и последовательно сформулировал тоталитарную идеологическую программу. Парадоксально потому, что сам Троцкий был в конце концов исключён из партии, изгнан из страны и убит по приказу своего соперника Сталина. В работе Троцкого «Терроризм и коммунизм» 1920 года явно присутствуют элементы социального дарвинизма: сильный всегда прав просто потому, что он сильнее и всегда побеждает. Неудивительно, что Сталин выше всего ценил именно эту его работу.

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ: ТОТАЛИТАРИЗМ КАК ДОЛЖНОЕ

Подлинное мирозерцание всегда будет нетерпимо и не удовлетворится ролью «партии среди других партий»; подлинное мирозерцание отвергает правило «живи и жить давай другим»; оно претендует на исключительное и безусловное признание и требует, чтобы вся общественная жизнь была построена исключительно согласно его указаниям. Цельное мирозерцание не мирится поэтому с людьми, продолжающими защищать старый порядок вещей.

Адольф Гитлер. «Майн кампф»³⁰⁷

Единственный, у кого в Германии сегодня есть частная жизнь – тот, кто спит.

Роберт Лей, руководитель Германского трудового фронта³⁰⁸

РОЗЕНБЕРГ И ТОТАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Год спустя после прихода к власти Гитлера и нацистской партии НСДАП Альфред Розенберг написал статью под названием «Тотальное государство?»³⁰⁹. Официальной целью статьи было изложить взгляд национал-социалистов на государство, однако имелась и другая, впрочем, достаточно очевидная цель: предпринять терминологическое вторжение в фашистскую теорию государства, а именно – провести захват термина «тоталитаризм».

Розенберг был уверен, что эта задача просто создана для него. Он считался ведущим теоретиком национал-социализма в течение 1920-х, особенно после публикации в 1930 году своей программной работы «Миф XX века», создавшей ему репутацию главного идеолога НСДАП – разумеется, после Гитлера. Так что в период захвата власти в 1933 году он находился на пике популярности³¹⁰. Во второй половине 1930-х его позиции несколько ослабили, а в период Второй мировой войны он постепенно был вытеснен на периферию национал-социалистической правящей элиты. В апреле 1942 года Гитлер сообщил избранному кругу лиц, что он в своё время так и не дочитал «Миф» и что книга вовсе не является выражением официальной доктрины партии³¹¹. Однако в январе 1934-го, когда статья Розенберга о национал-социалистическом восприятии государства была опубликована в официальном печатном органе НСДАП, она была встречена с большим вниманием как официальное высказывание.

Понятие «тотальное государство» появилось в лексиконе национал-социалистов незадолго до государственного переворота 1933 го-да. В целом оно воспринималось как нечто позитивное. Особенно популярно это понятие было среди юристов и теоретиков права, приближенных к НСДАП. Наиболее известным среди современников и потомков был Карл Шмитт, бывший ярким приверженцем идеи тоталитарного государства и заявивший в январе 1933 года о том, что

Германии необходима своя версия итальянского *stato totalitario*. Сам Гитлер несколько раз использовал понятие «тотальное государство» в своих речах 1933 года, а в ноябре 1933-го Йозеф Геббельс весьма положительно отзывался не только об идее «тотального государства», но и о «тоталитарной позиции»³¹².

Розенберг начинает свою статью с заверения, что национал-социалистический переворот, который он называет «революцией 30 января 1933 года», означал неизбежный конец прежнего, абсолютистского государства – оно не могло продолжать своё существование даже «в новых формах». Новое национал-социалистическое государство подразумевает совершенно новые в немецкой истории отношения между государством и народом, пишет Розенберг, напоминая в этом Джентиле и Муссолини.

Однако Розенберг последовательно отмежевывается от итальянского фашизма и свойственного фашистской идеологии понимания государства. Национал-социалистическая революция не предполагает «так называемой тотальности государства, но лишь тотальность национал-социалистического движения». Новое государство не должно было стать «инструментом управления», оно должно было стать «инструментом национал-социалистического мировоззрения».

И это было не просто малозначительное формальное различие, оно напрямую влияло на политическую реальность. Продолжая разговор о «тотальном государстве», пишет Розенберг, мы скажем, что новые поколения национал-социалистов «поместят представление о государстве в центр всего». Однако это будет неправильно. Государство должно быть подчинено идеологии национал-социалистического движения. Именно эта идеология и это движение «претендуют на тотальность».

В результате таких рассуждений Розенберг приходит к выводу, что дальнейшее обсуждение идеи «тотального государства» не имеет смысла³¹³.

Тон статьи говорит о том, что немецкие национал-социалисты слишком охотно переняли сам термин и трактовку понятия тоталитаризма у итальянских фашистов, что Альфред Розенберг считает это серьёзной проблемой и требует её незамедлительного решения. Неизвестно, в какой мере это является заслугой Розенберга, однако начиная с 1934 года понятие «тотальное государство» всё реже встречается в официальных источниках национал-социализма³¹⁴.

Это означает, что немецкий национал-социалистический режим не считал себя тоталитарным в том смысле, в каком это делал итальянский фашизм. Однако толкование Розенберга интересно не только из-за сделанного им разграничения. Идеология национал-социалистов – их «мировоззрение» – и само национал-социалистическое движение активно требовали «права на тотальность». Уже одно это говорит нам о том, что немецкий национал-социализм был не менее тоталитарен, чем фашизм Муссолини. Это становится ещё более очевидно при внимательном изучении работ действительного идеолога национал-социализма – Адольфа Гитлера.

Чтобы понять, как мыслил Гитлер, необходимо, разумеется, прочесть «Моя борьба». Но есть и другие источники. Особенно интересны в этом отношении его монологи для избранного круга, большинство из них было произнесено в так называемой ставке фюрера в Восточной Пруссии летом 1941 года и позднее. Конспекты этих монологов велись по инициативе и под контролем верного секретаря Гитлера – Мартина Бормана. Значительная часть этих конспектов сохранилась, и нет причин сомневаться в их подлинности. То есть точные выражения, возможно, несколько искажены, однако в целом содержание передано верно³¹⁵. Конспекты монологов можно найти, в частности, в англоязычном сборнике под редакцией Хью Тревора-Ропера³¹⁶. Тексты издавались и на немецком, но никогда не были собраны вместе под одной обложкой³¹⁷. Монологи Гитлера интересны по нескольким причинам. Во-первых, это его искренние и открытые обращения к кругу приближённых, среди которых ему не нужно было следить за языком. Во-вторых, интересно само время, когда эти монологи произносились: записи велись начиная с лета 1941 года, и большая их часть относится к периоду 1941–1942 годов. Самые пламенные монологи Гитлер произносил летом-осенью 1941 года. Он считал войну против Советского Союза уже практически выигранной и уделял много внимания планированию и фантазиям о новом национал-социалистическом мире.

С другой стороны, необходимо отметить, что монологи Гитлера достаточно спонтанны, бессистемны, часто (хотя и не всегда) непродуманны и бессвязны. В них очень много повторений. Тот факт, что их аудиторией, по крайней мере поначалу, был небольшой круг приближённых, означает, что эти речи не были предназначены для того, чтобы вдохновить и увлечь народные массы. В целом эти монологи следует изучать с оглядкой на публичные речи, письменные работы и политическую деятельность Гитлера, и особенно на его главный труд – книгу «Майн кампф». Только тогда они дадут правильное представление об идеях Гитлера, о его утопических фантазиях, его отношении к врагам и к использованию самых жестоких средств на пути к своей цели.

MEIN KAMPF: СНАЧАЛА РАЗРУШИТЬ СТАРОЕ, ЗАТЕМ ВЫСТРОИТЬ НОВОЕ

Уже из ранней работы Гитлера «Моя борьба» очевидно, что естественным контекстом его мировоззрения был тоталитаризм.

Гитлер держал в уме некое представление о совершенном обществе, «идеальном государстве», когда он писал (или, если педантично придерживаться деталей, диктовал) эту работу. Это представление было настолько важно для Гитлера, что он счёл необходимым вступить в полемику с политиками Веймарской республики («нынешней деляческой республики») по поводу «веры в идеальное государство будущего»³¹⁸.

Другими словами, необходимо было противопоставить представителям общественного порядка Германии 1920-х годов некую

цельную, идеальную идеологическую альтернативу. Основные черты предлагаемой Гитлером альтернативы легко распознать, и они не требуют толкования: необходимо создать тесную общность немцев (и только немцев) на основе представлений о расах и тесной причинно-следственной связи между унаследованными расовыми качествами и культурными достижениями. Это основанное на расовой принадлежности общество будет органичным, и управлять им будет избранный фюрер. Демократическую Веймарскую республику должно сменить национал-социалистическое государство под руководством фюрера, обладающего неограниченной политической властью. Евреи являются особенно деструктивной и неполноценной расой, которой не должно быть места в германской национальной общности. Как именно от них предполагается избавиться, в «Моей борьбе» не говорится, однако ясно сказано, что они должны исчезнуть с территории германского государства. Немцы, со своей стороны, наделяются правом распространять своё влияние на восток и основать колонию на территориях тогдашней Польши и Советского Союза³¹⁹.

В двух словах расовые идеи Гитлера заключались в представлении о борьбе между различными расами, обладающими неравной ценностью и неодинаковыми расовыми качествами. Высшая раса, к которой Гитлер относил и себя, в различных контекстах и не особенно последовательно именуется «арийцами», «германцами» или «нордической» расой. В «Моей борьбе» не вполне ясно описана связь между этими понятиями и немецкой нацией, однако Гитлер, очевидно, причислял всю немецкую нацию к высшей расе³²⁰.

Эти идеи расового превосходства обосновываются весьма туманными и эфемерными формулировками о «природе». То же можно сказать и о крайней приверженности Гитлера идее коллективизма, согласно которой индивид должен целиком и полностью подчиняться общим потребностям и интересам. Обоснованием коллективизма также служат «законы и веления природы». К примеру, Гитлер пишет:

«Действительный идеализм есть не что иное, как подчинение интересов и всей жизни отдельного лица интересам и всей жизни общества. Только такое подчинение и создает возможность какой бы то ни было организации. В этом смысле идеализм соответствует глубочайшим велениям природы. Именно такой идеализм и побуждает людей добровольно признать преимущество более сильного. Именно такой идеализм становится частицей того миропорядка, который образует нашу вселенную»³²¹.

По мнению Гитлера, новая немецкая общность, вне всяких сомнений, должна была проникнуться идеями национал-социализма. И речь не только о том, в чьих руках будет находиться политическая власть. Национал-социалистическое мировоззрение наконец должно выиграть битву за свои идеи, пишет он, и «догмы партии ... окрасят собою всю общественную жизнь нового государства»³²².

Подобные формулировки позволяют нам понять, каковы были тоталитарные представления Гитлера. Что конкретно он имел в виду, говоря, что партийные догмы «окрасят собою всю общественную жизнь»?

В «Моей борьбе» Гитлер не очень много внимания уделяет форме государственного правления³²³. В соответствии со статьёй Розенберга 1934 года (а скорее, точно наоборот) он подчёркивает, что государство *«является не целью, а средством к цели»*. Таким образом, причиной «высокой человеческой культуры» является не государство, но *«главным фактором последней является исключительно наличие расы, способной стать творцом культуры»*. Главным формирующим фактором в государстве должна являться расовая общность, и целью идеального государства должна быть *«забота о сохранении того основного расового ядра, которое одно только способно создавать культуру, дарить человечеству красоту, достоинство и все высокое»*³²⁴.

Гитлер приводит «еврея Карла Маркса» в качестве примера индивида, который яростно защищает «неверные взгляды на сущность и цель государства». Что интересно, Муссолини он в этой связи не упоминает³²⁵.

Гитлер в «Майн кампф» гораздо более открыто и последовательно высказывается по поводу чисто политических идей – например, принципа фюрера или отмены демократии. Национал-социалистическое мировоззрение «отвергает демократический принцип массы», пишет он. Оно должно *«обеспечить наибольшее влияние и подлинное руководство за самыми лучшими головами в данном народе»*. Национал-социалистическое мировоззрение строится *«не на принципе большинства, а на роли личности»*³²⁶.

Говоря абстрактно, этот аргумент предполагает из того, что править должны лучшие, а не большинство, потому что никогда не знаешь, право большинство или нет. Этот политический аргумент против демократии далеко не нов, он появлялся ещё в античной политической философии. Но идеальное общество Гитлера основывается не только на этом. Он уделяет некоторое внимание описанию придуманной им политической системы. По его мнению, лучшим государственным устройством будет *«то, которое естественно и неизбежно будет выдвигать на самые высокие места самых выдающихся сынов народа и будет обеспечивать им беспорное руководящее влияние»*. Ни на каком уровне решения не должны приниматься простым большинством, ответственностью должны быть всегда наделены отдельные лица. Главное правило заключается в следующем: *«Власть каждого вождя сверху вниз и ответственность перед вождем снизу вверх»*. Политические собрания могут существовать, но они должны быть чисто совещательными органами³²⁷.

В «Майн кампф» Гитлер не описывает подробно, каким должно быть его идеальное государство. Тому есть несколько причин. Во-первых, Гитлер считал, что, прежде чем строить что-то новое, необходимо разрушить старое. Он хотел полностью порвать с существующим общественным порядком, и это было одним из важных пунктов его мировоззрения. Оно было революционным и представляло нечто совершенно новое. У национал-социализма есть «идеал», пишет он. Но

для воплощения этого идеала, для того, чтобы «идеал националсоциалистического государства превратить в действительность», необходимо «искать новую силу»³²⁸.

В борьбе за идеал необходимо разрушить старый мир прежде, чем создавать новый: «Первый же вопрос заключается не в том, как на чистом месте построить наше новое идеальное государство, а в том, – как устранить существующее еврейское государство». И даже если борец за новый идеал всей душой стремится подчеркнуть положительное, он вынужден «в первую очередь заняться негативной работой устранения существующего зла и расчистки дороги для будущего. Как это ни неприятно покажется любому из нас, а новое молодое учение, желающее проложить дорогу новым великим принципам, прежде всего должно обратиться к оружию критики по отношению ко всему старому»³²⁹.

Идея избежать критической фазы и заниматься «только положительной работой строительства», как хотели некоторые соратники Гитлера, была, по мнению автора «Моей борьбы», всего лишь «наивным лепетом». Вдобавок Гитлер подчёркивает, что новое национал-социалистическое мировоззрение является «объявлением войны» существующему порядку, «другому мировоззрению»³³⁰. Ни у кого не должно было возникнуть сомнений в революционной природе национал-социалистического движения.

Но что же было не так с существующим порядком? Другими словами, что именно необходимо было разрушить? Здесь нужно сказать, что автор «Майн кампф» едва ли сам знал, с чего следует начать. Из начальными причинами недовольства были поражение Германии в Первой мировой войне, Версальский мир и Веймарская республика. Однако в целом Гитлер решительно и бескомпромиссно отвергал также политическую демократию, либерализм и коммунизм. В действительности проблемы были гораздо глубже, чем поражение в войне, несговорчивые противники, слабые политики, ущербные политические идеологии и системы³³¹. Так, поражение в Первой мировой войне было всего лишь симптомом. Точнее, говоря исполненным биологических терминов языком Гитлера, оно было «только одним из наиболее бросающихся в глаза симптомов нашей деградации в целом ряде таких симптомов». И отрицать эту точку зрения могут «лишь те, кто хочет прятать голову под крыло»³³².

Речь идёт о кризисе и упадке в целом ряде областей: экономике, образовании, градостроительстве, архитектуре, культуре и морали. К примеру, Гитлер безжалостно обрушивается на сексуальные нравы в Веймарской республике: «Вся наша теперешняя общественная жизнь является сплошным рассадником половых соблазнов и раздражений»³³³.

В области культуры он столь же непримиримо критикует модернизм, который он называет «продуктом сумасшедшей фантазии таких погибших людей, как "кубисты" и "дадаисты"»³³⁴.

Этот катастрофический упадок объясняется, по мнению Гитлера, расовыми причинами: «Все серьезные симптомы распада, обнаружив-

шиеся уже у нас в довоенную эпоху, в последнем счете связаны с расовой проблемой»³³⁵. Главными виновниками он считает евреев. Отчасти речь идёт о чисто расовой интерпретации деструктивной силы и воли еврейского народа. Отчасти – о всемирной теории заговора, которую Гитлер развил в «Моей борьбе». Согласно этой теории, евреи втайне от всех вынашивают коварные замыслы о захвате мирового господства. Наиболее веским доводом в пользу существования заговора Гитлер считал «Протоколы сионских мудрецов»: «Это фальсификация, безостановочно верещит на весь мир «Франкфуртер цайтунг»; но есть неоспоримые доказательства того, что они подлинны»³³⁶.

Но есть и ещё кое-что. Для Гитлера всё было взаимосвязано: расовая принадлежность, культура, мораль, история, экономика и политика. Силам, приведшим страну к упадку и катастрофе, удалось преуспеть потому, что силам добра недоставало чего-то важного, а именно – целостного мировосприятия, такого, которое одновременно давало бы импульс к тому, чтобы изменить мир. Им не хватало правильного мировоззрения: «Все эти симптомы распада в последнем счете являлись результатом неправильного миросозерцания»³³⁷.

Страна находилась в глубоком и тяжёлом кризисе. В глазах Гитлера этот упадок был столь глубок лишь потому, что он сравнивался с былым величием. Крах Германии в самом широком смысле слова был падением «с такой большой высоты, какую при теперешнем унижении Германии даже трудно себе представить»³³⁸. Таким образом, в философии Гитлера явно присутствуют элементы представлений о золотом веке. С существующим порядком необходимо было покончить, при этом необходимо было возродить былое величие и идти дальше: «Действительно благотворное для человечества движение не станет огульно отказываться от прошлого, а использует для своего строительства все наиболее прочные части старого фундамента»³³⁹.

В качестве подтверждения своей идеи о том, что необходимо разрушить старое прежде, чем строить новое, Гитлер приводит в пример другое революционное движение – марксизм. Марксизм прошёл впереди и подал другим пример. Гитлер описывает революционную стратегию марксизма в поразительно уважительных выражениях. Разумеется, марксизм преследовал совершенно иные цели, нежели Гитлер и его сторонники. Но тем не менее у марксистов было чему поучиться: «У марксизма тоже есть своя цель и своя положительная программа строительства (хотя бы его положительная программа и состояла только в создании диктатуры интернационального финансового капитала еврейства). И тем не менее, ведь и марксизму пришлось сначала *посвятить целых 70 лет одной только работе критики*».

Уважение Гитлера к марксизму так велико, что он называет марксизм образцом для национал-социалистического движения. Однако при этом Гитлер намекает, что марксизм был своего рода невольным предшественником, выполнившим всю грязную работу по разрушению существующего общества: «Марксизм занимался уничтожающей, разъедающей критикой, критикой и еще раз критикой, – вплоть до того момента, пока ядовитые кислоты этой критики не разъели старое

государство и не привели к его падению. Только тогда началась его так называемая «строительная» работа.

Анализ революционной стратегии марксизма – сначала разрушать, затем строить – Гитлер завершает следующими словами: «И разумеется, это было, с его точки, зрения правильно и логично. Пропаганда будущего строя сама по себе еще не устраняет существующего»³⁴⁰.

Как бы ни была сильна идеологическая вражда между марксизмом и национал-социализмом, они имели общие революционные стратегии. Сначала необходимо было расчистить место и уже затем строить новый мир.

И христианство – ещё один заклятый идеологический враг национал-социализма – пользовалось сходными методами. Ранее развивающееся христианство не могло «довольствоваться тем, что воздвигло собственный алтарь», оно вынуждено было «подумать прежде всего и о разрушении языческих алтарей». Важная мысль высказывается в продолжении этих рассуждений: лишь подобная «фанатичная нетерпимость» могла сделать из христианства «неопровержимую веру»³⁴¹. Подобно марксизму, христианству пришлось разрушить прежнюю веру и расчистить себе жизненное пространство. Лишь построив нечто новое на пустом месте, можно претендовать на неопровержимость. Для национал-социализма это был невероятно важный урок.

Можно с уверенностью утверждать, что Гитлер прикрывается марксизмом и христианством, проецируя на этих двух идеологических противников свою собственную философию³⁴². И всё же любопытно, что Гитлер подобным образом отдаёт должное своим заклятым врагам. Кроме того, из описаний марксизма и христианства становится ясно, что в «Моей борьбе» присутствуют элементы тоталитарного мышления.

Национал-социалистическое мировоззрение Гитлера было бескомпромиссным и претендовало на непогрешимость. *«Политические партии всегда склонны к компромиссам, цельные же мировоззрения – никогда»*, – пишет он выделенным шрифтом. Далее он утверждает, что политические партии всегда имеют противников, тогда как *«цельные мировоззрения объявляют себя одних непогрешимыми»*³⁴³. В другом месте говорится, что мировоззрение *«никогда не согласится делить свое влияние с другим мирозерцанием»*³⁴⁴. Необходимо расчистить себе жизненное пространство, что подразумевает и устранение идеологических конкурентов. Гитлер подчёркивает, что такое «непогрешимое» мировоззрение берёт на себя обязательство победить не только существующий порядок, но и идеи противников «всеми средствами»³⁴⁵.

Отношение к идеологическим противникам должно дышать фанатизмом и нетерпимостью. Будущее национал-социалистического движения, пишет Гитлер, зависит от «фанатизма и нетерпимости, с какими сторонники его выступают на защиту своего учения»³⁴⁶.

Тоталитарные амбиции мировоззрения Гитлера ещё более отчётливо проявляются в формулировках, подобных следующей: «Под-

линное мирозерцание всегда будет нетерпимо и не удовлетворится ролью «партии среди других партий»; подлинное мирозерцание отвергает правило «живи и жить давай другим»; оно претендует на исключительное и безусловное признание и требует, чтобы вся общественная жизнь была построена исключительно согласно его указаниям. Цельное мирозерцание не мирится поэтому с людьми, продолжающими защищать старый порядок вещей»³⁴⁷.

Национал-социалистическое мировоззрение должно было определять и направлять всю общественную жизнь. Прежний порядок не должен был оказывать на это ни малейшего влияния: его, как и любых потенциальных противников национал-социализма, следовало сокрушить всеми средствами. Такие формулировки, выбранные Гитлером, не просто делают национал-социализм тоталитарной идеологической системой. Он воспринимает тоталитаризм как должное. Важно помнить, что всё это было сказано и написано в середине 1920-х годов, когда Гитлер руководил небольшой и малозначительной группой экстремистов. Тоталитаризм мыслился не только как всеобъемлющая социальная система, в которой Гитлер и его движение должны были обладать властью. Он также был задуман (и воплощался) как стратегия по отношению к другим партиям и идеологическим направлениям в демократической Веймарской республике.

И в принципе, и на практике это означало, что политических противников необходимо не только победить, но и полностью уничтожить. Уничтожение противника, желательно посредством физического насилия, было важным шагом и средством завоевания поддержки для собственных идей. Устранив противника при помощи физической силы, можно было показать свою власть и всю серьёзность своих намерений:

«Завоевать душу народа можно только, если одновременно с борьбой за собственные положительные цели повести борьбу за уничтожение тех, кто является противником наших целей. Если ты станешь вести против противника самую беспощадную борьбу, то народ чаще всего именно в этом увидит твою правоту. А если ты отказываешься от полного уничтожения врага, то народ видит в этом твою собственную неуверенность в правоте твоего дела, а может быть, даже и прямую твою неправоту»³⁴⁸.

Считая национал-социализм тоталитарной системой, Гитлер с неизбежностью приписывал этой системе правоту в высшей инстанции и право при необходимости навязать национал-социалистическое учение всей немецкой нации, а кроме того, право преобразовать немецкую национальную общность в национал-социалистическую общность путём «воспитания» всей нации: *«Национал-социализм принципиально берет себе право навязывать свои принципы всей германской нации, не останавливаясь перед границами тех или других отдельных государств. Ибо только так мы можем воспитать всю немецкую нацию в идеях национал-социализма»*³⁴⁹.

Подобные обращения к идее высшего права встречаются в «Моей борьбе» довольно часто. Так, автор пишет, что немцы имеют

моральное право на экспансию в восточном направлении и основание колоний на территориях Советского Союза и Восточной Европы. Более того, это право является и долгом. Немецкая нация должна завоевывать новые территории или погибнуть: «Право на приобретение новых земель становится не только правом, но и долгом, если без расширения своих территорий великий народ обречен на гибель. <...> Либо Германия будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе»³⁵⁰.

Как борьба за разрушение существующего порядка, так и борьба за создание нового, национал-социалистического общества требовала поддержки и участия со стороны «наиболее решительных и мужественных людей эпохи» – ради победы. При этом для победы вовсе не требовалось, чтобы каждый сторонник нового мирозерцания «непременно понимал до конца весь ход мыслей вождей движения». Достаточно, чтобы рядовые члены движения разделяли и поддерживали «только самые основные идеи, лежащие в основе движения». Точнее говоря, необходимо было прочно внедрить «основные идеи» в сознание рядового сторонника, «чтобы он проникся ими настолько и уверовал в них так горячо, что его единственным стремлением стало бы обязательно добиться победы этого учения». Гитлер проводил параллели с солдатом на войне, которого не посвящают «во все соображения высшей стратегии полководца», но требуют от него только одного: «чтобы он был строжайше дисциплинирован и фанатически верил в правоту и силу нашего дела». Того же требует Гитлер и от рядового сторонника национал-социализма: для «великого движения с великим размахом» этого вполне достаточно³⁵¹.

Итак, совершенно не требуется и даже нежелательно, чтобы рядовые национал-социалисты имели детальные представления о глубинных идеях движения и его конечной цели. Отчасти поэтому Гитлер в «Моей борьбе» проявляет известную сдержанность, описывая совершенное национал-социалистическое общество. В конце концов, это исключительно дело фюрера, и он не должен связывать себе руки, продумывая заранее каждую деталь.

ИНДЕЙЦЫ, СЛАВЯНЕ И ЕВРЕИ

Гитлер воспринимал тоталитаризм как нечто само собой разумеющееся и в 1920-х, и в 1941–1942 годах. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года Германия вступила в войну с Советским Союзом, и в первые недели немецким войскам неизменно сопутствовал успех. Их продвижение было столь стремительным, что осенью 1941 года казалось, будто сталинские войска вот-вот будут окончательно разбиты³⁵². По крайней мере, так думал сам Гитлер. Его монологи – произносимые в основном по ночам – в главном штабе летом–осенью 1941 года рисуют образ национал-социалистического фюрера, убеждённого в том, что битва уже практически выиграна. Здесь речь идёт в первую очередь о

конкретных военных действиях. «Англия меня не интересует», – говорил Гитлер в октябре 1941 года, демонстрируя полную уверенность в скорой победе. Во вторую очередь имеется в виду война идеологическая, начатая ещё в книге «Моя борьба». «Мы не должны бояться будущего, – продолжает Гитлер свой монолог. – Я оставлю после себя не только сильнейшую армию, но и партию, представляющую собой самое жадное существо в мировой истории»³⁵³.

В своей ранней работе Гитлер обращался к широкой публике, и ему необходимо было чётко обозначить свою позицию. Как подсказывает нам название, самым важным элементом была борьба. Мы уже продемонстрировали, что программа Гитлера состояла из двух этапов: разрушения старого и создания нового. Цель лежала в отдалённом будущем, и её содержание было сформулировано туманно и неясно. Осенью 1941 года в своих монологах, обращённых к узкому кругу доверенных лиц, Гитлер демонстрирует совсем иной ход мышления: он рассуждает о великих, созидательных задачах и подробнее останавливается на новом порядке, который будет создан после окончательной победы Германии над большевиками.

В монологе, произнесённом в ночь с 11 на 12 июня 1941 года, наиболее отчётливо проявляется тоталитарная позиция, которую Гитлер считал наиболее естественной: «Когда национал-социализм прочно утвердился у власти, невозможно будет представить себе что-либо иное»³⁵⁴. Около года спустя он даёт более детальное описание пути к созданию этого национал-социалистического общества. Нынешняя молодёжь, говорит он, станет «олицетворением национал-социалистической идеи» через десять-двадцать лет, и они «не будут знать иного способа смотреть на мир»³⁵⁵.

В планах Гитлера важное место занимают завоевание огромных территорий на востоке и идеи о том, как эти территории можно использовать. Общая аргументация, изложенная ещё в «Моей борьбе» – что немцы имеют право на территории в силу своего расового и культурного превосходства, – повторяется вновь. Гитлер считал «немыслимым», чтобы «высокоразвитый» народ вынужден был тесниться на слишком малой территории, в то время как «малоразвитые русские массы, не вносящие никакого вклада в культуру, занимали огромные области самой плодородной земли во всём мире». В 1941 году Гитлер ещё расширил аргументацию, подкрепляющую право немцев на завоевания на востоке: их право подкреплялось силой. Они были в силах сделать это, и потому они это делали. Вопрос о правомерности «может решаться только на практике», считал Гитлер. Кто силён, тот и прав³⁵⁶.

Хотя вопрос о соотношении права и силы был чисто эмпирическим, Гитлер попытался закрепить своё понимание вопроса в идее высшего права. Как и в «Моей борьбе», он ссылается на «законы природы». «Право на землю, согласно вечному закону природы, принадлежит тому, кто завоевал ее», – говорит Гитлер в январе 1942 года³⁵⁷.

Наряду с подобными общими рассуждениями интересно проследить, как изменились взгляды Гитлера на устройство совершенно-

го национал-социалистического общества по сравнению со временем написания «Моей борьбы». На востоке империя должна была состоять из богатых земель Польши, Украины, Белоруссии и европейской части России. Эти территории «должны были всегда принадлежать немцам», сказал Гитлер в июле 1941 года, хотя допускал участие и других германских стран, таких, как Нидерланды и Норвегия и даже Швеция, в колонизации новых земель³⁵⁸. Несколько недель спустя его колонизационные планы претерпели некоторые изменения: теперь к колонизации следовало активно привлекать норвежцев, шведов, датчан и нидерландцев³⁵⁹. В середине октября Гитлер говорит о необходимости «европеизации» восточных территорий, что в действительности означает заселение их германскими народами, для начала в количестве двух-трёх миллионов человек, в основном из Германии, но также из Скандинавии, Западной Европы и Америки.

Говорится также о строительстве больших транспортных магистралей вплоть до самого Кавказа на юго-востоке и Крыма на юге и о строительстве при этих магистралях новых городов для колонистов. На прилегающих к городам территориях планировалось разбить фермы. Через триста лет, говорит Гитлер, Украина станет «цветущим садом необыкновенной красоты»³⁶⁰. Южная Украина, и в особенности Крым, должны были стать исключительно немецкой колонией³⁶¹.

Не будет преувеличением сказать, что Гитлер с большим энтузиазмом подошёл к планированию будущей колонизации. «Сколько важные у нас задачи! – завершает он длинную речь, произнесённую в октябре 1941 года. – В ближайшие сто лет нам предстоит проделать невероятную работу!»³⁶²

Особенно Гитлера занимало строительство дорог. Для перевозки различных товаров первостепенное значение имели железные дороги, а для людей – автомобильные. Есть что-то «обезличенное» в железных дорогах, говорил Гитлер. Лишь автомобильные дороги «объединяют людей»³⁶³. «Дороги откроют нам страну», – говорил он в другой раз. В продолжение этих рассуждений он подчёркивал, что немцы должны морально подготовиться к тому, чтобы стать создателями великой империи и колонистами, в том числе «полюбить большие, открытые пространства»³⁶⁴.

Гитлер считал свои колонизационные планы планами распространения цивилизации. «С одной стороны, у нас в Европе есть огромное количество высокоцивилизованных людей, – говорил он в ноябре 1941 года. – С другой стороны, мы имеем тупые народные массы на востоке»³⁶⁵. Цивилизованная Западная Европа против варварской Восточной Европы. Гитлер был не первым немецким деятелем, мыслящим в этом направлении, – в этом он очень напоминает Энгельса. Однако Гитлер делает из этих рассуждений собственные выводы: распространение цивилизации должно происходить путём завоевания варварских территорий цивилизованными народами. Речь идёт о цивилизации земель, но не людей.

Именно поэтому цивилизация подразумевает в первую очередь строительство дорог. Строительство автобанов в гигантских масшта-

бах должно было открыть перспективы не только для колонизации востока, но и для создания новой Европы Гитлера. Подобно тому как строительство автобанов в Германии способствовало устранению внутренних границ, так строительство подобных дорог в восточных колониях и всей Европе должно было привести и к «исчезновению границ между европейскими странами»³⁶⁶.

Масштабы будущей колонизации становятся понятнее, когда Гитлер обращается к описанию своего образца для подражания – британской колонии в Индии. Гитлер утверждал, что Индия составила фундамент британского самосознания. «Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия», – констатировал он³⁶⁷. «Давайте учиться у англичан», – призывал Гитлер в конце июля. Особенно важно было понять и усвоить британскую модель колониальных властей: Гитлер подсчитал, что для управления 400 миллионами индийцев британцам требовалось всего 250 000 человек, из которых лишь 50 000 были солдатами³⁶⁸.

При этом нужно было не забывать учиться и на ошибках британцев. По мнению Гитлера, они допустили одну особенно серьёзную оплошность. Они позволили молодым индийцам получать высшее образование: «Обращаясь с людьми так, как Англия с самого начала обращалась с индийцами, не стоит посылать их в университет, где они могут осознать, что с ними сделали»³⁶⁹.

Это соображение является предпосылкой к важной составной части колониальной стратегии Гитлера. Возвышенные мечтания и фантазии о том, как будут развиваться немцы и другие германские народы на завоёванных огромных территориях, – это хорошо, но что будет с коренным населением этих земель?

Здесь Гитлер обращается к историческим примерам. Нашей единственной задачей является германизация этих земель путём заселения их немцами, говорит он в октябре 1941 года, «и обращение с местным населением как с индейцами». Все знают, что произошло с североамериканскими индейцами. Отношение Гитлера к славянским народам на востоке – русским, украинцам, полякам, белорусам и прочим – выражается следующим отрывком:

«Я не испытываю никаких эмоций по этому поводу. Я считаю себя лишь исполнителем воли истории. Что думают обо мне эти народы, мне глубоко безразлично. Я не понимаю, почему немец, который ест бутерброд, должен думать о том, что земля, на которой вырос этот хлеб, завоёвана мечом. Мы ведь не думаем об индейцах, когда едим канадскую пшеницу»³⁷⁰.

Итак, какая же конкретно судьба ожидала славянских «индейцев», живущих на востоке? Важно заметить, как Гитлер обезчеловечил своё отношение к славянскому населению завоёванных территорий. Славяне будут ненавидеть своих поработителей под влиянием «комплекса собственной неполноценности побеждённых», и их ненависть будет тесно связана с представлением о собственной неполноценности. Но о том, что эта ненависть будет взаимна, речи не идёт. «Ненависть? Нет, нам незнакомо это чувство. Мы действуем исключительно

рационально», – заявляет Гитлер³⁷¹. Отношения между завоёванными и завоевателями не будут обычными отношениями подчинения, сопровождающимися взаимными чувствами отторжения, страха, отвращения и ненависти. Немцы и прочие германские народы должны быть выше подобного рода эмоциональных проявлений. Славян следует воспринимать как бездушные кирпичи, которые можно перемещать и удалять из чисто рациональных соображений и прочих критериев, сообразных с целью.

Иначе говоря, славяне должны просто-напросто получить статус рабов. Славяне – это всего лишь «масса прирождённых рабов, которым требуется господин», говорит Гитлер в сентябре 1941 года. Всё, что им нужно, – это хозяин. В этом смысле большевики оказали нам большую услугу, считал Гитлер: большевистский режим взял на себя роль хозяина всего населения России, и теперь немцам только остаётся занять его место³⁷².

В общих чертах Гитлер определил роль славянского населения уже летом 1941 года. Уже тогда он говорил о необходимости учесть совершённую британцами в Индии ошибку касательно доступа к образованию. В конце июля он говорит: «Величайшей ошибкой было бы позволить местному населению учиться». Достаточно будет научить славян читать дорожные указатели, не более того. Сейчас они безграмотны, считал Гитлер, пусть такими и остаются. Разумеется, им будет позволено жить с минимальным комфортом, но любопытно, как Гитлер объясняет такое решение: «Это в наших собственных интересах»³⁷³.

Проводя различие между разными славянскими народами, Гитлер «предпочитал белорусов украинцам». Впрочем, в общей картине это не имело никакого значения. «У нас нет совершенно никаких обязательств перед этими народами», – говорит Гитлер в октябре. Немцам не следует беспокоиться о гигиенических условиях славян, предоставлять их образовательной системе своих учителей, однако следует ограничивать доступ к газетам и прочим средствам массовой информации. Гитлер придерживался мысли, что немцы должны основать одну всеобщую радиостанцию, которую они могли бы полностью контролировать³⁷⁴.

Прививки и тому подобное славянскому населению не полагались. Вакцинировать их просто смешно, считал Гитлер. Русские, считал он, сами по себе живут не дольше пятидесяти-шестидесяти лет, и нет никакого смысла помогать им увеличить продолжительность жизни. Здесь было необходимо держать подальше от них немецких юристов и врачей. Более того, следовало без ограничения снабжать славян алкоголем и табаком³⁷⁵.

Далее, славяне не должны жить городской жизнью. Существующие на завоёванных территориях города должны были прийти в упадок и исчезнуть. Немцы не должны селиться в них, планировалось построить для них новые города³⁷⁶. Однако Москва заслуживает особого отношения. Город имеет особый символический статус центра большевизма. Следует вывезти оттуда всё, что может представлять ка-

кую-либо ценность, а затем «стереть его с лица земли». Ленинград, который Гитлер предпочитал называть Санкт-Петербургом, по крайней мере «намного красивее Москвы»³⁷⁷.

Что касается политических учреждений, то в отношении славян необходимо «избегать любых форм государственного контроля», чтобы они находились «на как можно более низком уровне культурного развития». Гитлер постоянно повторял, что следует учитывать лишь интересы немецких завоевателей, и конкретные меры должны были определяться исключительно этими интересами. В апреле 1942 года он дал следующую программную установку: «Нужно всегда исходить из того, что в первую очередь задача этих народов – обслуживать нашу экономику»³⁷⁸.

Одним из следствий такого взгляда была идея о том, что славянское население должно существенно уменьшиться в численности. Здесь тоже будет уместным сравнение с североамериканскими индейцами, хотя они и не использовались в качестве бесплатной рабочей силы. При необходимости допускалась физическая ликвидация в миллионных масштабах. В качестве альтернативы предлагалось позволить значительной части славянского населения медленно угасать в условиях плохого здравоохранения и отсутствия гигиены, под воздействием алкоголя и табака – подобно индейцам в американских резервациях. Славяне в глазах Гитлера не имели человеческого достоинства, никакого оправдания своему существованию. Им отводилась роль простых инструментов своих хозяев.

Похожие аргументы относились и к евреям, однако евреи, по мнению Гитлера, отличались от славян: они не годились даже в рабство. Пламенный антисемитизм, проявившийся уже в «Майн кампф», сохранился и в монологах военного периода, если не сказать больше. «В первую очередь необходимо избавиться от евреев», – говорит Гитлер в октябре 1941 года, с прямой отсылкой к событиям в Румынии, выступавшей в войне в качестве союзника Германии. Однако содержащаяся в этой реплике идея вполне применима ко всем восточным землям³⁷⁹.

Несколько дней спустя, говоря о роли евреев в мировой истории, Гитлер поведал своим слушателям, что евреи систематически работают над разрушением «искусства и цивилизации» и «расовой сплочённости» высших наций. К примеру, в Римской империи они воспользовались для этого христианством, а в современной истории таким же инструментом разрушения послужило большевистское движение. Подобные нотки характерны для всей риторики Гитлера, начиная уже с «Майн кампф». Однако с учётом систематической массовой ликвидации евреев во время военных действий осенью 1941 года завершающие слова этой речи приобретают особое звучание: «Избавившись от этой чумы, мы окажем человечеству услугу, о важности которой наши солдаты даже не подозревают»³⁸⁰.

Всего лишь несколько дней спустя, 25 октября, штаб-квартиру посетили Генрих Гиммлер и Рейнхард Гейдрих. Гитлер в своём монологе уделил внимание распространению слухов об ожидавшей евреев участи. Его высказывание по этому поводу весьма характерно: «Это

хорошо, что распространяются слухи о нашем намерении истребить евреев». Очевидно, он имел в виду, что такие слухи создают атмосферу ужаса, с которым встречали немецких захватчиков. Тогда же Гитлер заявил, что считает идею создания отдельного еврейского государства ущербной. Он не заявил прямо, что всех евреев необходимо физически уничтожить, однако сослался на своё выступление в честь годовщины государственного переворота 30 января 1939 года, в котором говорил, что война поспособствует исчезновению евреев из Европы. 25 октября 1941 года он по-прежнему вынашивал идею перемещения всех евреев в болотистую местность (нем. *Morast*) в России. При этом основной целью было исчезновение евреев, а как именно они исчезнут – будут депортированы или ликвидированы, – зависит от обстоятельств. О ценности жизни и человеческом достоинстве в этой связи вообще не упоминается³⁸¹.

Представления Гитлера о евреях сформировались на основе некоторых органических и медицинских предпосылок. Он считал евреев вирусом или бактерией на теле общества. «Сегодня мы ведём битву, подобную той, которую в своё время вели Пастер и Кох», – говорит Гитлер в феврале 1942 года. «Бесчисленное количество болезней возникает из-за одной-единственной бациллы – евреев!», – продолжает он. Открытие, что евреи являются болезнетворным микроорганизмом, являлось, по мнению Гитлера, «одной из величайших революций современного мира». А как мы поступаем с бактериями и вирусами? Мы их уничтожаем. «Мы выздоровеем, когда уничтожим евреев», – заключает Гитлер³⁸².

Если отношение Гитлера к славянам было бесчеловечным, то что же можно сказать о его отношении к евреям?

В этой связи важно отметить, что пламенные речи, которые Гитлер произносил перед избранным кругом в своей штаб-квартире, вполне согласовывались с официальной и практической политикой нацистского режима. Речь не только о геноциде евреев. Глобальные планы по колонизации Польши и европейской части России разрабатывались под руководством Гимmlера в Главном управлении имперской безопасности (нем. *Reichssicherheitshauptamt*). В них сухим бюрократическим языком говорится, что значительная часть славянского населения подлежит истреблению, оставшиеся же должны получить статус рабов. Эти планы держались в строжайшей тайне и известны под общим названием «Генеральный план "Ост"»³⁸³.

Рассуждения Гитлера о судьбе славян и евреев являются ярчайшим примером мышления тоталитарного лидера, который играет в Бога: распоряжается миллионами человеческих жизней, словно в гротескной современной компьютерной игре или кровавом романе. Но в отличие от компьютерных игр и художественной литературы, для Гитлера и его жертв это вовсе не было игрой. Напрашиваются параллели с размышлениями Энгельса 1849 года о славянских народах и том, что ожидает их в будущем. Однако, в отличие от Энгельса, Гитлер не был теоретиком, довольствовавшимся игрой с миллионами жизней лишь на страницах статей, которые всё равно мало кто читает. Его ноч-

ные высказывания 1941 года имели совершенно другие последствия, чем рассуждения Энгельса об «обломках наций» на страницах газет.

ХРИСТИАНСТВО, КОММУНИЗМ И ФАШИЗМ

В рассуждениях Гитлера 1941–1942 годов постоянно всплывают ещё три идеологических течения: христианство, коммунизм и фашизм³⁸⁴. Каждое из них по-разному и в разной степени способствовало оформлению тоталитарной доктрины Гитлера.

В своих монологах Гитлер высказывается против христианства значительно более агрессивно, нежели в публичных выступлениях и печатных работах. Его агрессия направлена не только против католической и протестантской церкви, но и против всего христианства как религиозного учения. Есть все основания думать, что его слова в точности выражают его мысли по этому поводу. Рассуждения Гитлера о христианстве интересны и потому, что дают общее представление о взаимоотношениях национал-социализма и религии как таковой.

В октябре 1941 года Гитлер, к примеру, говорил, что христианство – это «бунт против законов природы, протест против природы». Последовательно исповедуемое христианство означало для него «поклонение неполноценности»³⁸⁵.

Ещё одну характерную цитату можно извлечь из его выступления перед специально приглашенной избранной публикой, среди которой находились, в частности, Йозеф Геббельс, Альфред Розенберг, Иоахим фон Риббентроп и Йозеф Тербовен: «Христианство же стремится заставить уверовать нас в «чудо преображения», ничего более нелепого человеческого мозг в своем безумии и выдумать не мог; чистейшей воды издевательство над любым божественным началом. Да негр с его фетишем в тысячу раз выше того, кто верит в чудесное преображение»³⁸⁶.

Тогда же Гитлер заявил, что скорее ислам заставит его вперить взор в небо, так «пресно и скучно на христианских небесах».

Причём главным злодеем всего христианства является вовсе не Иисус, бывший, к слову, «арийцем»*, но Павел, который, согласно Гитлеру, переименовал христианство по еврейскому образцу и разрушил Римскую империю и всю античную культуру в целом³⁸⁷. Иисус, по мнению Гитлера, стремился «освободить свой дух от еврейского ига». Он боролся против «еврейского капитализма», и «поэтому евреи убили его»³⁸⁸.

В июле 1941 года Гитлер заявил своим слушателям, что «христианство было самым тяжёлым ударом из всех нанесённых человечеству». Далее он сообщил, что «большевизм является внебрачным ре-

* «... немисливо поднимать в таких случаях вопрос расы и разыскивать, какая кровь текла в жилах того, кто наиболее содействовал уничтожению кровных отличий в человечестве» (Э. Ренан. жизнь Иисуса. М.: Изд-во политической лит-ры. 1991. С. 81). –

Примеч. ред.

бёнком христианства», так как «оба изобретены евреями». К этому он добавил, спорное утверждение, что «без христианства не было бы и ислама». В этом случае Римская империя, «под влиянием германцев», достигла бы со временем мирового господства. И тогда «человечество не было бы отброшено на полторы тысячи лет назад в своём развитии»³⁸⁹. В другой беседе Гитлер выражает недовольство переводческой деятельностью Лютера: «Это просто несчастье, что Библия была переведена на немецкий язык и все это еврейское шарлатанство и крючкотворство стало доступным народу».

Далее Гитлер утверждает, что христианство намного хуже всех остальных мировых религий: «И особенно злит то, что – когда в других частях света такие религиозные учения, как конфуцианство, буддизм и мусульманство, бесспорно, представляли прочную духовную основу для верующих – немцы попались на удочку теологии, которая воистину лишена какой бы то ни было глубины»³⁹⁰.

Какую же судьбу уготовил Гитлер христианству и различным его направлениям? В узком кругу доверенных лиц Гитлер озвучил принципы практической политики своего режима. «Я не думаю, что сейчас имеет смысл направлять все силы на борьбу с церквями», – говорит он в октябре 1941 года в присутствии Гиммлера. Лучше всего, продолжает он, было бы «дать христианству умереть естественной смертью».

Эти соображения являются частью довольно длинного размышления, в котором Гитлер, в частности, оценивает возможность заключения официального конкордата с церквями по образцу конкордата, заключённого Муссолини с католической церковью. Гитлер приходит к выводу, что в его случае это не имеет смысла по нескольким причинам. Во-первых, такой конкордат означал бы, что национал-социалистическое государство официально признаёт существование некой посторонней власти. Во-вторых, это был принципиальный идеологический вопрос. В случае конкордата государство было бы связано соглашением с институтом, основанным на «обмане и лжи», и такой компромисс мог бы повредить ему в долгосрочной перспективе³⁹¹. Он не хотел повторять ошибки Муссолини.

Гитлер видел следующий выход из ситуации: людям следует предоставить право на свою «частную веру», в том числе и на «суеверия». Однако нельзя допустить, чтобы национал-социалистическая партия вступала в конкуренцию с церквями. Нужно запретить церкви вмешиваться в дела общества и проповедовать идеи, противоречащие национал-социалистическому учению. Детей следует с первых лет жизни воспитывать в духе национал-социализма, чтобы они не подвергались вредному влиянию христианской религии (равно как и прочих возможных конкурентов в деле духовного наставничества). В будущем молодёжь будет верить только истине, заключает Гитлер, – под «истиной» в этом случае понимается национал-социализм³⁹².

Исходя из сказанного, можно предположить, что в новом национал-социалистическом обществе церкви придётся нелегко, в том числе и потому, что лишь само национал-социалистическое движение будет вправе решать, какие церковные догматы ему противоречат, а

какие нет. Вдобавок Гитлер при всяком удобном случае подчёркивал, что следует где только возможно создавать препятствия для церкви: После войны он планировал принять «меры, которые очень сильно помешают католической церкви привлечь на свою сторону молодое поколение», – говорил он в апреле 1942 года³⁹³.

Чего Гитлеру точно не стоило делать – это следовать примеру Франко в Испании. «Испанской католической церкви нечем больше заняться, кроме католиков в нашей собственной стране, или, раз уж на то пошло, в других странах», говорит Гитлер в июне 1942 года. – Однако режим фалангистов совершил непростительную ошибку, включив церковь непосредственно в аппарат государственной власти. По мнению Гитлера, это неизбежно должно было привести к конфликтам: «Испанцам, возможно, уже очень скоро своей кровью придется платить за то, что Франко признал за церковью власть в государстве и в отличие от Италии и Германии революции в подлинно национальных масштабах здесь, к сожалению, не получилось»³⁹⁴.

Возмущение Гитлера испанской католической церковью было столь сильно, что он всерьёз размышлял над проблемой вмешательства Германии в гражданскую войну в Испании. «Если бы не опасность распространения большевизма по всей Европе, я бы не стал препятствовать революции в Испании, – говорит он в феврале 1942 года, указывая на очевидные преимущества успеха социалистической революции в Испании: – Там бы истребили всех попов»³⁹⁵.

Однако, отвергая христианство, Гитлер не отвергал тем самым религиозного чувства как такового. Даже если христианство исчезнет, говорит Гитлер в октябре 1941 года, это не означает, что исчезнет всякая вера в божественное и всякие религиозные представления. Этого и не требуется. Метафизическое представление о божественной силе могло и должно было продолжать существование в качестве важного собирательного понятия для всего, что было недоступно пониманию обывателей.

Помимо христианства, в будущем совершенном обществе национал-социалистов не должно было остаться места для ещё двух связанных с религией вещей. «Мне кажется, было бы невероятной глупостью возродить культ Одина», – сказал Гитлер 14 октября 1941 года. Одним из почитателей этого культа был, в частности, Гиммлер; рейхсфюрер СС принадлежал к той части национал-социалистического движения, которой была не чужда подобная идея, и высказывание Гитлера явно адресовано в том числе и ему.

Второе было не менее важно. «Если у кого-то возникают метафизические потребности, я не могу удовлетворить их партийной программой», – заявлял Гитлер. Тем самым он обозначил свою позицию в вопросе отношений между национал-социализмом и религией. Говоря прямо, этим высказыванием он отрицает возможность придания национал-социализму статуса религии или её заместителя. «Партия не должна заменить церковь, – утверждал он, добавляя: Я не хочу, чтобы мы вступали в области, принадлежащие церкви, и превратились в своего рода религиозный культ. Эта мысль мне неприятна, и

я не хотел бы жить, если бы в один прекрасный день мне пришлось проснуться Буддой!»³⁹⁶

Такой взгляд на взаимоотношения церкви и официальной идеологии, конечно, не подталкивал национал-социалистов к насильственному уничтожению церкви как института. «Если мы сделаем это, людям всё равно потребуется какая-то замена религии, – считал Гитлер. – И тогда место религии придётся занять национал-социализму, хотим мы того или нет»³⁹⁷. А мы этого не хотим, поэтому лучше предоставить церкви и христианству медленно хиреть и умереть своей смертью.

Постепенно вытеснить христианство из человеческого сознания должно было национал-социалистическое мировоззрение. Однако Гитлер также подчёркивал, и это довольно неожиданно, другой аспект духовной борьбы против религии и суеверий: он возлагал в этом смысле большие надежды на науку, рациональное мышление и логику. «Именно поэтому церковь должна пойти ко дну, – говорил он Гиммлеру и другим соратникам в октябре 1941 года: Наука непременно победит!»³⁹⁸

В своих рассуждениях на эту тему Гитлер достиг особых риторических высот в сентябре 1941 года, заявив в очередной раз, что национал-социализм ни в коем случае не должен пытаться подражать религии и превращаться в религиозный культ. Вместо этого, считал он, национал-социализм должен стремиться «создать научную теорию, которая есть не что иное, как религия для разума»³⁹⁹.

Разумеется, Гитлер понимал науку, рациональность и разум несколько специфически, в рамках своего национал-социалистического мировоззрения. К примеру, порабощение и массовые ликвидации славян казались ему «в высшей степени рациональными». И всё же нельзя не отметить, что он воспринимал религию и суеверия, с одной стороны, и науку и разум, с другой, как противоположные полюса риторической и реальной шкалы. «Христианские догмы будут вдребезги разбиты наукой», – заявлял он, вслед за рационалистами и философами Просвещения. Также и в некоторых других своих высказываниях он напоминает члена Гуманистического и этического союза*: «У церкви вековой конфликт с наукой. <...> Ныне в 10.00 на уроке закона божьего к детям обращаются со словами из Библии, излагая историю сотворения мира, а в 11.00 на уроке природоведения им начинают рассказывать историю эволюции. Но они же полностью противоречат друг другу»⁴⁰⁰.

Такой взгляд на отношения между наукой и религией отчасти стал причиной того, что Гитлер не последовал примеру Муссолини в том, что касается заключения конкордата с церковью. Невозможно было сообщить церкви и христианству легитимность на государствен-

* Норв. *Human-Etisk Forbund*. Организация, занимающаяся развитием и пропагандой скандинавского философского течения гуманистической этики (или гуманэтики), основанного на работах норвежского философа Кристиана Хорна и датского философа Харальда Хёфдинга и заимствующего основные идеи из философии эмпиризма и утилитаризма. – (Примеч. пер.).

ном уровне, учитывая, что в остальном национал-социалистическое государство основывало свою деятельность на том, что Гитлер называл «чистой наукой»⁴⁰¹. Что бы он ни имел в виду в своей риторике, совершенно очевидно, что в споре науки и религии он отдавал предпочтение науке. По его мнению, и он сам, и национал-социалистическое движение представляли собой науку.

В представлениях Гитлера иудаизм, христианство и коммунизм были неразрывно связаны между собой. Христианство, как его понимал апостол Павел, было слегка замаскированным иудаизмом, разрушившим Римскую империю. Та деструктивная деятельность, которая некогда совершалась именем христианства, теперь продолжалась «именем большевизма»⁴⁰².

Чтобы проиллюстрировать связь между прошлым и настоящим, между христианством, иудаизмом и большевизмом, Гитлер приводил в пример несколько известных пожаров и, в частности, принимал участие в дискуссии о виновниках пожара в рейхстаге в феврале 1933 года: «Я совершенно уверен, что не Нерон сжёг Рим, это сделали христиане-большевики – так же, как они сожгли Париж во время коммуны 1871 года и рейхстаг в 1933-м»⁴⁰³.

В конце лета–осенью 1941 года Гитлер был убеждён, что коммунизм разбит раз и навсегда и осталось только убрать мусор. После первого военного поражения под Москвой его настроение претерпело некоторые изменения. По крайней мере, в феврале 1942 года Гитлер позволял себе играть с мыслью о том, что могло бы случиться, если бы большевики победили. Единственное, что может быть хуже, чем власть христианства над человеческим сознанием, говорил он, «это победа евреев в лице большевизма. Если бы большевизм победил, человечество утратило бы способность смеяться и превратилось бы в серую массу, живущую в нищете и заботах»⁴⁰⁴.

Хотя Гитлер не считал славян и евреев людьми, заслуживающими какого бы то ни было человеческого отношения, на своих противников-коммунистов он смотрел несколько иначе. В отдельные моменты, когда он был достаточно уверен в своей победе, он мог даже проявить великодушие. В конце декабря 1941 года он заявил, что не годится, чтобы человек «умирал с голоду только потому, что он был моим противником». Это касалось, в частности, известных в прошлом немецких социалистов и коммунистов. Так, Гитлер упоминает бывшего лидера германской коммунистической партии Эрнста Тельмана, с которым «достойно обращаются в концлагере: у него там даже есть свой маленький домик». Ещё более достойно, по словам Гитлера, он обошёлся с другим бывшим лидером коммунистов, Эрнстом Торглером: «Торглера выпустили на свободу. Он сейчас в Германии, работает над книгой о социализме XIX века. Я убеждён, что он организовал пожар в рейхстаге, но не могу ничего доказать. Я не испытываю к нему личной неприязни»⁴⁰⁵.

Даже о своём заклятом враге Сталине он отзывался неоднозначно, в некоторых формулировках сквозит искреннее восхище-

ние. «И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением, – говорил Гитлер в июле 1942 года. – В своем роде он просто гениальный тип!»⁴⁰⁶

«С одной стороны, Сталин – чудовище, но с другой стороны, он гигант», – сказал он месяц спустя⁴⁰⁷. «Он чудовище, но чудовище большого формата», – повторяет он в другой раз. Вне всяких сомнений, в подобных формулировках сквозит восхищение: «Он использовал евреев, чтобы уничтожить интеллигенцию на Украине. А затем он отправил всех евреев в Сибирь по железной дороге»⁴⁰⁸.

В январе 1942 года Гитлер предположил, что Сталин относится к коммунизму чисто утилитарно: «Сталин утверждает, что он привёл большевиков к победе. В действительности он отождествляет себя только с Россией, продолжая традиции царского панславизма. Для него большевики – только средство, прикрытие, чтобы обмануть германские и романские народы»⁴⁰⁹.

Любопытно также, что в рассуждениях Гитлера о Сталине отражается его восприятие коммунизма. «Сталин – потрясающая личность, – говорит он в августе 1942 года. – Но когда он называет Советский Союз социалистическим государством, он лукавит! Это капиталистическое государство»⁴¹⁰.

Третье идейное течение, сильно занимавшее Гитлера, – это фашизм. В отличие от коммунизма и христианства, это было дружественное идеологическое движение. Муссолини был союзником Гитлера, и Гитлер в «Майн кампф» открыто признавал своё восхищение и свой долг перед Муссолини. Однако идеологические отношения между национал-социализмом и фашизмом не были лишены духа соперничества, что отчётливо проявляется в теоретических возражениях Розенберга против термина «тотальное государство». Вдобавок Италия не оказала Германии ощутимой поддержки в военных действиях.

Учитывая два этих момента – особенно последний, – удивительно, насколько верен оставался Гитлер своему восхищению Муссолини в 1941–1942 годах. Если бы не Муссолини, считал Гитлер, Италия стала бы большевистской страной. Уже одно это обеспечило итальянскому вождю место в истории⁴¹¹. Но Муссолини заслуживает уважения и в том, что касается конструктивной части фашистской идеологии. Гитлер считал, что Муссолини «как государственному деятелю некому было подражать»⁴¹². Фашизм пробил себе путь к власти суровой борьбой и «героическим мужеством», которое «согревало сердце» Гитлера каждый раз, когда он думал об этом⁴¹³.

Вообще, итальянский фашизм по-прежнему оставался примером для подражания. Но он вызывал не только восхищение: у фашизма Муссолини имелись и слабости. В конце сентября 1941 года Гитлер перечислил его основные проблемы: «Дуче переживает трудности, поскольку его армия сохраняет роялистский настрой, поскольку международная штаб-квартира Ватикана находится в Риме и поскольку государство, в отличие от народа, является фашистским только наполовину»⁴¹⁴.

Другими словами, фашизм пошёл на компромиссы не только с церковью, но и с монархией, монархической, нефашистской военной элитой, а также с прочими нефашистскими государственными учреждениями. Фашизму просто-напросто не хватало тоталитарной власти над итальянским обществом. «Разница между Италией и нами состоит в том, что дуче не стал в своём государстве единовластным диктатором», – сказал Гитлер летом 1942 года. Вследствие этого в государстве имелись силы, которые могли противостоять решениям Муссолини и саботировать их⁴¹⁵. Больше всего раздражал Гитлера итальянский королевский дом. Весной 1942 года он говорил, что ему невыносимо «видеть дуче на вторых ролях, когда он с ним встречается где-нибудь в Италии и весь итальянский двор тоже торчит там»⁴¹⁶. Однако главная проблема состояла в том, что армия, в сущности, подчинялась королю. Вывод был прост: «Если законодательная и исполнительная власть в государстве не сосредоточены в руках одного человека, это неизбежно вызовет массу трудностей»⁴¹⁷.

Размышляя о возможных вариантах развития событий в Италии, Гитлер возвращается к мысли, уже высказанной им в «Моей борьбе». Конечно, борьба фашизма за власть и его приход к власти оставались образцом для подражания. «Но, возможно, дуче слишком рано провёл свою революцию», – предполагает Гитлер. Если бы он подождал хотя бы год, «красные развалили бы королевский двор», и Муссолини стал бы главой государства, не обязанным отчитываться ни перед каким королём. Другими словами, ему было бы на руку, если бы коммунисты сделали за него всю чёрную работу по разрушению существующего порядка, в данном случае монархического. Вместе с монархией они заодно уничтожили бы и весь аристократический «сбород»⁴¹⁸. Таким образом коммунисты невольно расчистили бы дорогу фашизму.

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

Учитывая подобные взгляды на сопернические и дружественные идеологические течения, какой же видел Гитлер будущую национал-социалистическую империю?

В этой империи славяне должны были сильно уменьшиться в численности и превратиться в рабов, а евреи должны были совсем исчезнуть. Сверх того Гитлер довольно уклончив в своих формулировках. Однако в монологах 1941–1942 годов он всё же несколько приоткрывает слушателям свои представления об устройстве будущего совершенного общества. В частности, он говорит о роли и задачах фюрера, отношениях между обществом и индивидом, между партией и государством, бюрократическом аппарате, экономической политике и социальной мобильности. Мы находим также поразительно подробные пассажи о форме государственного правления и некоторых моментах, которым Гитлер придавал особое значение, – например, о питании в национал-социалистической империи. Всё это даёт представление о тоталитарных элементах национал-социалистической идеологии.

Говоря в одной из речей о собственной роли, Гитлер сформулировал самые важные, с его точки зрения, пункты. Во-первых, речь шла о победе «расовых идей» как жизненно важного фундамента для всего остального – в мире, который предал эти идеи забвению или же отнесился к ним критически. Далее, он превратил культуру в основу немецкого могущества и господства. Вообще говоря, «та власть, которой мы обладаем сейчас», считал Гитлер, может быть оправдана только тем, что мы «создаём и развиваем культурные шедевры».

Это было сказано в октябре 1941 года, на пике могущества Гитлера. Подобные высказывания имеют несколько иную тональность, нежели циничные социал-дарвинистские рассуждения о праве сильного. И они отличаются от озвученных в «Моей борьбе» мыслей о том, что первым делом необходимо уничтожить существующий порядок. Теперь Гитлер подчёркивает, что он стремится к созиданию: «Я хочу быть строителем»⁴¹⁹.

Идеальное общество Гитлера должно было быть основано на расовых идеях, и каждый член этого общества должен был полностью осознавать, что «он живет и умирает во имя сохранения своей расы»⁴²⁰. В подобном обществе отдельно взятый индивид не играет практически никакой роли. «Нельзя так высоко ценить жизнь индивида», – говорит Гитлер в декабре 1941 года. Если бы каждый индивид имел столь большую ценность в глазах природы, аргументирует он, то природа приложила бы больше усилий, чтобы защитить его⁴²¹. Подобный аргумент вполне можно применить к политике и культуре. Гитлер утверждает, что «показателем высокого уровня культуры является отнюдь не личная свобода, но ограничение личной свободы организацией, охватывающей как можно больше индивидуумов, принадлежащих к одной расе»⁴²².

Далее Гитлер говорит о том, что обществом необходимо управлять. Особенно важно это на ранней, революционной стадии.

Национал-социализм должен был быть революционным движением, однако необходимо было полностью контролировать революционный процесс. «Вечная заслуга национал-социалистического движения состоит в том, что ему удалось остановить революционный процесс в нужный момент», – заявил Гитлер в феврале 1942 года. Его очень беспокоило то, что революции в любой момент могут пойти по непредвиденному сценарию и остановить вышедшие из-под контроля «массы» нет никакой возможности⁴²³.

Но и после окончательной победы необходимы будут политические учреждения, чтобы направлять, воспитывать и организовывать общество. В этом вопросе национал-социализм расходится с итальянским фашизмом. Согласно идеологии фашизма, тотальное государство должно стоять превыше всего и выполнять основные организационные функции. Национализм смотрел на это иначе. Как мы уже упоминали, Альфред Розенберг подверг понятие тотального государства резкой критике. Гитлер тоже избегал пользоваться этим понятием. Для него государство было всего лишь инструментом национал-социалистического движения, партии. Важной составляющей для него

была статичность государства. В области юриспруденции он, к примеру, не поддерживал строгую кодификацию законов. Если вместо этого сформировать элитарный круг судей, выбранных согласно расовым критериям, то эти судьи могли бы сформулировать общие рекомендации, которыми мог бы пользоваться каждый судья и юрист⁴²⁴.

Ещё одна проблема состояла в том, что бюрократический аппарат обычно набирает в свои ряды людей средних способностей. Государство «было и остаётся», по мнению Гитлера, «иждивенческим механизмом». Партия же должна идти другим путём. В ней не должно существовать автоматических механизмов повышения и поощрения. Люди, которые не доросли до выполнения своих задач, должны устраняться немедленно. Благодаря этому партия целиком состояла бы из «наиболее деятельных и решительных». Пока партия следует этим принципам, считал Гитлер, «она всегда будет стоять выше государства»⁴²⁵.

Что любопытно, Гитлер был противником идеи централизованного, единого государства (нем. *Einheitsstaat*). Во всяком случае, следовало уйти от традиционного для Германии громоздкого бюрократического аппарата. И здесь в качестве образца для подражания снова привлекаются британские колониальные власти в Индии, где, согласно Гитлеру, 145 тысяч человек правили 150 миллионами. «Нам потребовалось бы Х миллионов чиновников»^{*} – считал Гитлер, отталкиваясь от традиций немецкой государственности. Что касается негативных примеров, Гитлер упоминает Францию, где было создано идеальное государство для юристов, не дававшее при этом рядовым французам никакого самоуправления (нем. *Selbstverwaltung*)⁴²⁶. Так что и в этом отношении национал-социализм был революционным движением. Он стремился создать нечто совершенно иное, нежели традиционный немецкий и прусский бюрократический аппарат. Гитлер планировал провести в стране масштабную административную реформу⁴²⁷.

Его неприязнь к бюрократии отчасти проистекала из личных склонностей. В приступе рассудительности и самоанализа в конце декабря 1941 года Гитлер признаёт, что не является выдающимся администратором. Однако он добавляет, что старается окружать себя людьми, владеющими этим искусством⁴²⁸. Однако дело было не только в личной неприязни к бюрократии: гораздо важнее, что национал-социалистическое общество должно быть органичным и динамичным. Его развитие не должно ограничиваться и сдерживаться жёсткими рамками государственного аппарата.

Вместе с тем необходимо было избежать превращения партии и государства в совершенно независимые системы. «Руководство народом и руководство государством должны осуществляться одним человеком», – утверждал Гитлер⁴²⁹. Даже после смерти Гитлера правитель национал-социалистической империи должен был носить титул «фюрера», хотя в некоторых контекстах это могло звучать несколько странно: «Рядом с фюрером его адъютант оберфюрер имярек»⁴³⁰.

^{*} На с. 106 автор приводит другие цифры. – *Примеч. ред.*

Что касается формы правления в национал-социалистической империи, Гитлер не вдавался в детали. Главным принципом была верховная власть фюрера. Помимо этой идеи о решающей роли фюрера, его мысли о конкретном политическом устройстве будущего государства были расплывчатыми и нечёткими. Впрочем, время от времени Гитлер высказывался о форме правления достаточно определённо.

Необходимо лишь одно, один главный принцип, определяющий форму правления: позаботиться о том, чтобы государством управлял «лучший». Однако, с другой стороны, в этом заключалась «труднейшая проблема». Гитлер, разумеется, отвергал идею престолонаследия в государственном управлении – этот монархический принцип был «неверен с биологической точки зрения». Но и республиканское всеобщее право голоса было ничуть не лучше: здесь можно было, по мнению Гитлера, купить себе победу деньгами и грамотной рекламой. При такой форме правления со временем образовывались сильные группировки, правившие государством через своих марионеток, избранных народом. Единственным преимуществом республики по сравнению с монархией была более низкая вероятность того, что место главы государства займёт «полный идиот».

Гитлер нашёл два исторических примера, которые более или менее годились в качестве образцов для подражания. Первым примером был Ватикан – несмотря даже на «совершенно безумную идейную основу». Другим примером была Венецианская республика⁴³¹. Также Гитлер считал выборы императора в Священной Римской империи германской нации «идеальной формой организации верховной власти»⁴³². С учётом таких ориентиров в конце марта 1942 года он сообщил, что пришёл к следующим выводам по поводу формы правления в будущей национал-социалистической империи: империей должен править избранный фюрер, и он должен обладать «всей полнотой власти». Кроме того, должно существовать некое собрание, представляющее народ. Это собрание должно поддерживать главу государства, но оно также должно иметь право «в случае необходимости вмешиваться в государственные дела». Глава государства избирается не народом, и даже не выборным собранием, но «сенатом». Членство в сенате «связано с занятием ряда высших должностей, а значит, иногда происходят замены». Все должны понимать, что на роль фюрера необходимо выбрать лучшего. Выборы главы государства должны происходить на закрытом заседании, как выборы Папы римского⁴³³.

Здесь мы отметим, что Гитлер, несмотря на своё критическое отношение к фашистской теории государства, заимствует у фашистов по крайней мере одну важную идею: идею о корпоративном занятии мест в «сенате», члены которого должны представлять различные профессии.

Далее, нельзя не отметить тот достаточно курьёзный момент, что Гитлер настаивает на «необходимости четкого отделения законодательной власти от исполнительной»⁴³⁴. Учитывая, что фюрер должен был обладать «всей полнотой власти», не совсем понятно, как могло бы реализоваться такое разделение. Не менее курьёзно звучит это за-

явление и с учётом неприязни Гитлера к бюрократическим аппаратам и строгой кодификации законов. Или с учётом его глубокой убеждённости, что государство должно полностью находиться под контролем национал-социалистического движения.

Прежде всего рассуждения Гитлера о государстве, его роли в обществе и его формальной организации, функциях и форме правления говорят нам следующее: в представлениях Гитлера о будущем устройстве национал-социалистического тоталитарного общества государство не играет особенно важной роли. Бюрократический аппарат был необходимым злом, которое необходимо свести к минимуму. Всякие формальности только мешают динамическому развитию. Утопия Гитлера не является утопией без государства, но и не является фашистской утопией тотальной государственности.

Важным элементом устройства национал-социалистического общества является социальная мобильность. В мировоззрении Гитлера это означает, что лучшие или, другими словами, наиболее способные должны иметь возможность добиться успеха; а также то, что те, кто лишён способностей, должны без всякого сострадания удаляться и смещаться. Мы уже упоминали об этом в связи с отношением Гитлера к бюрократическому аппарату.

Однако наивысшим критерием для Гитлера был расовый критерий. Он неоднократно выражал эту мысль в высказываниях следующего рода: «при условии соответствия расовым требованиям». Но гораздо чаще это лишь подразумевается. Возможно, подчёркивать это тривиально, однако весьма важно помнить об этом расовом критерии каждый раз, когда мы рассматриваем какие-то социальные и политические идеи Гитлера, кажущиеся относительно нормальными. Процитированный в этом абзаце отрывок следует понимать в том ключе, что неважно, откуда родом житель будущей национал-социалистической империи – из Австрии или из Норвегии, лишь бы он удовлетворял расовому критерию⁴³⁵.

Что касается социальной мобильности, Гитлер придерживался следующих двух принципов: что «вся одарённая молодёжь» должна получать образование за счёт государства и что «все двери должны быть открыты для одарённых людей». Он противопоставлял эти принципы традиционным социальным структурам, с которыми ему самому пришлось иметь дело при правлении Габсбургов⁴³⁶.

Для Гитлера это было необыкновенно важно. Принцип, согласно которому положение человека в обществе определялось не его рождением и личными связями, а исключительно его талантами, должен был, по его мнению, способствовать установлению социальной гармонии. Национал-социализм, по мнению Гитлера, был «терпимым» в силу того, что не считал профессию критерием, определяющим «гражданскую оценку» (нем. *bürgerliche Wertung*). Традиционные классовые и социальные предрассудки не должны выжить в обществе, подобном национал-социалистическому, где сделается очевидно, из каких «одарённых людей» состоит пролетариат. Никто не будет лучше других, при условии, что каждый усердно трудится на благо общества – и, разу-

меется, удовлетворяет расовым критериям. В этом расовом обществе будет действовать принцип меритократии⁴³⁷.

Одной из главных задач национал-социализма было, таким образом, устранение традиционных социальных различий. Отмена социального неравенства была мерилом успеха проведённой революции, заявил Гитлер в мае 1942 года⁴³⁸.

С идеей социальной мобильности были непосредственно связаны представления о современном массовом промышленном производстве. В этом Гитлер готов был брать пример с Генри Форда. Именно «книги Форда открыли мне глаза», заявлял Гитлер. В частности, он признавал, что США превосходили Германию в деле массового производства, «они производят столько же, сколько и мы, имея в три раза меньше рабочей силы». И это признание вовсе не было невольным. Он буквально преклоняется перед современной промышленностью США, сравнивая её с немецкой: «У нас всегда говорили о немецком квалифицированном труде (нем. *Werkmannsarbeit*. – Э.С.). Мы всегда стремились убедить себя в том, что нам удаётся создавать нечто необыкновенное. Но это всего лишь блеф. Гигантская современная машина производит продукцию с точностью, недостижимой на мануфактурах»⁴³⁹.

Гитлер заимствовал у американцев идеи стандартизации и массового производства, необходимые для обеспечения немецкого народа дешёвой продукцией. Более того: эти идеи должны были дать «широким массам» лучшую жизнь. Гитлер мечтал, что «массы» получат доступ к таким товарам, как «дешёвое радио» и «народная пишущая машинка»⁴⁴⁰. И конечно, дешёвые автомобили: то, что уже удалось Генри Форду в США, для Гитлера по-прежнему оставалось важной целью⁴⁴¹.

Генри Форд пользовался огромным уважением Гитлера ещё и по другой – возможно, не менее важной – причине: он был ярким антисемитом⁴⁴². Впрочем, вся современная американская технологическая и экономическая модель с массовым промышленным производством и стандартизацией была предметом зависти Гитлера. Немцам есть чему поучиться у США «в экономическом плане», признался он в апреле 1942 года⁴⁴³.

Однако его восхищение перед США распространялось лишь на некоторые области. Так, Гитлер считал американскую структуру общества весьма далёкой от совершенства. «Я испытываю глубочайшую форму ненависти и отвращения по отношению к американизму», – заявил он как-то раз. По его мнению, над американским обществом тяготели расовые проблемы и социальное неравенство, оно было «наполовину еврейским, наполовину негритянским», и Гитлер прочил ему скорый и заслуженный конец⁴⁴⁴.

Также Гитлер был не в восторге от других сторон американской экономики, которую он считал полностью капиталистической. Высшим экономическим идеалом и образцом для национал-социалистической империи была автаркия – самодостаточная экономическая система. Такая система была идеалом не только национал-социалистов,

однако Гитлер применил её по-своему. Он проникся идеей полного экономического самообеспечения национал-социалистической империи достаточно рано⁴⁴⁵. Уже в сентябре 1941 года он с гордостью заявлял, что «Германия является единственной в мире страной, где нет безработицы, поскольку мы не зависим от экспорта на международный рынок»⁴⁴⁶.

Месяц спустя Гитлер заявил, что достижение экономической автаркии будет первоочередной задачей после завершения войны. Он убеждал свою аудиторию, что нельзя вновь допускать ошибку, совершённую Германией до и после Первой мировой войны, а именно – забывать, что лучшая экономика должна быть замкнутой⁴⁴⁷. В этом вопросе Гитлер не проявлял ложной скромности. Его «простые и естественные» идеи по поводу экономики были, по его мнению, гораздо выше теорий учёных-экономистов, облакающих свои незначительные темы и ущербные мысли в «малопонятные термины и сложные рассуждения». Разумеется, в первую очередь это касалось учёных-экономистов Веймарской республики⁴⁴⁸.

По мнению Гитлера, экономика должна была строго регулироваться и полностью контролироваться государством. Впрочем, он настаивал на сохранении «личной собственности», хотя право частной собственности должно было реализовываться иначе, нежели при капитализме. К примеру, формы анонимного владения, такие, как акционерные общества, должны были исчезнуть. Никто не должен был получать прибыль от простого инвестирования средств. Лишь таким образом, считал Гитлер, те, кто создаёт ценности – инженеры и рабочие, – смогут пожать плоды своего труда⁴⁴⁹.

Хотя идеи Гитлера о массовом производстве и технологиях и можно назвать передовыми, нельзя сказать того же о его взглядах на семью и роль женщин в обществе. «По сравнению с миром женщины мир мужчины гораздо больше, – заявил Гитлер в марте 1942 года. – Мужчина весь во власти долга и лишь иногда возвращается в мыслях к женщине». Мир женщины же ограничивается мужчиной, что и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что даёт ей возможность испытать глубокую и искреннюю любовь в качестве матери и жены. Плохо потому, что вследствие этого в отношении женщин не приходится говорить об интеллекте⁴⁵⁰.

Отношение Гитлера к браку и семейной политике государства тоже было не вполне традиционным. Главной задачей женщин было рождение и воспитание детей, но Гитлер понимал это в духе расовой и коллективистской парадигмы мышления. С его точки зрения, вовсе не было обязательным, чтобы дети рождались в традиционной семье. Главное, чтобы рождалось достаточное количество детей, удовлетворяющих расовым критериям. Поэтому Гитлер заявлял, что он гораздо больше уважает молодую мать-одиночку, нежели старую деву, и рассчитывает на скорое исчезновение предрассудков по поводу детей, рождённых вне брака, потому что и в этой области «природа берёт своё»⁴⁵¹.

Были у Гитлера и другие идеи об устройстве будущего национал-социалистического общества. В частности, он возлагал большие надежды на Берлин, который должен был превратиться в общепризнанную мировую столицу и называться Германией⁴⁵². Кроме того, он хотел распространять вегетарианские принципы питания. Сам Гитлер был последовательным и строгим вегетарианцем начиная с 1932 года. Он считал, что есть мясо вредно для здоровья и что именно этой пагубной привычкой объясняются различные проблемы, от плохих зубов до онкологии⁴⁵³. Он испытывал большой энтузиазм и оптимизм по поводу распространения вегетарианства. «Я могу сказать мясоедам только одно, – заявил он в ноябре 1941 года, – новый мир будет вегетарианским!»⁴⁵⁴

Также Гитлер уделял значительное внимание рассуждениям о размерах и протяжённости новой империи. Какую же территорию она должна была занимать? Эта империя германской расы должна была охватывать территорию самой Германии и других германских государств на севере и северо-западе Европы. Кроме того, предполагалось создать огромные колонии на европейской части Советского Союза. Но что же со всем остальным миром?

Простого и однозначного ответа на этот вопрос Гитлер не даёт ни в своих монологах 1941–1942 годов, ни в других источниках. Очевидно, что германская империя должна занять по крайней мере всю территорию Европы, что подтверждается высказываниями о том, что экономическая автаркия должна быть общеевропейской и не ограничиваться германскими территориями⁴⁵⁵.

Что касается глобальных амбиций национал-социализма, было бы довольно затруднительно обозначить границы его захватнических планов. Однако в этой связи важно прояснить один вопрос, а именно вопрос о том, планирует ли национал-социализм осуществлять идеологическую экспансию.

Ответ Гитлера на этот вопрос был однозначно отрицательным. В мае 1942 года он резко высказывался против «всех попыток экспорта национал-социалистского мировоззрения»⁴⁵⁶. Речь, очевидно, идёт о попытках распространения национал-социалистической идеологии за пределы германской расы. По крайней мере, Гитлер неоднократно подчёркивал, что национал-социализм не подходит для таких стран, как, например, Франция⁴⁵⁷. Он считал также ошибочной с точки зрения расовой теории идею германизировать французов: единственное, что можно сделать, – это спасти «лиц германской крови» из-под власти французской элиты⁴⁵⁸. Национал-социализм как идеология основывался на представлениях о расовом превосходстве и не имел глобальных амбиций. По всей видимости, Гитлер вполне допускал, что могущественная национал-социалистическая империя будет спокойно сосуществовать с другими странами и идеологическими системами. Она будет достаточно сильна, чтобы не бояться внешней угрозы, и не будет ни от кого зависеть. Идеологические и политические союзники, такие, как фашистская Италия и Япония, получают право развиваться, поддерживая дружеские отношения с германской империей. Все

остальные, к примеру США и Великобритания, обречены на постепенный упадок. «Если другие государства будут по-прежнему придерживаться демократических принципов управления, а значит, неуклонно идти к распаду, нам это лишь на руку», – считал Гитлер.

Национал-социалистическая империя должна была показать всему миру, каких вершин можно достичь в своём развитии. Гитлер был убеждён: «...мы ... медленно, но верно становимся самым сплочённым народным сообществом, какое только представить себе возможно»⁴⁵⁹.

Итак, главной целью было создание тоталитарной национал-социалистической империи. Для достижения этой цели допустимо было применять любые средства – завоевание и порабощение народов, геноцид. Однако у Гитлера имелось одно любопытное соображение по поводу средств достижения цели. Это соображение было высказано в связи с взаимоотношениями церкви и государства, однако оно применимо к весьма широкому кругу вопросов: «в юности я признавал лишь одно средство: динамит. Лишь позднее я понял: в этом деле нельзя ломать через колено»⁴⁶⁰.

Когда средства целиком и полностью подчинены цели и когда средства определяются лишь критерием целесообразности, тогда динамит – или, шире, насилие – является вполне приемлемым вариантом. При этом, как рассуждал Гитлер, применять динамит не всегда и не везде будет целесообразно.

ЛЕЙ И ГИММЛЕР: АПОКАЛИПСИС, ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Тоталитарные идеи Гитлера развивали и конкретизировали его ближайшие соратники и подчинённые. Наиболее интересны в этом отношении работы двух выдающихся деятелей Третьего рейха – Роберта Лея и Генриха Гиммлера.

Лей (1890–1945) несколько менее известен, чем Геббельс или Геринг, но он был одной из самых влиятельных фигур Третьего рейха. Он руководил Германским трудовым фронтом (DAF) – созданной нацистским режимом организацией рабочих и работодателей, которую он превратил в настоящую империю. Вместе с тем и сам Лей был весьма яркой личностью: он употреблял алкоголь в огромных количествах, любил женщин и часто становился причиной публичных скандалов. В народе его прозвали «имперским пьяницей» (нем. *Reichstrunkenbold*). Вдобавок к тому он был коррупционером. Во время процесса в Нюрнберге он совершил самоубийство, в противном случае его бы наверняка повесили⁴⁶¹.

При всём этом Лей был человеком широкого мышления, с большими планами и глобальным видением. В одном из публичных выступлений 1938 года Гитлер назвал его «мой величайший идеалист»⁴⁶². Планы Лея были в основном тоталитарного свойства. Лей прославился высказыванием, что единственный, у кого в Германии

есть частная жизнь, – тот, кто спит⁴⁶³. И хотя это явное преувеличение (нацистская Германия никогда не была до такой степени тоталитарной), можно истолковать это как план на будущее, гораздо более показательный в смысле того, что есть тоталитарный менталитет, чем многие толстые тома⁴⁶⁴.

Планы Лей лежали главным образом в области социальной политики. Он хотел создать систему, которая обеспечила бы немецкому народу социальную защищённость и благосостояние от колыбели до могилы. Речь шла о развитой (и во многом опережающей своё время) системе социальных пособий, а также о жилье, здравоохранении, организации отпусков и досуга, а также о снабжении населения современными товарами народного потребления. К примеру, каждый немец должен был получить собственный автомобиль, именуемый «народным автомобилем» (нем. *Volkswagen*). Некоторые из этих планов со временем были реализованы – как, к примеру, под управлением трудового фронта была создана организация «Сила через радость» (нем. *Kraft durch Freude*), занимавшаяся вопросами отдыха и досуга рабочих. («Народный автомобиль» изначально назывался по имени этой организации.) Однако большая часть планов так и осталась планами и никогда не была осуществлена на практике. Реализации радикальных планов часто мешала бюрократическая система, а конкуренты среди лидеров национал-социалистического движения постоянно ставили палки в колёса. Кроме того, реализация многих планов была отложена до конца войны. Здесь важно отметить, что социально-политические идеи Лей были органично вписаны в национал-социалистическую идеологию. Социальные блага и права предназначались лишь полноценным, в том числе с расовой точки зрения, членам немецкого общества. Тем, кто оказался за пределами этого круга, никаких прав не полагалось⁴⁶⁵.

Тоталитарные воззрения Лей отчётливо прослеживаются в вышедшей в 1940 году брошюре «Наш социализм – мировая ненависть». Само название говорит о социально-радикальных воззрениях автора, его противостоянии всему окружающему миру и уверенности в собственной победе.

В брошюре Лей сообщает, в частности, что получил от Гитлера задание разработать систему пенсионного обеспечения и что это будет «величайший социальный проект всех времён»⁴⁶⁶. Кроме того, он заявляет, что субъектом всех социальных реформ будет национальная общность – высшая коллективная единица, определяемая как «наша раса и наша кровь»⁴⁶⁷.

Лей считал важным подчеркнуть, что национал-социализм не «материалистичен», но это не означало, что он отвергал материальные блага. Напротив, Лей обещал, что в новом обществе люди – а точнее, немцы – смогут реализовать себя и иметь свою долю как духовных, так и материальных благ.

«Мы считаем, что жизнь прекрасна, и это выражается, в частности, в том, что люди обладают здоровьем, могут правильно и разумно одеваться, живут в красивых и удобных жилищах, участвуют в культур-

ных событиях, таких, как театр, музыка и искусство, а также изучают страны и народы мира при помощи железных дорог, кораблей и автомобилей. Другими словами: тот, кто работает – а немцы это делают, – должен иметь право на то, чтобы жизнь и мир платили ему за это»⁴⁶⁸.

Это, конечно, не «от каждого по способностям, каждому по потребностям», но довольно близко к тому. Кроме того, Лей много думал о революционных перспективах национал-социализма. «Если народ уже не может осуществить революцию, значит, он состарился и скоро умрёт», – пишет Лей. Национал-социалисты провели «немецкую революцию» и сумели вывести её на «разумный и правильный путь», продолжает он.

Важно упомянуть, что национал-социалистическая революция в Германии произошла буквально в последний момент, как говорил Лей, «без пяти двенадцать». Германии угрожали хаос, упадок и гибель. После революции началась «новая немецкая весна», давшая немецкому народу новую жизнь, это было «немецкое чудо». Лей подчёркивал, что национал-социалистическая революция открыла немецкому народу «путь к свободе»⁴⁶⁹. Из прежнего состояния было всего два выхода: гибель или национал-социалистическая революция. Третьего пути не существовало.

Это сообщает рассуждениям Лея некоторую апокалиптическую. Особенно отчётливо она проявляется в разделе, озаглавленном «Финальная битва между национал-социализмом и плутократией». Национал-социализм олицетворяет здесь добро, это учение «законов природы», «рассудка», «понимания», «справедливости», «жизнеутверждения» и «желания жить», это учение «общности», основанное на человеческом «мышлении, способностях, навыках и достижениях, на человеческой культуре, красоте и ценности жизни». К этому списку положительных качеств национал-социализма относится также «истина». «Фюрер является фанатичным приверженцем истины», – пишет Лей. И, в полном соответствии с эпитетом, которым его наградил Гитлер, Лей называет всех национал-социалистов «идеалистами».

Вражеская плутократия олицетворяет собой «господство денег и золота», «угнетение», «отрицание здравого смысла и рассудка», «суеверия», «жестокость» и прочее зло.

Лей пишет о двух мирах, которые непримиримо враждуют между собой, поскольку каждый из них ненавидит то, что другой считает правильным и истинным. Война – как в общем, идеологическом, так и в буквальном смысле – является финальной битвой между этими двумя мирами. Это битва между добром и злом, бескомпромиссная война. Лишь одна из сторон должна победить, другая с неизбежностью должна погибнуть: «Здесь возможен только вариант или-или. Либо победит один из миров, и тогда другой должен будет исчезнуть, либо победит другой мир, и тогда уничтожен будет первый»⁴⁷⁰.

В апокалиптических рассуждениях Лея бросается в глаза то, что национал-социализм – сторона добра – описывается при помощи таких слов, как «справедливость», «свобода», «разум» и «общность»,

тогда как сторона зла характеризуется «угнетением», «суевериями» и «жестокостью». Отметим также, что в этой картине финальной битвы совсем не упоминается коммунизм. Вероятно, это связано с тем, что брошюра была издана в 1940 году, в период действия договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. В издании, вышедшем уже после нападения на Советский Союз, «большевизм», очевидно, занимал бы выдающееся место в ряду врагов добра. При этом ощутима явная революционная и социально-радикальная направленность мышления Лея. Подводя итоги сказанного, он констатирует, что «свобода» для немецкого народа означает «уничтожение капитализма и устранение плутократии», потому что только так можно построить «социалистическую Германию»⁴⁷¹.

В рядах вражеской плутократии центральное место занимают евреи. Битва внутри Германии будет выиграна в тот момент, когда будет признана роль евреев в правлении плутократии, считает Лей⁴⁷².

Ещё более выдающуюся роль отводит евреям в своих идеологических воззрениях человек, по своему влиянию значительно превосходивший Лея. Как сказано в энциклопедической статье, Генрих Гиммлер (1900–1945), «будучи рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции, являлся самым эффективным орудием террора Третьего рейха, управляя своей тайной полицией, хорошо организованными и дисциплинированными вооружёнными отрядами и неся ответственность, в частности, за физическое уничтожение евреев»⁴⁷³. Другими словами, Гиммлер, вероятно, был вторым человеком в Германии после самого Гитлера в том, что касается фанатичной преданности идее и масштабов причинённого зла.

Генрих Гиммлер тоже был визионером, и его видения характеризовались выраженным расизмом. Среди всех членов НСДАП именно он наиболее активно способствовал развитию идеологии пангерманизма: все люди нордической расы должны были объединиться в могучую германскую империю. Этот взгляд гораздо шире националистических представлений о немецком народе, высказывавшихся, в частности, Леем в 1940 году, и не вполне ясно, каково соотношение между этими двумя позициями⁴⁷⁴. Наряду с этим Гиммлер имел обскурантистские склонности и интересы, простиравшиеся от пространных фантазий в духе Средневековья до экстравагантного космического видения доктрины вечного льда (нем. *Welteislehre*)⁴⁷⁵. Так, когда Гитлер в своих монологах критикует идею возрождения культа Одина, он обращается в том числе и к Гиммлеру.

В одной из речей 1942 года Гиммлер в сжатой форме высказывает свои взгляды на германскую империю и пути её создания: «Тысячи и тысячи лет задачей белой расы являлось господство над Землёй, чтобы снова и снова давать ей счастье и культуру»⁴⁷⁶. Такова цель: счастье и культура на Земле для белой германской расы. В более ближней перспективе и более конкретно Гиммлер считал, что целью является «обучить германский народ численностью 120 миллионов, отодвинуть границу его распространения на 500 километров в восточном на-

правлении и неустанно основывать новые поселения в течение двадцати лет после завершения войны, чтобы утвердить расовые и административные/силовые форпосты в самых красивых поселениях»⁴⁷⁷. Такие планы развития германской империи в восточном направлении полностью согласуются с содержанием монологов Гитлера.

Вопрос в том, что, с точки зрения Гиммлера, необходимо сделать, чтобы осуществить эти планы. Вероятно, наиболее интересным аспектом его видений о новом германском мире является его осознанное отношение к применению различных средств.

У Гиммлера также присутствуют апокалиптические представления о последней, решающей битве – битве, в которой «участвуют все расы и целые континенты берутся за оружие и разбираются между собой»⁴⁷⁸. Однако помимо подобных общих рассуждений Гиммлер весьма конкретно высказывался по отдельным пунктам в том, что касается средств достижения национал-социалистической, германской цели. Наиболее известная и обсуждаемая из его речей перед узким кругом лидеров СС – его так называемая «познаньская речь»⁴⁷⁹, произнесённая в оккупированной германскими войсками Польше 6 октября 1943 года для группы «рейхсфюреров» (нем. *Reichsführer*) и «гауляйтеров» (нем. *Gauleiter*). Одной из центральных тем этой речи является уничтожение евреев. Не только в общем смысле, но и в вполне конкретном, человеческом, со всем этическими и прочими проблемами, которые могут возникнуть в рамках национал-социалистического мышления. В другом толковании эта речь проливает свет на идеи Гиммлера по поводу соотношения между целью и средствами её достижения.

Уничтожение евреев в его глазах является средством, и средством необходимым. Для того чтобы это средство сработало, евреев необходимо уничтожить всех до единого. Легко говорить, что евреев необходимо истребить, признаёт Гиммлер. «Однако для того, кто действительно собирается сделать это, всё намного сложнее. Это дорогого стоит, и это одна из труднейших задач на свете»⁴⁸⁰.

Далее Гиммлер говорит, что абсолютное большинство национал-социалистов, конечно же, согласно с тем, что «все евреи свиньи», однако всегда найдётся кто-нибудь, кто скажет, что «вот есть порядочный еврей». Однако если слушать каждого, что приходит и рассказывает об одном-единственном порядочном еврее, продолжает Гиммлер, то придётся согласиться, что в Германии больше порядочных евреев, чем евреев вообще.

После этого замечания, задуманного, вероятно, как юмористическое, Гиммлер переходит к следующему аспекту: как поступать с женщинами и детьми? Здесь он последовательно придерживается своей позиции: нет никакого смысла уничтожать еврейских мужчин и оставлять в живых детей, которые вырастут и захотят отомстить. «Нет, необходимо принять сложное решение, – заключает он, – полностью стереть этот народ с лица земли».

Выполнение этой задачи будет «сложнее всего, с чем нам до сих пор пришлось столкнуться», повторяет он. Он подчёркивает, что эта

задача будет выполнена так, чтобы «наши люди и наши лидеры не пострадали ни душой, ни рассудком».

Гиммлер гордился тем, что под его руководством СС проводило массовые ликвидации так, что никто из персонала не ударился в одну из двух крайностей: они не стали «жестокими» и «бессердечными», но не стали и «слабыми», подверженными нервным расстройствам. Не так просто пройти между этими Сциллой и Харибдой, предостерегал Гиммлер свою публику.

Уничтожение всех евреев было долгом перед «нашим народом и нашей расой». Кроме того, существовал долг проявлять «последовательность» в глазах фюрера. При этом служащие СС не имели права присваивать себе имущество евреев – всё необходимо было конфисковать и честно, до последнего пфеннига, передать министерству финансов.

Кроме того, Гиммлер в своих рассуждениях придерживался позиции, что в истребление евреев должен быть посвящён только узкий круг лидеров национал-социалистического движения. О том, стоит ли рассказывать об этом немецкой общественности, можно подумать позднее, считал он. Сам он был убеждён, что говорить о том, как происходило физическое уничтожение евреев, не следует вообще⁴⁸¹.

Рассуждения Гиммлера об истреблении евреев, нашедшие выражение в познаньской речи, являются, вероятно, самым жестоким и бесчеловечным высказыванием, которое человечество видело за свою, в общем-то, весьма жестокую и бесчеловечную историю⁴⁸². Эти рассуждения очень откровенны и весьма показательны. Гиммлер считал евреев паразитами, от которых необходимо избавиться раз и навсегда. Нужно закалиться для того, чтобы справиться с этим заданием, поскольку сами убийства непросто даются тем, кому приходится ими заниматься. Кроме того, необходимо мыслить последовательно. Если мы хотим понять ход мысли Гиммлера, нам поможет следующая логическая цепочка: если признать, что могут существовать отдельные порядочные евреи, которые не заслуживают истребления, это заведёт нас в тупик, потому что тем самым мы согласимся считать евреев людьми, заслуживающими человеческого отношения. Если же, напротив, последовательно отвергать идею существования «порядочных евреев», то можно обесчеловечить весь еврейский народ и тем самым лишить истребление евреев статуса убийства. Тогда речь будет идти лишь о неприятной работе, которую необходимо выполнить, и неважно, насколько неприятной она окажется в каждом конкретном случае. Вслед за Гитлером, который в своих монологах лишил славян и евреев человеческого звания, Гиммлер обесчеловечил евреев и развил эту мысль дальше в своей познаньской речи.

Замечания Гиммлера о необходимости сохранения этого в тайне свидетельствуют о том, что он не ожидал понимания и сочувствия этим идеям со стороны общей массы немцев – и, вполне вероятно, других наций. Они недостаточно созрели для того, чтобы принять следствия основных идеологических постулатов. Поэтому, по мнению Гиммлера, идея о массовом уничтожении евреев не должна выйти за

пределы узкого круга национал-социалистической элиты, в первую очередь элиты СС.

Многие исследователи говорят о современном, утилитарном мышлении национал-социалистов в том, что касается геноцида евреев⁴⁸³. Однако можно заметить, что и в смежных областях деятельности Гиммлера цель и средство сливаются в единое целое. К примеру, организация СС являлась одновременно и целью, и средством. Она была средством как инструментом террора и геноцида евреев и целью в смысле создания новой элиты, которая должна была стать костяком нового национал-социалистического общества.

Истребление же евреев являлось, скорее, средством. Основным условием создания нового, совершенного мира было исчезновение евреев с лица земли. Познаньская речь Гиммлера является, вероятно, исчерпывающей для понимания соотношения между целью и средствами в последовательном тоталитарном мышлении. Убийство миллионов евреев является средством, необходимым для достижения цели – создания национал-социалистической германской империи. И цель эта столь важна, что любое средство, которое будет сочтено необходимым для её достижения, должно быть применено. Другими словами: если вам любезна цель, вам должны быть любезны и средства её достижения.

Идеологи национал-социализма, в частности, Альфред Розенберг, не выражали особого восторга перед понятием «тоталитаризм», которое в их глазах было слишком тесно связано с итальянским фашизмом и с идеей о том, что государство стоит превыше всего. Вместо этого «право на тотальность» должно было принадлежать национал-социалистическому движению как носителю идеологии. Национал-социализм должен, пишет Гитлер в «Моей борьбе», быть всеобъемлющим мировоззрением. Он претендует на непогрешимость, он нетерпим и не приемлет компромиссов с другими мировоззрениями. Гитлер ссылается на науку, законы природы и ход истории и требует на этом основании воплощения в жизнь своих идей. Национал-социализм, пишет он, имеет право навязывать свои принципы всей немецкой нации.

В философии национал-социализма присутствуют отчётливые элементы социального дарвинизма: жизнь есть борьба между расами, и прав оказывается сильнейший. Национал-социализм насквозь проникнут духом коллективизма, и высшей формой коллектива является раса.

Национал-социализм стремился решительно порвать с существующим общественным порядком и создать собственное совершенное общество на основе расовых критериев. Изначально речь шла о том, что это будет немецкое общество, но постепенно Гитлер и его соратники пришли к мысли, что и другие германские народы станут его частью.

Править обществом должна была избранная элита, во главе которой должен был стоять наделённый неограниченной властью фю-

рер. Идеи и воля фюрера должны были пронизывать и объединять всё общество. Это касается в том числе сфер культуры и искусства. Важной частью национал-социалистической идеологии были символы и ритуалы. Полное понимание национал-социалистической идеологии необходимо было только элитарному слою.

Национал-социализм был воинственной и экспансивной идеологией. Гитлер планировал завоевать и колонизировать огромные территории на востоке. Он собирался создать цветущие ландшафты «необыкновенной красоты»; германские колонисты должны были пользоваться современными средствами связи, высокотехнологичными промышленными товарами и всевозможными социальными благами.

Для создания совершенного общества необходимо было победить врагов и конкурентов при помощи любых доступных средств. Это касалось как идеологических врагов, таких, как коммунисты и либералы, так и расовых, в первую очередь евреев. Национал-социалисты были истовыми антисемитами и подкрепляли свои идеи о расовом превосходстве теориями всемирного заговора с целью захвата евреями мирового господства. Режим Гитлера предпринял попытку физического уничтожения евреев на всей европейской территории во время Второй мировой войны. Славянское население также должно было существенно потерять в численности, а выжившие должны были превратиться в рабов, трудящихся на благо германских колонистов. Таким образом, в основе национал-социалистического совершенного общества должны были лежать геноцид и завоевания.

ИСЛАМИЗМ: РЕЛИГИЯ КАК ПОЛИТИКА, ПОЛИТИКА КАК РЕЛИГИЯ

Ислам не приемлет компромиссных решений с джахилией ни с точки зрения представления, ни с точки зрения порядков, проистекающих из этого представления. Если чему и быть, то либо Исламу, либо джахилие. Не существует такого положения – наполовину Ислам и наполовину джахилия, – которое принял бы Ислам и испытал бы удовлетворение. Позиция Ислама чёткая и заключается в том, что правда – одна и что всё, что кроме этой правды, – заблуждение.

Ислам – это не только вероучение, которое он призван декларировать для людей путём распространения проповеди. Мусульманская религия – это закон, который воплощается в организационной динамичной общности, выступающей за освобождение всех людей.
*Сауд Кутб*⁴⁸⁴

Мусульмане не верят в либеральную демократию.
*Тронд Али Линстад*⁴⁸⁵

ИСЛАМИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Ислам является религией и обладает, как все религии, концепцией Бога, священными писаниями, теологически обоснованной религиозной доктриной и ритуалами. Внутри этой религии имеется множество течений, в ней нет какого-то основного направления, нет папы, который в любой момент может разъяснить верующим правильное понимание религии.

Исламизм, в отличие от ислама, является политической идеологией – набором более или менее упорядоченных общих представлений о структуре общества и способах управления им – в широком смысле. В узком смысле эта идеология также включает в себя список конкретных желательных и нежелательных форм правления. Исламизм отличается от других политических идеологий тем, что опирается на мусульманскую религию. Исламизм выбирает политические меры, исходя из толкования священных писаний и мусульманских традиций. В частности, исламизм настаивает, что любое совершенное и справедливое общество может быть основано исключительно на своде шариата, системе неизменных законов, данных Аллахом. Эти законы и описанные в них институты должны регулировать все сферы жизни, от политики до повседневного быта людей в мусульманском обществе⁴⁸⁶.

Сами исламисты не видят никакой разницы между своей религией и политической идеологией. Для них религия является политикой, а политика религией, или, как минимум, необходимым следствием религии. Это понимание разделяют и многие другие, в частности, наиболее ожесточённые противники и критики ислама.

И всё же я настаиваю, что следует отделять ислам как религию от исламизма как политической идеологии, отчасти потому, что ис-

ланизм основан на толковании священных писаний, и исламистские трактовки вовсе не являются единственно возможными, а отчасти потому, что независимо от трактовки всегда можно говорить о различных аспектах идеологии – теологическом и политическом. Конкретные политические меры и подкрепляющая их исламистская аргументация могут быть предметом анализа и оценки независимо от того, какие религиозные, теологические догмы являются их конечным обоснованием⁴⁸⁷.

В «Принстонских чтениях по исламу» под редакцией Роксаны Л. Зубен и Мухаммада Касима Замана проводится различие между исламом и исламизмом именно в свете политической перспективы. Зубен и Заман характеризуют исламистов как «группу с явной политической и международной ориентацией. Они активно участвуют в критике различных народов, институтов, практик и установок, не соответствующих их стандарту, согласно которому политическая деятельность должна быть санкционирована Богом»⁴⁸⁸.

Конечно, не только исламизм использует религию для легитимирования политической идеологии. Сионизм – идеологическая основа израильского государства – действует похожим образом. Нечто подобное можно найти не только в древней, но и в современной истории христианства⁴⁸⁹. В Индии существуют достаточно сильные политические течения, опирающиеся на индуизм⁴⁹⁰.

Имеется и ещё одно соображение общего характера. Когда политическая идеология основывается на религиозных догматах, это обоснование может быть предметом глубокой и искренней веры, но может быть и чисто практическим приёмом. Каждый раз это необходимо определять в индивидуальном порядке, и это не очень существенно для нашего исследования. Меня будут интересовать исключительно политические идеи, а не религиозная и теологическая позиция того или иного теоретика.

Мехди Мозаффар, политический беженец и профессор исламизма в университете г. Орхуса в Дании, даёт следующее определение исламизму: «...религиозная идеология, придерживающаяся холистического понимания ислама и имеющая конечной целью завоевание всего мира любыми средствами»⁴⁹¹.

Это определение является прекрасной исходной точкой для попытки понять феномен исламизма. Главное в этом определении – политический аспект, а также, говоря словами Мозаффари, холистическое (целостное) понимание ислама. Сам я предпочёл бы говорить о политической идеологии, которая легитимизирует себя религией, вместо «религиозной идеологии». Исламизм является политической идеологией, поскольку он – подобно другим политическим идеологиям – в более или менее упорядоченной форме предлагает политические меры и обоснование для этих мер. Исламизм строится на определённых идеях касательно общественного устройства и форм политического управления, представлениях о том, какие учреждения желательны и необходимы, а какие нет, а также о том, каким образом следует разрешать социальные конфликты и регулировать

человеческие взаимоотношения. В целом исламисты уделяют поразительно много внимания земной жизни человека, хотя некоторые наиболее воинствующие из них, скорее, отличаются ярко выраженной тягой к смерти.

Кроме того, вызывает вопросы завершающая определение формулировка «всеми средствами». Она описывает средства достижения цели. Однако необходимо разделять, к примеру, радикальный и умеренный исламизм, различие между которыми состоит в том числе и в допустимости применения разных средств: насильственных или ненасильственных, революционных переворотов либо постепенного реформирования.

В целом можно сказать, что в своём определении Мозаффаридо недооценивает роль исламизма как политической идеологии. Среди «Братьев-мусульман», а также за пределами этой группы существуют различные политические течения, имеющие различные приоритеты и чисто тактические методы. Различия между ними могут касаться, в частности, конечных целей: ограничиваются ли они территорией отдельного государства или распространяются на весь мир? Расхождение могут лежать и в области стратегий захвата власти, отношения к политическим противникам и использованию террора и насилия.

С точки зрения допустимости различных средств принято различать исламистские группировки на умеренные и радикальные (революционные). Существуют значительные различия между правящей турецкой Партией справедливости и развития (АКР) и «Аль-Каидой». Сегодняшние «Братья-мусульмане» в Египте являются гораздо более умеренным политическим движением, чем поначалу. Но даже среди умеренных исламистов мы не найдём единого понимания тактики и стратегии, необходимых тактических позиций, основных установок и конечной цели. Впрочем, цель, понимаемая как совершенное мусульманское общество, может быть единой для всех политических движений, независимо от того, какими путями они планируют к ней прийти.

И наконец, политические движения и партии не являются статичными объектами. Некоторые политические движения становятся более прагматичными, поскольку они вынуждены вести свою политическую деятельность в рамках систем, которые они изначально хотели разрушить. С этой точки зрения есть много общего между исламизмом и марксистским социализмом.

Как политическая идеология исламизм является столь комплексным явлением, что в некоторых случаях имеет смысл говорить скорее о нескольких политических идеологиях. В рамках исламизма существует большое количество направлений, традиций и политических стратегий, что опять же наводит нас на мысль о сравнении исламизма с марксистской традицией. Так, в некоторых случаях будет целесообразно отнести Троцкого и Пол Пота к единой марксистской идеологии, в других это вряд ли окажется возможным.

Главная задача нашего исследования – продемонстрировать тоталитарные элементы в составе исламизма. С этой точки зрения полезно будет классифицировать исламистские течения в зависимости

от того, насколько сильны в них тоталитарные тенденции. Нам необходимо решить вопрос, все ли исламистские течения являются тоталитарными, или же можно обнаружить (или хотя бы представить себе) такие, которые не имеют тоталитарных амбиций. Тот же вопрос можно было бы задать и в отношении марксизма.

Как упоминалось во введении, уже в VII веке существовали основанные на исламе формы правления с выраженными теократическими чертами. Таким образом, политические идеологии, легитимирующие себя посредством мусульманской религии, появились тогда же, когда и сам ислам. И всё же в современной исламистской политической идеологии имеется столько специфических элементов и тенденций, что, пожалуй, было бы вполне уместно говорить о появлении нового исторического феномена. Разумеется, труднее всего различить эти новые элементы и тенденции в самом ядре политических идей: страстном желании восстановить (воображаемый) золотой век ислама. Речь идёт главным образом о новых формах политического мышления. Независимо от того, в какой степени современный исламизм опирается на старые идеологические традиции, упрощённое понимание современного исламизма можно сформулировать следующим образом: во-первых, речь идёт о том, чтобы понять (а затем уничтожить) доминирующие идеи, а также политические, культурные и социальные условия современного неисламского мира; во-вторых, истолковать основные идеи ислама таким образом, чтобы они оказались применимы в современном мире⁴⁹².

Как правило, за точку отсчёта в истории современного исламизма принимают 1928 год, когда в Египте была основана организация «Братья-мусульмане» (см. раздел «Краткое введение в тоталитаризм»)⁴⁹³. Вторым важным событием стало основание политической партии «Джамаат-и-Ислами» в Британской Индии в 1941 году⁴⁹⁴. Однако, без сомнения, величайшим политическим достижением исламизма как идеологии стала революция Хомейни в Иране в 1978–1979 годах. С этими политическими движениями и событиями ассоциируются влиятельные политические идеологи: основатель «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна (1906–1949) и один из лидеров движения Саид Кутб (1906–1966); основатель и лидер партии «Джамаат-и-Ислами» Саид Абу аль-Ала Маудуди (1903–1979) и, наконец, иранский аятолла Рухолла Хомейни (1898/1900/1903–1989).

Ни каждый из них в отдельности, ни все они вместе не являются типичными представителями исламистской идеологии. Однако каждый из них в отдельности и все они вместе дают представление о тоталитарных тенденциях в исламизме. Между ними есть важные и интересные различия, однако есть и столь много общего, что вполне уместно говорить об общем (хотя и довольно сложносоставном) идеологическом течении. К примеру, курдский исламист мулла Крекар открыто ссылается на аль-Банну, Маудуди и Кутба и подчёркивает их важность для «нового, современного понимания» ислама, которого придерживается сам Крекар⁴⁹⁵.

Партия Маудуди «Джамаат-и-Ислами» в наши дни принимает активное участие в пакистанской политике и пользуется поддержкой в разных странах мира⁴⁹⁶. По словам муллы Крекара, это не просто политическая партия, но и религиозная группировка, благотворительная организация и «действующее идеологическое движение в полном смысле этого слова». Влияние Маудуди на Крекара столь сильно, что в своей работе последний сопровождает его имя словами «мир его памяти»^{497*}.

Важнейшим элементом понимания ислама, которого придерживался Маудуди, является мусульманское государство, «основанное на принципах и догмах ислама». Создание такого государства является целью всей политической деятельности. После того как это государство будет создано, весь мир сможет увидеть, «какими замечательными становятся люди, какое справедливое появляется общество, насколько совершенная появляется социальная структура, какая рафинированная, чистая рождается культура, по каким правильным параметрам развивается наука, литература и искусство, гуманная и бесконфликтная создаётся основа для сотрудничества», «как божественное руководство способствует умеренности и справедливости, реформам и укреплению в вере, заботливому и эффективному управлению, социальному благополучию, миру и порядку, высокой нравственности государственных служащих, добродетельной и добропорядочной внутренней политике, честности во внешней политике, цивилизованному поведению в военных делах, а также открытости и лояльности в мирное время»⁴⁹⁸. Другими словами, мусульманское государство будет всеобщим образцом для подражания. Оно покажет всему миру, что ислам и только ислам может быть истинным гарантом «улучшения жизни человека»⁴⁹⁹.

В более широком смысле Маудуди говорит о мусульманской цивилизации с универсальными, глобальными амбициями. Согласно Маудуди, пророк Мухаммед основал «цивилизацию и культуру без всяких намёков на ущербность, неполноценность и какие-либо недостатки»⁵⁰⁰. Это и есть цель: глобальное общество, непогрешимое и совершенное. Ни больше, ни меньше.

В соответствии с таким представлением о мусульманском совершенном обществе Маудуди считает ислам «тотальным» учением. Целью основания партии «Джамаат-и-Ислами», пишет он в 1946 году, было «упрочивать нашу религию, стремиться призывать к ней весь мир» (англ. *establishing and witnessing to the totality of Islam*). Существует только одна истина, и необходимо собрать под её знамёнами все мусульманские движения, чтобы поддержать «истинность Ислама». Все течения должны были объединиться в одну общую партию, в одно общее движение – ибо единая мусульманская истина требовала «еди-

* Переиначенное мусульманское приветствие «мир тебе», известное также как «салам алейкум». – Примеч. пер.

нения и собраниях всех вместе, так же, как единства и единственности». Далее, необходимо было, чтобы все мусульмане «исключили из своих высказываний и деяний» всё, что противоречит исламу⁵⁰¹.

Согласно Маудуди, единственная по-настоящему легитимная власть в мусульманском государстве может принадлежать только Богу. Такое представление о господстве Аллаха – хакимийя – является основополагающим для всей его философии. Лишь воля Бога определяет, что хорошо, а что дурно, где добро и зло, что дозволено и не дозволено. Поэтому «воля Бога, но не воля людей является источником законов в мусульманском обществе»⁵⁰².

За соблюдением воли Бога на земле должны следить люди и политические учреждения. Маудуди мечтает о «демократическом халифате», вводя понятие «тео-демократия» для обозначения одновременно божественного и демократического политического уклада⁵⁰³. Однако форма правления в мусульманском государстве должна быть совершенно иной, нежели светская западная демократия⁵⁰⁴. И независимо от конкретной формы правления и набора политических институтов основной целью является создание мусульманского общества, а основное понимание ислама подразумевает его тотальность (единство, *tawhid*).

Как же должно выглядеть мусульманское общество по версии Маудуди?

Он считает важным подчеркнуть, что такое общество должно быть «идеологическим обществом». Оно должно радикально отличаться от общества, формируемого рядом случайных факторов, таких, как «раса, цвет кожи или страна». Мусульманское общество должно быть результатом сознательных решений. Точнее, оно должно быть результатом «контракта» (Маудуди берёт это слово в кавычки) между Богом и людьми. В этом контракте люди обязуются подчиняться воле Бога без вопросов и сомнений⁵⁰⁵.

Исламское общество должно подчиняться божественным законам – законам шариата. Для Маудуди важнее всего исходить при этом из целостного понимания законов шариата. Люди часто цепляются за отдельные меры наказания, предписанные законами шариата, при этом полностью вырывая их из контекста, пишет он. Однако божественные законы в мусульманском обществе составляют единое целое, и отдельную меру наказания нельзя отрывать от «всей мусульманской системы жизни, охватывающей сферы экономики, политики, образования и социального устройства». Если отдельные положения закона рассматривать вне связи с целым, в них нет никакого смысла⁵⁰⁶.

В качестве примера Маудуди приводит закон, предусматривающий отсечение руки в качестве наказания за воровство. Эта мера наказания предполагает «полностью развитое мусульманское общество», в котором богатые выплачивают специальный налог-милостыню – зийкят – государству, которое «заботится о нуждах бедных и малообеспеченных». Другими словами, в мусульманском обществе государство гарантирует, «что жизненные потребности всех граждан

будут удовлетворены». В таком обществе никому не нужно будет воровать. Но если кто-то всё же сделает это, необходимо применить к нему суровое и устрашающее наказание. Основная мысль заключается в том, что при таком положении дел вор лишь докажет, что он недостойн жить в «справедливом, щедром и здоровом обществе». И если вора не наказать со всей суровостью, он продолжит вредить обществу.

Точно так же обстоит дело с наказаниями за неверность и сексуальные связи вне брака. Ислам предусматривает бичевание для неженатых и побивание камнями до смерти для женатых, совершивших подобный проступок, пишет Маудуди. Однако, продолжает он, эти наказания должны действовать в обществе, «где совместные для мужчин и женщин праздники будут запрещены, где публичное появление накрашенных и развращённых женщин будет просто невозможно». Строгие наказания за сексуальные проступки не предназначены для «грязного общества, в котором процветает сексуальное возбуждение, где эротические изображения, непристойные книги и вульгарные песни стали обычными искушениями, где сексуальные извращения захватили власть в кино и индустрии развлечений»⁵⁰⁷.

Такие рассуждения дают нам вполне наглядное представление о том, как выглядит совершенное общество по Маудуди. Отвращение к тому, что можно назвать современной западной культурой и формами общения, бросается в глаза, и мусульманское общество должно быть очищено от подобного влияния. Однако прежде всего рассуждения Маудуди холистичны. Ислам должен, посредством божественных законов шариата, регулировать и контролировать все аспекты человеческой жизни: политические, социальные и экономические отношения, а также личную мораль и образ жизни. Как говорит сам Маудуди, мусульманское общество должно быть полноценным и непогрешимым⁵⁰⁸. А если люди всё же будут совершать ошибки – например, воровать или вступать в сексуальные связи вне брака, – их следует сурово наказывать для предотвращения подобного поведения со стороны других. Такие меры наказания нельзя рассматривать изолированно. Однако при целостном подходе очевидна их необходимость.

Что касается стратегии достижения цели, Маудуди проявляет известную умеренность и осторожность: он придаёт большое значение просвещению и постепенному мирному поглощению правящих институтов⁵⁰⁹. Именно из-за такого стратегического подхода исламизм Маудуди принято считать умеренным. Однако при этом его конечная цель – совершенное мусульманское общество – является столь всепоглощающей, что с этой точки зрения его идеологию можно назвать революционной. Кроме того, он не полностью отрицал насильственные и революционные методы. В «Основах ислама» он пишет о понятии «джихад», что оно в основном используется для обозначения «войны, которая ведётся во имя Аллаха против тех, кто является врагом Ислама». Он добавляет также, что это «наивысшее пожертвование жизнью», которое «распространяется на всех мусульман»⁵¹⁰. В другом месте он пишет, что каждый мусульманин обязан «приложить все свои

силы, чтобы отнять власть у неверных и коррумпированных людей и передать её правоверным»⁵¹¹.

В подобных формулировках содержится намёк на допустимость использования насильственных методов. Всё зависит от того, как мы определим «врагов ислама», а это, в свою очередь, зависит от того, кто будет определять.

Отдельной темой являются взаимоотношения мусульман и немусульман в обществах различных типов. Совершенное мусульманское общество, где каждый гражданин заключил общественный контракт, обязующий его подчиняться воле Бога и законам шариата, – это понятный случай. Но что, если в стране, помимо мусульманского сообщества, будут и немусульманские меньшинства? Говоря об этом, Маудуди приводит в пример современный ему Пакистан.

Для решения этой проблемы Маудуди прибегает к разделению «законов страны» и «отдельных законов каждой общины». Ислам может гарантировать, что каждое меньшинство сможет жить по своим законам, утверждает он. Более того, только ислам может гарантировать меньшинствам такое право. Но что касается законов всей страны, будет правильно и справедливо, если они будут определяться большинством. Таким образом, общество, в котором мусульмане составляют большинство, должно подчиняться законам шариата, поскольку «несправедливо, чтобы меньшинства просили нас отринуть наши идеи и ввести законы, противоречащие нашим убеждениям, только для того, чтобы их удовлетворить»⁵¹², заключает Маудуди.

Тем самым он оставляет нечёткой границу между законами страны и личными законами меньшинств. Поскольку законы шариата претендуют на контроль за всеми сферами жизни (в том числе и теми, что касаются сексуальной морали), логично будет предположить, что они должны быть обязательными также и для немусульманских меньшинств и отдельных немусульман.

И даже если немусульманам будет предоставлено пространство для личного выбора в мусульманском обществе, это пространство всё равно будет ограничено рамками законов шариата. По всей видимости, рассуждения Маудуди следует понимать в том ключе, что бичевание и побиение камнями за сексуальные связи вне брака должны касаться всех членов общества, а не только мусульман.

САИД КУТБ: НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Идеи Маудуди получают дальнейшее развитие в радикальном и, если хотите, тоталитарном направлении в философии Саида Кутба. Он является одним из претендентов на роль важнейшего теоретика исламизма нашего времени. Политические труды Кутба весьма радикальны и довольно последовательны, хотя и не лишены некоторых внутренних противоречий. Впрочем, его важность не исчерпывается идеями, которые он сформулировал в своих книгах. Важны также его жизнь и судьба: он был одним из лидеров «Братьев-мусульман» в

Египте в 1950–60-х годах; затем его посадили в тюрьму и в конце концов казнили. Точнее всего будет такая формулировка: его важность заключается в тесной связи между его радикальными идеями, его политической деятельностью и его мученической смертью за свои идеи. Роксана Эубен пишет, что его важность основывается «скорее на влиянии и распространении, которое получили его идеи, нежели на их оригинальности»⁵¹³. Можно истолковать это так, что его идеи, его жизнь и смерть были слиты воедино и что его политическая борьба и мученическая смерть придали его идеям «необыкновенную мощь»⁵¹⁴.

В молодости Кутб мало интересовался исламом как политической идеологией. Он приобрел известность как литератор, работал учителем, а позднее чиновником в египетском министерстве образования. Он много читал и обладал выдающимися интеллектуальными способностями. Периодами он поддавался влиянию отдельных западных идейных течений, в том числе социализма⁵¹⁵. В 1949 году он выпустил книгу о социальной справедливости в исламе, в которой пытался показать, что ислам достойнее двух наиболее выдающихся западных идеологий, а именно либерального индивидуализма и социализма. Эта книга была первым явным выражением его исламистской позиции. Впрочем, она не была законченным политическим манифестом. В тот момент Кутба прежде всего интересовали вопросы личной морали, а не политическая власть и общественные институты.

В 1949–1950 годах Кутб побывал в США, куда его направило министерство образования для изучения педагогических учреждений. Очевидно, что его пребывание в США оказало решающее влияние на его отношение к Западу и к исламу в качестве альтернативы. Американский быт, в особенности формы общения на вечеринках в выходные дни, глубоко шокировали его. Важно отметить, что жил он в небольшом городке Грили в Колорадо, и его знакомство с общественной жизнью ограничивалось, по всей видимости, общественными дискотеками, где употреблялся алкоголь, обычными для послевоенной Америки и весьма пуританскими по нынешним меркам. Мы даже не говорим о каком-то буйном веселье, стриптиз-клубах и публичном сексе, а уж тем более о каких-то сексуальных оргиях. Однако для Кутба принятые в американском обществе Среднего Запада в 1950-х годах формы общения оказались доказательством того, что вся западная культура переживает моральный упадок. Особенно это относилось к женщинам⁵¹⁶.

Некоторые западные историки считают в этой связи важными некоторые факты из биографии Кутба, в частности, предполагаемое отсутствие у него личного сексуального опыта, сложное отношение к сексу, а также его болезненную реакцию на то, что во время своего визита в США он (по всей видимости) подвергся сексуальным домогательствам со стороны весьма настойчивой американской медсестры⁵¹⁷.

Вернувшись в Египет, Кутб стал известен как радикальный политический активист и вступил в ряды «Братьев-мусульман». Со вре-

менем он и его братство превратились в явных противников Насера. Режим Насера, со своей стороны, ответил преследованиями, и многие из лидеров и активистов общества были арестованы. В их числе оказался и Кутб, приговорённый к 15 годам тюрьмы в 1954 году. В 1964-м он вышел на свободу, но вскоре снова был арестован за попытку свержения режима и покушение на убийство президента. В 1966 году его казнили.

В первый срок тюремного заключения он имел возможность писать. Он посвятил несколько лет объёмному комментарию к Корану, «Под сенью Корана». Незадолго до выхода из тюрьмы в 1964 году он написал книгу «Вехи на пути». Она была немедленно запрещена режимом Насера, однако получила широкое распространение в подполье благодаря «Братьям-мусульманам». Членами братства она была воспринята неоднозначно, и их официальная позиция отвергала и отвергает некоторые наиболее радикальные идеи книги.

«Вехи на пути» не являются теологическим манифестом Кутба, так скорее можно охарактеризовать книгу «Под сенью Корана». Однако «Вехи» являются весьма сжатым, продуманным и последовательным выражением революционной политической исламистской идеологии. Они оказали огромное политическое влияние⁵¹⁸, и в этом смысле их вполне можно сравнивать с «Коммунистическим манифестом» и «Моей борьбой»⁵¹⁹.

Чтобы проиллюстрировать значение «Вех», обратимся ещё раз к мулле Крекару. Он постоянно упоминает о «важной книге» Кутба, излагая свои политические и религиозные идеи, а кроме того, он выполнил перевод книги в Иране в 1982–1984 годах. Как и в случае с Маудуди, он сопровождает его имя мусульманским приветствием «мир ему», что можно трактовать как знак глубочайшего уважения и восхищения⁵²⁰.

Слова, которые Кутб выбрал для начала своей книги, одновременно просты и исполнены драматизма: «В наши дни человечество стоит на краю пропасти». Эти слова звучали довольно часто в период начала холодной войны в 1960-х. Однако Кутб сразу подчёркивает, что он вкладывает в них другой смысл, нежели те, кто боится атомного оружия. Причиной, по которой он выбрал такое начало для своей книги, была вовсе не «нависшая над ним угроза», пишет он. Он считает ядерную угрозу всего лишь «симптомом болезни, которая сама по себе и не является болезнью».

Речь здесь идёт о гораздо более важных вещах – о ценностях. Человечество потеряло необходимые ему позитивные ценности. У Запада уже не осталось «ценностей для человечества». Демократия в западных странах близка к своему краху, и Запад всё больше вынужден прибегать к посторонней помощи, в частности, «и прежде всего в экономической области», к порядкам стран «восточного лагеря», известных как страны социализма.

Но и в восточном блоке дела обстоят не лучше. Коммунистические теории, «выступая как концепция с признаками учения», изначально привлекли много сторонников на Востоке и Западе. Но сегодня эта идеология и придерживающиеся её политические системы

пришли в упадок, общества стран восточного блока либо пребывают в состоянии распада, либо оказались подчинены «диктаторскому режиму», и чем дальше, тем больше проявляли признаки фиаско⁵²¹.

Если же брать шире, то даже «научное возрождение», определявшее развитие Запада с XVI века, пошло на спад. Великие политические идеи «патриотизма, национализма и региональной общности вообще» лишились своей жизненной силы. Поэтому Кутб констатирует, что и «основанные на личной власти, и коллективистские системы» потерпели поражение.

Необходим совершенно новый подход, и он должен строиться на разрыве с либеральными и демократическими системами Запада и коммунистической системой стран восточного блока. Этот подход должен был обеспечить «сохранение и развитие материальной цивилизации на уровне, достигнутом человечеством через использование европейского гения в области материального творчества». Но вместе с тем необходимо было гарантировать снабжение мира «новыми, невиданными доселе совершенными ценностями по сравнению с тем, что знало человечество, вооружение его одновременно подлинной, позитивной и в то же время реальной системой бытия». Таким подходом мог стать ислам⁵²².

Альтернатива, предлагаемая Кутбом, заключала в себе необходимую новизну⁵²³. «Вне всякого сомнения, в наших руках нечто новое», – пишет он, имея в виду «невиданные доселе» и при этом «совершенные» ценности. Именно этой новой, неведомой ранее и совершенной альтернативе он и посвящает «Вехи на пути».

Для Кутба ислам – это гораздо больше, чем просто вера. Ислам – это «закон для жизни человеческого общества», данный Аллахом. Этот закон описывает все аспекты человеческой жизни: не только религию в узком смысле, но и формы общения, экономику, ценности, мораль, социальные идеи и политические системы. Ислам – это практическая система, предусматривающая «организацию реальной жизни со всеми её повседневными подробностями»⁵²⁴.

Заявление, что ислам является чем-то новым и ранее неизвестным, требует разъяснения и уточнения, ведь принято считать, что мусульманские общества существовали как реализованные на практике политические системы начиная с 1960-х годов, и им предшествовала длительная и богатая историческая традиция.

Радикальный аспект политической философии Саида Кутба проявляется тогда, когда он подходит к описанию мусульманского общества как социальной реальности – мусульманской уммы. Он утверждает, что в настоящее время в мире не существует действительно реализованного мусульманского общества. Это утверждение учитывает существование государств и обществ, которые именуют себя мусульманскими и считаются таковыми во всём мире. Более того, Саид Кутб считает, что настоящее мусульманское общество прекратило своё существование очень и очень давно, «уже много веков назад».

То, что Кутб называет мусульманским обществом – уммой, – это «общность людей, жизнь, идеология, положения, порядки, ценности

и критерии, которые полностью вытекают из исламской системы». Современные общества, считающиеся мусульманскими, не отвечают этому критерию. Настоящая умма «прекратила своё существование с тех пор, как исчезло правление по закону Аллаха со всей земли»⁵²⁵.

В широком идейно-историческом контексте позиция Кутба близка к позиции троцкистов, спартакистов или левокоммунистических паннекуианцев⁵²⁶, которые в 1964 году заявили, что настоящего социалистического общества в мире не существует, а так называемые социалистические страны реализуют искажённые социалистические идеи и в действительности лишь препятствуют строительству истинного социализма. На самом деле подобная точка зрения была в 1964 году характерна для всех троцкистов, спартакистов и левых коммунистов, а также представителей прочих еретических направлений марксизма. Так что позиция Кутба, в общем, не нова. Однако она была весьма радикальной для мусульманского мира 1960-х. Подобная позиция всегда характеризуется выраженными революционными тенденциями, и представители подобных позиций вызывают сильное неудовольствие со стороны режимов, считающих себя социалистическими – или, как в случае Кутба, мусульманскими. Причина проста: отрицая, что так называемые мусульманские общества являются истинно мусульманскими, Кутб тем самым имеет в виду, что их лидеры не являются истинными мусульманами, а это подразумевает возможность их критики и свержения, в том числе насильственными методами.

Кутб пишет, что истинно мусульманского общества «уже» не существует, тем самым намекая, что предлагаемая им альтернатива не является новой в абсолютном смысле. По его мнению, истинно мусульманское общество – умма – существовало в древности. Но это было давно, и с тех пор сменилось много поколений, которые считались мусульманскими, не будучи мусульманами в настоящем смысле этого слова – настоящая умма похоронена «под обломками исламской идеологии, под обломками социальных форм и порядков, которые не имеют никакого отношения ни к Исламу, ни к исламскому пути, хотя некоторые деятели утверждают, что мусульмане существуют в рамках так называемого исламского мира». Поэтому необходимо создавать нечто новое, но с оглядкой на прошлое. Необходимо «возродить» истинно мусульманское общество⁵²⁷.

В этих вводных рассуждениях Кутб ставит диагноз современности и очерчивает цель. Диагноз состоит в том, что человечество находится на краю пропасти. И западная демократия, и социализм стран восточного блока являются частями проблемы, как и предположительно мусульманские страны – ведь они не являются мусульманскими в полном смысле слова.

Проблему можно решить, порвав с существующими общественными формами, ценностями и политическими системами. Проблему может решить ислам. Но годится не любое мусульманское общество. Истинно мусульманского общества в мире не существует, его необхо-

димо построить. В этом и заключается политическая цель, и содержанием политической философии Кутба являются как раз рассуждения об этой цели и средствах её достижения.

Ключевым понятием его политической философии является джахилийя – состояние языческого невежества; этот термин используется в мусульманской традиции применительно ко времени до пророка Мухаммеда⁵²⁸. Маудуди вкладывает в этот термин практически тот же смысл, что и Кутб, что даёт основания говорить о его влиянии на последнего⁵²⁹. Так, Роксана Эубен пишет, что «одним из центральных понятий в рассуждениях Кутба является заимствованное из Корана слово, возрождённое в современном языке усилиями Маудуди несколькими годами ранее»⁵³⁰.

Для Кутба джахилийя – это образ вечного врага и собирательное понятие для обозначения всех взглядов, идей и состояний общества, которые противопоставляют себя, являются препятствиями или просто не являются исламом и мусульманскими ценностями. Другими словами, это всякий фактор, мешающий реализации великого политического проекта Кутба. А это почти всё и вся. Сам Кутб говорил следующее: «Весь мир живёт в настоящее время в джахилийе»⁵³¹.

Особое место в ряду врагов занимали США и Запад. Как уже говорилось, Кутб преклонялся перед западным (или «европейским») экономическим, материальным и техническим прогрессом – «гением в области материального творчества»⁵³². И тем не менее, Запад отставал в чём-то гораздо более важном. Здесь Кутб опирался на личный опыт, полученный во время поездки в США. По его мнению, капитализм был насквозь пропитан «монополией, ростовщичеством и всем тем, что в нём есть из мерзкого безобразия». «Себялюбивый индивидуализм» жителей Запада признавал «солидарность и единоплешие» только лишь «под прессом закона». Материализм был пустым и мрачным мировоззрением. Кутб клеймит «гнусный и непримиримый расовый апартеид» в США, а о том, что касается сексуальной морали, он высказывается ещё более категорично: «Свобода скотов, которую называют “свободой общения”; это – невольничий рынок рабынь, которые называют “свободой женщины”, нелепость, стеснённость и неестественность в вопросах брака и развода»⁵³³.

В Западной Европе дела обстояли не лучше: и там «осуществление незаконной половой связи или даже явления сексуальной извращённости» не считались чем-то этически неприемлемым, что Кутб иллюстрирует при помощи дела Профьюмо в Великобритании⁵³⁴. И неважно, насколько хорошо развиты эти общества «в области промышленности, экономики и науки», пока они руководствуются «ценностями животного характера»⁵³⁵. Другие части света тоже не могут предложить достойной альтернативы, считает Кутб, имея в виду «ужасную материалистическую мерзость Востока»⁵³⁶. Между исламом и джахилийей лежала пропасть, и если уж строить мост через эту пропасть, нельзя допустить, чтобы два мира встретились на полпути. Мост должен был быть построен для того, чтобы «люди джахилийи» смогли перейти «к нам, в Ислам»⁵³⁷.

Одним из народов, пребывавших в состоянии джахилии по умолчанию, были евреи. На многих страницах работ Кутба можно найти антисемитские высказывания и мысли⁵³⁸. «Вехи» также полны намеков на теорию всемирного еврейского заговора. Кутб пишет о «ловушках мирового сионизма», который заинтересован «в разжижении всех запретов, в том числе, и даже прежде этого, запретов, предусмотренных вероучением и нормами мировоззрения, с тем чтобы сионисты могли проникнуть в нутро всего мира, который пребывает в расслабленном и одурманенном состоянии»⁵³⁹.

САИД КУТБ: СОВЕРШЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Как же выглядело совершенное общество в глазах Саида Кутба? Вся власть в этом обществе должна была принадлежать Богу: «Нет владычества, кроме как у Аллаха, нет шариата, кроме как от Аллаха, нет власти одного человека над другим, потому что вся власть и владычество принадлежат Аллаху»⁵⁴⁰.

В этом Кутб очень напоминает Маудуди. Люди должны полностью подчинить себя власти Бога (хакимийе), Его законам и предписаниям. Лишь тогда отношения между людьми станут безусловно добровольными и гармоничными: «Изначальное подчинение и покорность – необходимое требование веры. Позднее эти души с аналогичной покорностью и подчинением и, следовательно, с удовлетворением и готовностью восприняли организационные и законодательные структуры Ислама, не вступая ни в чём с ними в противоречие»⁵⁴¹.

Общество, живущее в полном соответствии с исламом, станет источником «счастья и добра» для человечества. Это добро, по мнению Кутба, должно возникнуть «в результате достижения гармонии между движением человеческой цивилизации и реализацией этого руководства с учётом собственно исламского независимого закона, что позволит человечеству подняться на тот благородный уровень, который возжелал для него Аллах, и избавиться от власти страстей и прихоти». Мусульманское общество будет жить в соответствии с «независимой концепцией, независимым мировоззрением и независимым положением» и даст всему человечеству «порядки даже лучшие, чем те, о которых оно мечтает»⁵⁴².

Важным элементом этой жизни будет освобождение человечества от «страстей». Ислам возник не для того, чтобы «потакать вожделяниям людей», считает Кутб, – ни в той форме, в которой они существовали во времена возникновения ислама, ни тех, «которые характерны для жизни человечества в наши дни». Речь идёт о страстях и вожделениях, находящих своё выражение в человеческих «представлениях, системах, порядках, обычаях и традициях». По мнению Кутба, ислам возник, чтобы «ликвидировать начисто всё это». Ислам стремился и стремится «сформировать жизнь, проистекающую из него самого»⁵⁴³.

Кутб мыслит глобальными категориями: целью ислама является «человек вообще, род человеческий», а область распространения

«вся земля». Поэтому необходимо, чтобы ислам приступил «к ликвидации реальности, противоречащей этой общей декларации <...> используя одновременно и разъяснение, и движение»⁵⁴⁴. Закон, который Аллах сообщил «с тем, чтобы человек соответствующим образом, гармонично, строил свою повседневную жизнь», – это универсальный свод шариата⁵⁴⁵.

Из всего этого Кутб делает вывод, что у мусульман нет отечества. Единственный коллектив, которому они должны подарить свою преданность, – это мусульманская общность: «У мусульманина нет другой родины, кроме той, где воцарился шариат Аллаха. Между родиной и людьми устанавливаются связи на основе отношения к Аллаху. У мусульманина нет никакого гражданства, кроме его религиозных убеждений, которые делают его членом «мусульманской уммы» в обители Ислама (дар аль-ислам)».

Даже традиционные семейные отношения должны быть полностью подчинены мусульманской общности: «У мусульманина нет никакой родни, кроме той, которая связана с ним вероучением, ниспосланным от Аллаха. Он и его семья объединены верой в Аллаха»⁵⁴⁶. Это означает, что коллективная самоидентификация как мусульманина стоит выше всех прочих самоидентификаций. К примеру, самоидентификация по национальному или политическому признаку – например, национализм – менее важна, чем самоидентификация в качестве члена мусульманской общности:

«Нет владычества, кроме как у Аллаха, нет шариата, кроме как от Аллаха, нет власти одного человека над другим, потому что вся власть и владычество принадлежат Аллаху, потому что национальная принадлежность людей по Исламу суть принадлежность вероисповедальная, в рамках которой между собой равны и араб, и византиец, и перс, и другие расы и народы, проживающие под сенью милости Аллаха»⁵⁴⁷.

Из этого следует, по мнению Кутба, что совершенное мусульманское общество не будет социалистическим. В довольно противоречивом рассуждении он сообщает, что Мухаммед мог бы «поднять знамя социальных проблем» в войне «против сильных мира сего», и тогда требование справедливости состояло в распределении «имущества и денег богачей среди бедняков». Но Мухаммед исходил из иных соображений, Аллах «не направил его по этому пути». Социальная справедливость в мусульманском обществе должна была обеспечиваться иначе. Кутб формулирует мысли Бога по этому поводу следующим образом: «Он знал, что из всеобъемлющего вероисповедального мировоззрения неизбежно прольёт себе дорогу социальная справедливость, и всё возвратится во владение Аллаха. Указанные Аллахом справедливость распределения и солидарность всех людей будут приняты добровольно и с удовлетворением»⁵⁴⁸.

Несмотря на то что это высказывание кажется туманным и бессодержательным, оно даёт нам представление о важности понятий «справедливости» и «социальной справедливости» в философии Кутба и его представлениях об устройстве совершенного общества. То

же касается понятий «освобождение» и «свобода». Однако в отношении всех этих понятий справедливо будет заметить, что они наполняются определённым содержанием в строго очерченных идеологических рамках.

Для Кутба ислам стал универсальной идеологией освобождения. Он подчёркивал, что ислам является не просто религиозной системой, но «общей декларацией освобождения человека от порабощения другими людьми». После достижения цели – создания совершенного мусульманского общества – ислам предполагает «предоставить людям полную свободу, с тем чтобы они выбрали в условиях полной свободы то вероучение, которое им нравится, причём выбрали добровольно». Эти свободные, искренние, добровольные решения станут возможными в ясно очерченных социальных рамках. Они станут возможны, во-первых, после устранения «политического давления», а во-вторых, после просвещения всех до единого членов общества – после того как их «умы и души» будут «просвещены разъяснением».

Кроме того, в совершенном мусульманском обществе будут существовать и иные рамки для свободных решений индивидов. Кутб описывает довольно суровые ограничения личной свободы: «Однако этот опыт не означает, что они должны избрать объектом своей заботы собственные прихоти и капризы или что они смогут сами поставить себя в качестве рабов перед рабами. Они не могли и не могут выбирать себе господ в своей среде, помимо Аллаха».

Совершенное мусульманское общество должно быть истинно мусульманским. Высшим принципом этого общества должен быть принцип «поклонения Аллаху и никому, кроме Него». Лишь при соблюдении этого условия, или, как пишет сам Кутб, «в рамках этой общей системы», можно говорить об индивидуальной свободе выбора⁵⁴⁹.

Для Кутба, очевидно, в подобной ситуации не заключается никаких противоречий. После упразднения немусульманских политических систем и просвещения всех людей мусульманским учением как духовно, так и интеллектуально, люди сами всё поймут и выберут правильное. Все люди, по всей земле.

Совершенное общество Кутба – «исламское общество» – и лишь такое общество «в его правильном понимании может считаться цивилизованным обществом». Все прочие общества – общества джахилийи «со всеми их многочисленными видами» – будут «отсталыми»⁵⁵⁰. Поэтому создание мусульманского общества – это не только путь к освобождению, но и путь к цивилизации.

Какие же формы правления предусматривает Кутб для своего совершенного общества? В «Вехах» он не уделяет этому большого внимания, но и молчанием эту тему не обходит. Несмотря на то что люди должны подчиняться Богу, а не другим людям, должны существовать некоторые учреждения, следящие за исполнением божественной воли и законов. Кутб пишет, что ислам должен установить «политическую, экономическую и социальную систему, которая позволила бы движению освобождения приступить к практическим действиям после уничтожения господствующей силы»⁵⁵¹. Однако он принципи-

ально избегает подробно описывать эти новые учреждения. После создания мусульманского общества, пишет он, «оно будет иметь свою реальную жизнь, нуждающуюся в организационных и законодательных структурах. Только в таком случае исламская религия начинает утверждать системы и издавать законы для народа, окончательно подчинившегося этим системам и законам, категорически отвергающим всякие другие системы и законы».

Необходимо сначала создать общество, и лишь затем можно планировать создание конкретных учреждений и систем. Это принципиальный вопрос. Попытки заранее продумать политическую систему мусульманского общества необходимо пресекать на корню. Лишь сами люди в истинно мусульманском обществе могут создать необходимые им учреждения, в соответствии с волей Бога:

«Те же люди, которые в наши дни хотят от Ислама, чтобы он создавал теории, чтобы он создавал формы для систем, чтобы он создавал законодательные акты для жизни в то время, когда на всей земле нет общества, которое практически решило бы следовать закону Аллаха Единственного и отвергало бы всякий другой закон и обладало бы властью, способной обеспечить реализацию этого закона, совершенно не понимают природы исламской религии и не знают, как Ислам функционирует в жизни, как то должно быть по воле Аллаха»⁵⁵².

Другой аргумент заключается в том, что невозможно свести мусульманское общество к какой-либо простой схеме: «Исламское общество с точки зрения его формы и масштабов, разновидности господствующей в его рамках жизни не представляет собой незыблемый исторический образ». Как следствие, Кутб допускает, что мусульманская цивилизация может «принимать различные формы в процессе своего материального развития». Мусульманское общество должно быть гибким в том, что касается внешней формы. Однако «гибкость – это отнюдь не расплывчатость», и принципы и ценности исламской цивилизации должны оставаться неизменными⁵⁵³.

Разумеется, основная идея состоит в том, что свод законов шариата в мусульманском обществе установит чёткие границы функционирования этого общества. Это касается, в частности, области, которая очень беспокоила Кутба, а именно сексуальной морали и совместной жизни. В «Вехах» он не особенно вдаётся в детали своего представления о том, что есть правильное мусульманское понимание сексуальных взаимоотношений. Однако в других работах он упоминает, что шариат предписывает строгое наказание за сексуальную неверность – то есть за любые сексуальные связи вне брака. Женатые мужчины и замужние женщины, совершившие подобный проступок, должны быть наказаны смертью через побиение камнями. Неженатые мужчины и незамужние женщины, замеченные в сексуальных связях, должны получить наказание в виде ста ударов кнутом. Также и другие виды преступлений заслуживают весьма сурового наказания согласно этим законам: «Тот, кто угрожает общественной безопасности, должен быть приговорён к смерти, или же распят, или же четвертован, или выслан из страны»⁵⁵⁴.

Совершенное общество, описанное Кутбом в «Вехах», напоминает традиционный мусульманский халифат. Тем не менее система халифата прямо в книге не упоминается, и тому может быть несколько причин. К примеру, Кутб мог считать, что система халифата в том виде, в котором она фактически существовала последние несколько столетий перед упразднением, не вполне соответствует его представлению об устройстве совершенного мусульманского общества. Вместе с тем в некоторых своих работах Кутб открыто выражает ненависть к Мустафе Кемалю, упразднившему халифат в 1924 году⁵⁵⁵.

Кутб придавал большое значение изучению истории в поисках образцов для подражания. Однако он считал достойными изучения не все периоды истории. Особенно важен для него один-единственный период, а именно – самое первое поколение мусульман, «поколение сподвижников Пророка». Существовали и другие исторические прецеденты, но не в такой массовой и упорядоченной форме, «никогда не было так, чтобы в одном месте и одновременно проживало столь огромное число таких людей, как случилось в первые годы становления Ислама».

Что же особенного было в этом первом поколении? Первоисточником, из которого черпало это поколение, был непосредственно «Коран, и только он». Коран был единственным источником их знаний и вдохновения. И это было осознанно. Первое поколение опиралось исключительно на Коран вовсе не потому, что «у человечества в то время не было цивилизации, никакой культуры и науки», это было «предписанное намерение и искомый путь». Все посторонние влияния – индийские, китайские, византийские, персидские, иудейские и христианские – решительно отменялись. Первое поколение искало истину в Коране и только в нём.

Контраст со следующими поколениями мусульман был разительным. Последующие поколения искали вдохновения и в других источниках: «В источнике, из которого черпали последующие поколения мусульман, были слиты воедино философия и логика древних греков, легенды и представления древних персов, иудейские догмы и положения христианской религии, а также прочие пережитки различных цивилизаций и культур».

Ислам перемешивался с этими другими источниками, и это замутняло и разрушало мусульманскую веру⁵⁵⁶. Именно из этих соображений Кутб отвергает существующие мусульманские общества и государства. Они не чисты, они извратили идеи и догмы ислама. «Всё, что вокруг нас, – джахилистское», – сетует Кутб. «Представления людей, их верования, их традиции, истоки их культуры, искусство и литература, их законоположения и законы несут в себе отпечаток языческого невежества». Это касается и всего того, что мы привыкли считать мусульманским обществом и мусульманской культурой: «Даже на многом из того, что мы считаем исламской культурой, исламскими институтами, исламской философией и исламским мышлением, стоит печать языческого невежества». От всего этого необходимо избавиться. Наша

задача состоит в том, чтобы «возвратиться к изначальному чистому источнику, из которого черпали силы первые мусульмане»⁵⁵⁷.

Но, черпая вдохновение в прошлом, необходимо было создать нечто совершенно новое. Необходимо было принять «намерение» первого мусульманского поколения, а не его конкретные (исторически обусловленные) военные и политические средства.

САИД КУТБ: ПЕРМАНЕНТНАЯ МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Освобождение людей во всём мире провозглашалось правом ислама, а следовательно, создание совершенного и всемирного мусульманского общества было также и обязанностью всех мусульман. Кутб выражал это право и этот долг со всей возможной настойчивостью: «Ислам имеет право выводить людей от поклонения себе подобным рабам к поклонению Аллаху, и только ему, с тем чтобы реализовать свою всеобъемлющую декларацию господства Аллаха над всем сущим и освободить всех людей»⁵⁵⁸.

Здесь напрашивается вопрос о пути, ведущем к этой высокой цели, о том, какими средствами добиться освобождения человечества.

При этом необходимо помнить, что Кутб был революционером. Он считал, что необходим революционный разрыв с существующим порядком – со всеми формами джахилии. В работах Кутба такие слова, как «бунт» и «революция» используются исключительно в положительном смысле, по крайней мере в том, что касается мусульманского бунта и революции. Для него ислам является революцией «во всех видах, порядках и системах человеческой власти». Ислам – это «всеобщий бунт повсеместно на планете, где в той или иной форме власть принадлежит людям»⁵⁵⁹.

В этой связи имеется одно важное уточнение. Кутб утверждает, что ислам – «прекрасный, гармоничный, чистый и возвышенный», и считает недопустимым пропаганду ислама как лишь одного из возможных политических решений: «Мы не должны оставлять людей в покое, пока они не поймут, что Ислам – это не какая-нибудь социальная концепция местного значения, равно как он и не является одной из систем местного значения, выступающих под различными названиями и знамёнами»⁵⁶⁰. В этом высказывании заключается мысль, которая незримо присутствует во всех рассуждениях Кутба о совершенном мусульманском обществе. Между исламом и немусульманскими политическими идеологиями нет ничего общего. Из этого следуют вполне очевидные представления о пути к цели: необходим полный и решительный разрыв с существующим порядком.

Кутб резко расходится во мнениях с другими мусульманами – в его глазах, мнимыми мусульманами, – которые пытаются связать ислам с другими философскими системами, к примеру говорящими о «демократизме Ислама» или «социализме Ислама» с целью сделать ислам более удобоваримым для демократов и социалистов. Также отмежевывается он и от идеи о том, что «существующая в их мире соци-

альная, экономическая, юридическая ситуация, с точки зрения Ислама, нуждается лишь в незначительных поправках». Всё это, по мнению Кутба, не что иное, как хитрая лесь и «потакание прихотям»⁵⁶¹.

Подобные компромиссы являются ошибкой. Переход от «джахилии, которая охватывает большую часть земли», к исламу – это не просто «незначительные изменения в частностях систем и ситуаций». Необходим «трудный и продолжительный по времени переход», «полный переход от одной системы жизни к другой системе». Необходимо «ликвидировать начисто» всё, что напоминает о джахилии⁵⁶². Лишь глобальные перемены могут спасти человечество⁵⁶³.

Такие рассуждения, вне всяких сомнений, относят Саида Кутба к революционным идеологам. Он решительно отвергает стратегию реформирования, представления о том, что можно постепенно двигаться от существующего в состоянии джахилии мира в направлении совершенного мусульманского общества. Когда нам необходимо «целиком переходить из одной жизни в другую», мы не можем сделать это путём «частичных изменений». Подобные попытки лишь укрепляют существующее состояние джахилии: «Но что может оправдать переход от джахилистской системы к системе исламской, в то время как исламская система предусматривает лишь незначительные изменения здесь и незначительные исправления там? Логичнее в таком случае оставить привычную устоявшуюся систему, по крайней мере хотя бы потому, что эта система уже существует и подходит для осуществления реформ и исправления»⁵⁶⁴.

Кутб обрисовывает перспективу тотального революционного разрыва с существующей системой в очень ясных и бескомпромиссных выражениях: «Ислам не приемлет компромиссных решений с джахилией ни с точки зрения представления, ни с точки зрения порядков, проистекающих из этого представления. Если чему и быть, то либо Исламу, либо джахилие. Не существует такого положения – наполовину Ислам и наполовину джахилия, – которое принял бы Ислам и испытал бы удовлетворение. Позиция Ислама чёткая и заключается в том, что правда – одна и что всё, что кроме этой правды, – заблуждение»⁵⁶⁵.

Кутб признаёт, что «некоторые стороны» ислама могут походить «на стороны жизни людей джахилии». Но считать, что у ислама и джахилии есть какая-то общая основа, ошибочно. Сходство некоторых элементов – это всего лишь «внешнее, второстепенное сходство по отдельным аспектам» и «чистая случайность». «Корни» деревьев совершенно различны – в одном случае корнем является промысел Аллаха, в другом – страсти человеческие⁵⁶⁶.

Различие между этими двумя мирами носит фундаментальный и абсолютный характер. Ислам знает только два типа обществ, пишет Кутб: мусульманское общество и общество джахилии⁵⁶⁷.

Впрочем, бывают и исключения. Кутб допускает, что некоторые формы естествознания и технологий относительно независимы от противостояния между исламом и джахилией. В том, что касается «естественных наук», пишет он, мусульманин может учиться как у му-

сульман, так и у немусульман и уточняет, что к таким наукам относятся «химия, естествознание, биология, астрономия, медицина, промышленные и сельскохозяйственные отрасли науки, методы управления, причём исключительно административно-технический аспект, технические приёмы труда, чисто технический аспект ведения войны и боевых действий и т.д. и т.п.».

Эти предметы и знания не связаны с «формированием представления мусульманина о жизни, Вселенной и человеке, о цели его бытия и сути его функции, о характере его связей с окружающим его миром, связей с Творцом всего этого бытия», а также с «принципами, законоположениями, системами и порядками, которые организуют его личную жизнь и жизнь в обществе», равно как и не зависит это знание от «нравственных и этических норм, традиций и обычаев, ценностей и критериев, которые господствуют в обществе и формируют черты этого общества».

Дело обстоит иначе с гуманитарными науками, социологией и юриспруденцией. Здесь противостояние между мирами действует в полную силу. Эти области знания целиком пронизаны либо исламом, либо джахилией⁵⁶⁸. Таким образом, между двумя противостоящими, по мнению Кутба, мирами имеется некая нейтральная область. В некоторых вопросах даже джахилийя может сделать что-то полезное. Другими словами, если понимание Кутбом ислама и тотально, эта тотальность допускает исключения.

Но не считая описанных исключений, противостояние между двумя мирами абсолютно, и оно подразумевает определённую стратегию перехода к совершенному мусульманскому обществу. До того как совершенное мусульманское общество утвердится повсюду, ему придётся какое-то время существовать бок о бок с обществом джахилийи. Но в современном Кутбу мире, как мы помним, истинно мусульманских обществ не существовало вовсе. Все общества, называвшие себя мусульманскими, пребывали на самом деле в состоянии джахилийи. Однако если – и когда – истинно мусульманское общество будет создано, оно должно иметь определённую стратегию по отношению к окружающему миру.

Кутб утверждает, что абсолютное противостояние существует и что единственно возможные отношения между двумя описанными социальными системами – это отношения войны. «Существует одна-единственная земля – обитель Ислама (дар аль-ислам)», – пишет он. Признаком того, что исламское государство (*dawla*) наконец создано, станет подчинение этого государства исключительно законам шариата и установление такого общественного порядка, «где мусульмане в отношениях между собой – близкие и друзья». Всё, что противопоставлено этому дому ислама – любые другие страны и социальные системы, – следует рассматривать как «территорию войны (дар аль-харб)». Мусульмане могут выбирать: «либо ведение борьбы с ним, либо заключение перемирия при условии гарантии безопасности для мусульман». Однако даже в случае заключения мирного договора между обителью ислама и территорией войны это будет лишь времен-

ная мера: «Эта территория не считается обителью Ислама и не может быть и речи о лояльных отношениях между населением этой территории и мусульманами»⁵⁶⁹.

В другом месте говорится, что «ислам заявит о своём примирении с ними лишь в том случае, когда они заявят о подчинении его власти, о согласии выплачивать джизью и о гарантиях свободного распространения исламского призыва без каких-либо материальных препятствий со стороны существующих у них властей»⁵⁷⁰. Очевидно, это также означает, что любые мирные соглашения носят временный характер и заключаются на условиях мусульманского общества.

Подобные рассуждения указывают на то, что Кутб был не просто революционно настроен: он хотел вооружённой революции. Другими словами, он стремился к расширению своего совершенного мусульманского общества до масштабов всего мира, и это расширение могло и должно было происходить посредством военных действий. Наивно думать, что людей всей земли можно освободить лишь при помощи слов, утверждал Кутб, учитывая, какие препятствия на пути распространения ислама воздвигнут его враги. Один из наиболее содержательных отрывков «Вех» во всей своей последовательности и простоте звучит следующим образом: «Кто прогрессивно понимает природу исламской религии, понимает неизбежность динамического продвижения к Исламу в виде Джихада с использованием меча, наряду с Джихадом с использованием разъяснения»⁵⁷¹.

Под вооружённым джихадом он понимает применение насилия для создания совершенного мусульманского общества и расширения его до масштабов всей планеты. Кутб считает ошибочным понимание такой борьбы как исключительно «оборонительной». Так понимают джихад «малодушные и колеблющиеся под давлением сущей действительности». Вероятно, они стали жертвами «коварного наступления востоковедов». Речь не идёт и никогда не шла об «оборонительном движении» в узком смысле. Мы должны применить необходимую силу для завоевания всего мира и подчинения его идеям ислама. Это приведёт к освобождению всего человечества. Ради такой цели любые средства могут стать приемлемыми.

Кутб размышлял также о различных формах вооружённой борьбы и некоторых других средствах достижения цели. Он говорит об освобождении человека на земле «средствами, адекватными всем аспектам человеческой действительности», осуществляемом на различных этапах, «каждый из которых имеет свои собственные обновляющие средства»⁵⁷². Историческая ситуация должна определять конкретный метод ведения вооружённой борьбы.

Если же мы настаиваем на термине «оборона», пишет Кутб, то его следует понимать совершенно иначе и гораздо более широко, чем это делают обычно. Необходимо смотреть на вооружённую борьбу как на «защиту человека» от «угрозы всех тех факторов, которые ограничивают его свободу и препятствуют его освобождению». Обладая подобным широким пониманием обороны, можно заниматься «истинной мотивов исламского подъёма на земле с использованием Джихада»⁵⁷³.

Однако главная мысль состоит именно в том, что применение физического насилия – вооружённого джихада – необходимо независимо от того, «находится ли исламская родина – а если сказать правильно с мусульманской точки зрения – мир Ислама, – в безопасности или под угрозой со стороны соседей»⁵⁷⁴. Кутба не интересуют мирные, оборонительные стратегии и ограниченная область распространения. Однако в периоды опасности для дома ислама вооружённая борьба может временно сводиться к обороне в узком смысле⁵⁷⁵. При этом не стоит путать подобные временные и вынужденные меры с долгосрочной стратегией. Общая стратегия ислама – наступательная. Кутб стремится не просто к вооружённой всемирной революции, ему нужна перманентная мировая революция – состояние непрерывной революционной войны против всех врагов ислама, вплоть до полной победы и реализации совершенного мусульманского общества. Вооружённая борьба есть «явление постоянное, а не преходящее», и «освободительный порыв Джихада всегда будет противостоять узурпатору, пока вся власть не перейдёт в руки Аллаха Всевышнего»⁵⁷⁶. В другом месте он ещё более отчётливо выражает связь между великой целью и необходимыми средствами её достижения: «Сама природа исламского бытия предполагает изначальное продвижение вперёд во имя избавления человека на земле от порабощения другим человеком и приобщения к служению и поклонению Аллаху, и только Ему. Ислам не может останавливаться у своих географических границ, как и не может ограничивать свою деятельность в каких-то этнических пределах, оставляя человека, весь человеческий вид на земле, на всей земле, на откуп злу, растлению и поклонению кому-то другому, кроме Аллаха»⁵⁷⁷.

Учитывая подобную революционную программу и подобное отношение к вооружённой борьбе, вполне естественно, что Кутб считает революционность долгом ислама. И здесь он снова обращается за вдохновением к первому поколению мусульман. Мы должны вновь обратиться к Корану «с чувством восприятия к исполнению и действию, – пишет он, – а не ради изучения и наслаждения»⁵⁷⁸. Истинные мусульмане в глазах Кутба – революционные активисты, а не философы-теоретики.

Именно в этом свете следует толковать утверждение Кутба о том, что ислам – это больше, чем просто вера. Ислам обязан действовать, и это обязательство распространяется на всех мусульман до единого. Ислам «вправе действовать изначальное», он также имеет право и обязанность «выводить людей от поклонения себе подобным рабам к поклонению Аллаху». Ислам является, или должен стать, могучим организованным движением, распространяющимся по всему миру: «Ислам – это не только вероучение, которое он призван декларировать для людей путём распространения проповеди. Мусульманская религия – это закон, который воплощается в организационной динамичной общности, выступающей за освобождение всех людей»⁵⁷⁹.

Один из аргументов в пользу перманентной вооружённой революции состоит в том, что враг не отдаст власть без боя. «Власти преде-

жащие на шее у рабов и узурпировавшие власть Аллаха на земле, – пишет Кутб, – не отступятся от своего правления под действием увещевания и разъяснения». Но важно также, чтобы средства воздействия, используемые мусульманским движением, были гибкими. Движение должно «взаимодействовать с человеческой действительностью при всех её аспектах через посредство адекватных этим аспектам средств», – пишет он⁵⁸⁰.

Разумеется, отдалённость между существующим состоянием (при котором всё, или почти всё, является джахилией) и желаемым совершенным мусульманским обществом является стратегической проблемой. В таких условиях революционная борьба становится долгосрочной необходимостью. Правильная стратегия подразумевает, что в первую очередь необходимо сформировать сознательный, революционно настроенный авангард. Кутб пишет: «Оно [возрождение] начинается с решительно вознамерившегося достигнуть этой цели авангарда, который идёт по праведному пути, который пробивается на этом пути через пучину языческого невежества, установившего своё полное господство во всех уголках земли».

Передовому отряду потребуется руководство, ему потребуются «вехи на пути Аллаха». Именно эта стратегическая необходимость и дала название всей книге Кутба⁵⁸¹. Передовой отряд должен избавиться от всех составляющих образа жизни и мышления, свойственного джахилие. Его религиозное мировоззрение не должно носить чисто теоретический и созерцательный характер. В соответствии с представлениями Кутба о деятельном характере ислама, мировоззрение передового отряда должно «воплощаться немедленно в динамичной общности»⁵⁸². Таким образом, этот отряд должен состоять из революционных активистов, и жизнь отряда должна строиться вокруг чистой и истинной формы ислама. Это означает, что все члены отряда должны очистить себя «от восприятия законоположений со стороны кого-либо, кроме Аллаха», они должны организовать всю свою жизнь «на основе принципа истинного поклонения». Следуя этим предписаниям, отряд превратится в «мусульманскую группу», и эта группа может начинать строительство «мусульманского общества»⁵⁸³.

Подобная группа может представлять собой реальную альтернативу обществу джахилии, и таким образом может проходить «зачищение нового общества», общества, которое бросит вызов и начнёт борьбу против джахилии, оно сможет служить образцом для подражания и привлекать на свою сторону правоверных. Но в силу доминирующего положения и враждебной настроенности джахилии необходимо, чтобы новое общество в течение некоторого времени накопило силы прежде, чем заявить о себе. В противном случае оно может не выдержать давления: «Естественно, что новое мусульманское общество возникает и утверждает свое бытие лишь в том случае, когда оно для противодействия давлению старого джахилистского общества достигает такой степени могущества, такой силы убеждённости и мировоззрения, такой силы нравственности и психического склада, такой силы организации и общественного созидания, которые

позволили бы ему выступить против джахилистского общества, победить его или, по крайней мере, выстоять в борьбе с ним»⁵⁸⁴.

Сам Кутб за свои убеждения был казнён через повешение режимом Насера. Это была в некотором роде мученическая смерть. И в «Вехах» он прославлял мучеников за веру: «Наивысшая форма победы представлена превосходством духа над материей, триумфом вероучения над страданием, победой веры над искушением». Он напоминает о том, что битва разворачивается не только на земном плане: лишь за пределами земного существования будет сведён баланс и верующие получают награду⁵⁸⁵. В предисловии к изданию «Вех» 1998 года говорится, что долг каждого верующего – следовать примеру самого Кутба и отдать свою жизнь, если это потребуется⁵⁸⁶. Это даёт нам возможность толковать «Вехи» в том числе и как призыв к акциям самоубийства, хотя прямо об этом в книге не говорится.

Прославляя мучеников, Кутб причисляет себя к той же политической традиции, к которой принадлежал Хасан аль-Банна, первый лидер «Братьев-мусульман». В конце 1930-х годов аль-Банна написал памфлет «Джихад», завершающийся словами горячего одобрения в адрес всех мучеников среди мусульман. Эти слова вполне можно описать как кровожадные: «Братья! Умме, которая знает честную и благородную смерть, гарантирована возвышенная жизнь в этом мире и вечное счастье в высшем. Позор и бесчестье ждут того, кто слишком любит этот мир и боится смерти. Поэтому: будьте готовы к джихаду и станьте возлюбленными смерти»⁵⁸⁷.

Кутб завершает «Вехи» рассуждением о смысле борьбы: по его мнению, она ведётся не по причинам политического, экономического или национального свойства. Подобные конфликты являются лишь производными, и что хуже – враг сознательно пользуется ими для отвлечения внимания. К примеру, «мировое движение крестоносцев» пытается убедить нас, что «Крестовые походы были прикрытием колониализма». Но в действительности это было не так. Как тогда, так и сейчас смысл битвы вовсе не в экономике и тому подобных вещах. Эта битва является битвой исключительно за веру, пишет Кутб. И верующие не должны поддаваться на отвлекающие манёвры. Человеческое бытие разделено на две сферы: «безбожие или вера; джахилийя или Ислам – иного не дано»⁵⁸⁸. Всё в мире делится на чёрное и белое, третьего не дано. И, как настоятельно утверждает Кутб, битва закончится победой одной из сторон: либо останется джахилийя, либо ислам. Существует только одна истина, и с ней не может быть компромиссов⁵⁸⁹. Битва за веру бескомпромиссна, фундаментальна, абсолютна и апокалиптична.

ХОМЕЙНИ: ИСЛАМИЗМ КАК АНТИИМПЕРИАЛИЗМ

Теоретическая и политическая работа аятоллы Хомейни «Исламское правление» – является сборником лекций, прочитанных в Наджафе в 1969–1970 годах⁵⁹⁰. Противники Хомейни сравнивают эту книгу с «Моей борьбой» Гитлера⁵⁹¹. Исламская революция 1978–

1979 годов и возникшая в результате исламская республика являются, по всей видимости, попыткой претворить в жизнь изложенные в книге идеи. Интересно следующее высказывание муллы Крекара о революции Хомейни: «...революция не менее важная, чем Французская и Великая Октябрьская революция. Принципы и программа были иными, но масштаб и значение те же»⁵⁹².

В общих чертах Хомейни излагает в «Исламском правлении» те же позиции и то же понимание ислама, что и Кутб в «Вехах на пути» (не считая теологических разногласий, проистекающих из того, что Хомейни был шиитом, а Кутб суннитом). Однако есть некоторые любопытные различия.

Хомейни полностью и безоговорочно присоединяется к восприятию ислама как тотального и всеобъемлющего учения. «Ни одна самая малая часть человеческой жизни» не упущена исламом, пишет он. Аллах установил «законы и практические дела человека на Земле от момента, предшествующего его рождению, до того, когда он уйдёт в могилу»⁵⁹³. Важнейшими источниками этих законов являются, по мнению Хомейни, Коран и хадисы*, и у Хомейни есть весьма интересное наблюдение насчёт того, где находится акцент в законодательных элементах исламского вероучения: «Значение положений Корана, связанных с делами общества, по отношению к тем, что связаны только с культовыми обрядами, больше, чем сто к одному». Также и в объёмных хадисах большая часть текстов связана с «социальной, экономической, юридической и политической сторонами жизни, то есть с жизнью общества в целом»⁵⁹⁴.

Этот отрывок является частью довольно длинного полемического рассуждения о характере и области применения ислама. Для Хомейни важно подчеркнуть, что он воспринимает аполитическое понимание ислама, в соответствии с которым ислам должен касаться только вопросов веры и морали, и «ничего не говорит об управлении обществом» как ошибочное и редукционистское⁵⁹⁵. Другими словами, политическая программа является не просто правомерным элементом ислама, но также полностью интегрированным, важным и необходимым элементом. Религия является политикой, политика является религией. В исламе содержится решение всех политических, социальных и экономических проблем. Ислам имеет право на урегулирование всех межчеловеческих отношений и организацию управления государством, в его сферу входят «судебная процедура, гражданское право, уголовное право, международные отношения»⁵⁹⁶.

Как и Кутб, Хомейни считает, что необходимо решительно порвать с прошлым. Однако, в отличие от Кутба, ему выпала честь самому организовать и провести революцию. Далее, Хомейни также подчёркивает императив к действию, содержащийся в правильном понимании ислама. Хомейни утверждает, что долг всех мусульман, независимо от того, в какой части света они находятся, – сделать всё возможное «во имя

* Хадисы – совокупность преданий о поступках и изречениях Мухаммеда, составляющая сунну. – *Примеч. ред.*

победы Исламской Политической Революции»⁵⁹⁷. Как и Кутб, Хомейни подчёркивает универсальный характер мусульманского вероучения. Будучи шиитом, Хомейни поддерживает идею имамата (власти имама) вместо халифата, но оба мыслителя убеждены в необходимости создания мусульманского государства в масштабах всего мира⁵⁹⁸. Кроме того, Хомейни, как и Кутб, выражает недовольство существующими формами халифата и другими якобы мусульманскими обществами, существовавшими за всю историю ислама, хотя, учитывая шиитскую теологическую платформу, Хомейни имеет несколько иные представления о том, что пошло не так в 660-е годы, нежели Кутб⁵⁹⁹.

Имеется и ещё один аспект, указывающий на поразительное сходство идей Хомейни и Кутба. Поскольку оба они особо выделяют политический аспект ислама, они понимают соответственно и политическую деятельность, предполагая активное вмешательство в политику и передачу всей государственной власти исламу⁶⁰⁰. Традиционно доминирующая шиитская идеология в Иране предпочитала держаться на расстоянии от политических вопросов. Лекции Хомейни 1969–1970 годов предполагали резкий разрыв с этой традицией⁶⁰¹.

Единственное важное отличие Хомейни от Кутба – помимо чисто теологических расхождений – это рассуждения Хомейни об империализме и колониализме. Оба они невольно восхищаются превосходством западных технологий и экономического развития, сопровождая это восхищение рассуждениями о превосходстве ислама в других, более важных областях. «Пусть себе едут на Марс или за пределы Млечного Пути – они всё равно не достигнут настоящего счастья», – пишет Хомейни, предположительно комментируя первую высадку на Луну⁶⁰².

Для Кутба попытка представить борьбу между исламом и джихилией как антиимпериалистическую борьбу была исключительно отвлекающим манёвром. Для Хомейни антиимпериалистические настроения стран третьего мира были органичной частью исламской позиции. Уже на первой странице вступления в «Исламском правлении» он называет «империалистов» главным врагом ислама: они «начали своё империалистическое вмешательство в дела мусульманских стран около трёхсот лет назад, стремясь искоренить ислам и осуществить свои далеко идущие замыслы».

Империалисты стремились к «политической власти». По мнению Хомейни, они не попытались обратить мусульман в христианство потому, что сами в него не верили. Империалисты представляют собой группы «в некотором роде даже более сатанинские, чем евреи, с которыми движение ислама вынуждено было бороться «с самого начала своей истории»⁶⁰³.

Подобные риторические выпады пронизывают всю книгу. Борьба между правильным пониманием ислама и «врагом» постоянно толкуется как борьба против империализма. Например, Хомейни настаивает, что именно империалисты заронили семена ошибочного понимания ислама, в соответствии с которым ислам не должен регулировать законодательство и государственное управление, каковое понимание было впоследствии принято некоторыми представителя-

ми ислама. «Империалисты» и их «марионетки» сознательно пытаются ослабить и разобщить мусульман, «помешать религии соблюдать порядок в огромном мусульманском обществе», чтобы отнять у нас «наши сырьевые богатства» и получить «рынок сбыта их товаров»⁶⁰⁴. Именно империализм виновен в упразднении халифата и разделении мусульман на множество стран и народов: «Империалисты и своекорыстные титанические правители сообща разделили Исламское общество. Они разъединили Исламскую умму и искусственно создали разные нации». Хомейни пишет, что западные страны и Россия вступили в сговор против Османской империи и разделили добычу между собой, хотя при этом признаёт, что «сами оттоманские правители оказались некомпетентными, погрязшими в коррупции, не имели истинного правления, следовали монархической системе». Однако империалисты боялись, что «бесправные граждане поднимутся и объединятся, чтобы сбросить тиранию»⁶⁰⁵.

Единственной позитивной альтернативой империализму и его марионеткам является ислам. Однако даже при описании характера ислама Хомейни пользуется типичной риторикой стран третьего мира: «Ислам – религия непримиримых личностей, стремящихся к правде и справедливости. Это религия тех, кто хочет свободы и независимости. Это школа борьбы против империализма»⁶⁰⁶.

Истина и справедливость, свобода и независимость, борьба против империализма. Эти слова имели широкое хождение между 1970 и 1979 годами как среди мусульман, так и среди прочих народов. Вероятно, то, что Хомейни объединил исламизм с антиимпериалистической риторикой стран третьего мира, было одной из причин, по которым его исламская революция получила столь широкую поддержку на ранней, решающей стадии – как в самом Иране, так и в других странах. Многие исследователи указывали на этот факт, как и на то, что Хомейни во многом брал пример с известного ссыльного иранского антиимпериалиста Али Шариати (1933–1977)⁶⁰⁷.

Ещё одно отличие Хомейни от Кутба состоит в том, что в «Исламском правлении» содержится гораздо больше конкретики по поводу формы правления и политических учреждений, чем в «Вехах». Для Хомейни, как и для Кутба, правление пророка Мухаммеда является идеалом мусульманского государства. Однако Хомейни гораздо подробнее пишет о том, как именно правил Мухаммед: «Толкуя и разъясняя постулаты веры, он претворял в жизнь законы Ислама, возрождая исламское государство. Он не боролся за претворение законов в жизнь, а претворял их: рубил руки, приказывал бить плетью и избивал камнями. После Благороднейшего Посланника Преемник должен был делать то же самое»⁶⁰⁸.

В соответствии с таким представлением о совершенном мусульманском обществе у Хомейни имеется собственное видение необходимых мусульманских институтов. К примеру, он подчёркивает, что исламская форма правления должна быть «конституционной», а не «тиранической». При этом он подчёркивает, что конституционность правления следует понимать в исламском контексте, а не в обычном

смысле этого слова, подразумевающим парламентскую систему и народные собрания: «Оно конституционное в том смысле, что правители подчиняются установленным положениям в руководстве и управлении страной, положениям, которые были предписаны благороднейшим Посланником в Благородном Коране и Сунне»⁶⁰⁹.

Другими словами, правители мусульманского общества ограничены рамками ислама, что в этом контексте означает божественные законы, стоящие выше любых других законов и аргументов. В этой ситуации потенциально заключается идейный конфликт: каким образом несовершенные люди и институты смогут править в полном соответствии с совершенными божественными законами? Поскольку могут возникнуть неясности в толковании и применении законов, Хомейни предлагает передать всю полноту власти знатокам законов. Или одному знатоку. Он решает потенциальный конфликт, просто дав карт-бланш одному избранному правителю: «Два качества – знание законов и справедливость – присущи всем нынешним факихам. <...> Если появится достойная личность, обладающая обоими качествами, она сможет занять место Благороднейшего Посланника (мир и благословение с Ним) в управлении обществом, и долг всех остальных – подчиняться ей»⁶¹⁰.

Независимо от того, будет ли управление государством осуществляться одним человеком или несколькими, Хомейни уверен, что государственное управление является всего лишь средством. Оно никогда не должно восприниматься как самоцель, так как «средство, не употреблённое на достижение благородных целей, не имеет ценности»⁶¹¹.

Цель же может быть только одна – совершенное мусульманское общество.

Норвежский мусульманин-шиит и исламист Тронд Али Линстад неоднократно выступал в поддержку центральных идей философии Хомейни. В сжатой и точной форме мы найдём изложение этой идеологии в статье «Мусульманский манифест», опубликованной в газете «Афтенпостен» в январе 2010 года⁶¹². Линстад полагает, что норвежские мусульмане «должны знать, как им относиться к бытовым и более серьёзным вопросам». Далее он утверждает, что Аллах является «высшим авторитетом», «единственным авторитетом», и что ни один мусульманин не должен «поклоняться кому-либо, кроме Аллаха». Мусульмане должны уважать норвежское правительство, но они не должны «принимать идеи и нормы, от государства или кого-либо ещё, несовместимые с исламом».

Исходя из этого, Линстад категорически заявляет: «Мусульмане не верят в либеральную демократию». Государство является светским институтом, и оно оказывает давление на мусульман. Поэтому мусульмане имеют право «создать оппозицию государству».

Тронд Али Линстад считает ислам «наступательной религией». Он «касается всех», он «революционен», он «стремится изменить мир к лучшему». Он является «наилучшей верой».

Что касается образа врага, здесь на первый план выходят США и Израиль. США является «гегемонной державой, держащей военные базы по всему миру». Однако и норвежское государство «участвует в войнах, непосредственно или опосредованно», в особенности это касается «молчаливой войны против населения Газы». Наравне с США и Израилем норвежские власти несут ответственность за то, что «морили голодом жителей Газы». В более широком смысле врагом является «политический империализм, то есть США и их союзники». Американское главенство должно «встретить сопротивление», констатирует Линстад.

Однако он одобряет далеко не все стратегии борьбы против гегемонии США. Линстад пересекает в этом смысле условную границу. С одной стороны, он дистанцируется от тех, кто «выбирает замкнутость по отношению к миру вокруг». Он пишет, выбирая слова, явно напоминая о том, что некогда он состоял членом норвежской маоистской партии АКР, что они «предаются сектантству и догматизму».

С другой стороны, есть люди, которые хотят поспособствовать распространению ислама «зрелищными акциями и бездумным применением оружия». Подобные акции против США и из союзников «не всегда плохи», однако они «наносит ущерб всем без разбора – и гражданскому населению, и военным», а те, кто их проводит, «не всегда мудры в выборе союзников».

Третья группа мусульман «ассимилируется с западной культурой и становится её частью». Они должны, пишет Линстад, «сделать сознательный выбор».

Манифест Линстада породил волну комментариев, многие из которых были весьма критическими. Многие комментаторы настойчиво указывали на то, что его понимание ислама проистекает из его маоистского прошлого⁶¹³. Он подвергся критике и со стороны мусульманских кругов⁶¹⁴.

Тем не менее нельзя не заметить, что манифест Линстада является довольно точным выражением взглядов Хомейни: ислам наступателен, революционен и должен создать новый мир. Мусульмане противостоят либеральной демократии и светской западной культуре. Они борются против империализма и колониализма; США, Израиль и их союзники являются основными врагами. Вооружённая борьба против врагов приемлема и необходима, но нужно проявлять разборчивость в средствах.

Как и в политическом труде Хомейни, вопрос о расколе мусульман на суннитов и шиитов не поднимается, речь идёт о мусульманах как о единой общности. Как и Хомейни, Линстад претендует на единственно верное понимание ислама. Альтернативные понимания не просто отвергаются: Линстад провозглашает себя рупором мнения всех мусульман. То есть он приписывает себе знание истинных интересов всех мусульман вообще. Как и Хомейни, а также многие другие исламистские идеологи, Линстад не лишён некоторой противоречивости в своих взглядах. С одной стороны, он говорит о тотальном подчинении Богу, а с другой стороны, твёрдо убеждён в том, что

единственное верное понимание божественной воли принадлежит ему самому⁶¹⁵.

ТРИ ДВИЖЕНИЯ: «ХАМАС», «ХИЗБ УТ-ТАХРИР» И «АЛЬ-КАИДА»

Чтобы получить более полное представление о том, каким образом проявляются в наше время тоталитарные идеи исламизма, стоит изучить идеологическую базу трёх различных исламистских движений: «ХАМАСа», «Хизб ут-Тахрира» и «Аль-Каиды».

Основополагающие элементы идеологии палестинской организации «ХАМАС» («Исламское движение сопротивления») изложены в хартии – принципиальной программе – написанной в 1988 году⁶¹⁶. Самая важная идея сформулирована в статье 1, гласящей, что программой движения является сам ислам. Именно из ислама «ХАМАС» «черпает все свои идеи, понятия и мировоззрение, к нему оно обращается при вынесении решений и постановлений», и именно ислам «является для движения путеводной звездой».

В статье 2 говорится, что «ХАМАС» является отделением «Братьев-мусульман», а точнее, «одним из филиалов» этой организации в Палестине. Тем самым они задают как идеологический, так и географический ориентир. С одной стороны, деятельность «ХАМАСа», согласно этой статье, ограничивается территорией Палестины. С другой стороны, заявлено, что эта деятельность является частью чего-то большего. Как говорится далее в статье 2, «Братья-мусульмане» являются «глобальной организацией» и имеют глобальную цель. Что касается локальной, региональной цели, то к задачам «ХАМАСа» относится «освобождение Палестины».

Идеологические связи и перспектива становятся более чем ясны из предваряющей хартию цитаты из Хасана аль-Банни («мученик имам Хасан аль-Банна, мир его памяти»): «Израиль будет существовать, пока ислам его не уничтожит, как и всё, что было до него»⁶¹⁷.

Итак, Израиль должен быть уничтожен, и уничтожить его должен ислам – «как и всё, что было до него». И даже если задачи у «ХАМАСа» географически ограничены, они, без всякого сомнения, являются воинственными.

Что касается средств освобождения Палестины, то они довольно конкретно – и весьма воинственно – сформулированы в статье 8: «Его путём станет джихад, и умереть во имя Аллаха есть его высшее желание». В статье 15 перспектива джихада уточняется и расширяется: «В тот день, когда враг присвоит себе хоть часть мусульманской территории, джихад станет личным долгом каждого мусульманина». И это не просто теоретические постулаты, они наделяют всю организацию «ХАМАС» императивом к действию, который мы также находим в идеологии Кутбы.

Для «ХАМАСа» освобождение Палестины в первую очередь означает превращение всей Палестины в мусульманское общество. Организация стремится «водрузить знамя Аллаха над каждой пядью

палестинской земли» (статья 6). Палестина должна стать мусульманской страной для всех грядущих поколений вплоть до Судного дня (статья 11). Однако «ХАМАС» обязуется «соблюдать права человека и руководствоваться исламской терпимостью по отношению к приверженцам других религий» (статья 31).

Далее «ХАМАС» подчёркивает, что берёт на себя социальную ответственность, и уточняет, что мусульманское общество будет построено на принципе «взаимной социальной ответственности». Это означает, что будет оказана «экономическая и моральная помощь всем нуждающимся, а также предоставлена помощь в выполнении отдельных задач» (статья 21).

В конце хартии в нескольких статьях формулируется описание противника «ХАМАСа». Во-первых, это евреи и их политическая сионистская идеология. Отношение ХАМАСа к евреям бескомпромиссно, если не сказать – кровожадно, и это видно во всех статьях хартии. Кроме того, это отношение явно сформировано под влиянием теорий мирового заговора. Согласно хартии «ХАМАСа», за рядом организаций и институтов стоит всемирный еврейский заговор, и евреи несут ответственность за такие исторические катаклизмы, как Французская революция, Великая Октябрьская революция в России и обе мировые войны. В качестве обоснования приводятся широко известные «Протоколы сионских мудрецов» (статьи 22, 23). В хартии говорится, что евреи основали ряд организаций для сокрытия своего заговора и достижения цели – в том числе открыто названы масоны, Ротари-клубы и Лайонс-клубы⁶¹⁸.

Не считая паранойи по поводу всемирного заговора, интересны ещё три аспекта идеологии «ХАМАСа», связанные с представлением о врагах. Во-первых, «ХАМАС» связывает сионизм с империализмом (см., например, статью 32). Уточняется также, что империалистов направляют и контролируют евреи. Согласно хартии, евреи «могут взять под контроль империалистские силы и заставить их колонизировать многие страны с целью эксплуатации ресурсов этих стран и распространения в них коррупции» (статья 22).

Подобное представление об империализме как о главном зле придаёт всей хартии «ХАМАСа» антиимпериалистский характер, сближающий организацию с Хомейни и Кутбом, а также указывает на прямое влияние со стороны палестинских марксистских организаций, таких, как ФАТХ или Народный фронт освобождения Палестины (PFLP).

Кроме того, хартия содержит и более конкретные претензии к евреям и империализму. Так, в статье 22 говорится, что они, развязав Первую мировую войну, способствовали «разрушению исламского халифата». Упоминание халифата в этой связи упрочает связь «ХАМАСа» с «Братьями-мусульманами».

Далее, в хартии даётся широкая, даже всемирная картина событий: все мировые конфликты являются в действительности проявлениями борьбы между исламом и неверием, между добром и злом. «В тот день, когда ислам заявит о себе, – говорится в статье 22, – силы

неверных объединятся, чтобы остановить ислам, поскольку все неверные являются частью единого целого».

Итак, неверные объединятся против ислама. По всей видимости, к неверным относятся также «коммунисты на Востоке и крестоносцы на Западе» (статья 25). Такова всемирная апокалиптическая картина, обрисованная в хартии и напоминающая о философии Саида Кутба, и именно в эту картину вписывает «ХАМАС» свою борьбу против Израиля.

Политическая партия «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения), как и «ХАМАС», имеет свои корни в Палестине и является в своём роде представителем исламистской тоталитарной идеологии, хотя и в несколько ином ключе, чем «ХАМАС».

Истоки возникновения партии целиком лежат на Ближнем Востоке. Партия была основана в Иерусалиме в 1952 году. Основателем и идеологическим лидером партии был Мухаммед Такиуддин Хадж аль-Набхани (1909–1977)⁶¹⁹. Набхани тесно общался с Мухаммедом аль-Амином Хуссейни, великим муфтием Иерусалима и ярким антисемитом, верным союзником Гитлера во Второй мировой войне⁶²⁰.

«Хизб ут-Тахрир» был и остаётся политической партией. С самого своего основания эта партия критиковала «Братьев-мусульман» и подобные организации за недостаточную политическую активность⁶²¹. Также с самого основания «Хизб ут-Тахрир» ставил себе глобальные цели и задачи. Партия имеет отделения в целом ряде стран, в том числе западных, таких, как Великобритания, Дания, Германия, Франция и Нидерланды. Кроме того, партия ведёт свою деятельность в США, Канаде и Австралии. Во многих государствах, в том числе мусульманских государствах Ближнего Востока, партия, однако, находится под запретом. Членов партии преследуют и притесняют за их политические убеждения⁶²².

Каковы же эти политические убеждения?

«Хизб ут-Тахрир» является революционным исламистским движением, ставящим себе целью создание всемирного и единого мусульманского государства. Это мусульманское государство должно принять форму халифата⁶²³. Ещё в 1953 году аль-Набхани издал проект конституции, которая должна была лечь в основу исламского халифата⁶²⁴. Программное заявление гласит:

«Хизб ут-Тахрир является политической партией, чьей идеологией стал ислам. Работой партии является политика, а ислам является её идеологией. Партия работает над созданием исламской уммы (нации) с целью, чтобы эта умма приняла ислам в качестве своей веры и привела его к восстановлению халифата, управляемого законами Аллаха»⁶²⁵.

В новом мусульманском государстве законы ислама – шариат – будут обладать неограниченным действием и управлять «всеми жизненными вопросами». Халифат должен объединить все мусульманские страны и общества, и «Хизб ут-Тахрир» мечтает о том, что это мусульманское государство «снова станет ведущим государством мира,

как было раньше». Однако долгосрочная перспектива ещё более глобальна. В конце концов халифат должен охватить всех людей во всём мире: «Партия стремится к тому, чтобы обратить в свою веру всё человечество и повести умму на борьбу против куфра (собирательное название всех неверных), их систем и философии до тех пор, пока вся планета не окажется обращена в ислам»⁶²⁶.

Что касается свода законов шариата, идеологический программный документ партии гласит, что эти законы действуют «всегда и везде», что они «решают юридические проблемы людей в любое время и в любом месте» и касаются «всех человеческих трудностей, как бы часто они ни возникали и в чём бы ни состояли»⁶²⁷. Другими словами, это всеобъемлющие законы. Партия придерживается самого строгого из возможных толкований этих законов. К примеру, супружеская неверность карается побоем камнями и сексуальные связи вне брака – бичеванием, а для мусульман, отказавшихся от мусульманской веры, предписывается смертная казнь⁶²⁸. Один из авторов считает также, что отступников от веры можно казнить в миллионных масштабах при необходимости⁶²⁹. Немусульмане в мусульманском обществе также должны подчиняться законам шариата, и наказания для них предусмотрены такие же, как и для мусульман: «Государство применяет исламские законы шариата к каждому, кто имеет гражданство (*tabi'yyah*), мусульманин он или нет»⁶³⁰.

В совершенном мусульманском государстве, к которому стремится «Хизб ут-Тахрир», мусульманам будет запрещено защищать какие-либо идеи, кроме ислама, и под исламом подразумевается его правильное понимание. Но уже до создания этого государства наложен строгий запрет (*haram*) на участие мусульман в «коммунистических, социалистических, капиталистических, националистских, патристических, сектантских или масонских партиях»⁶³¹.

Одним из тоталитарных элементов в идеологии «Хизб ут-Тахрира» является представление о том, что партия всегда права. В этом не должно быть ни малейших сомнений. Так, в программном документе «Концепция Хизб ут-Тахрир» говорится, что «малейшая тень сомнения в верности идеологии приведёт к фиаско и, вероятно, к куфру и восстанию, храни нас от этого Аллах»⁶³².

«Хизб ут-Тахрир» делит мир на две половины: ислам и неверие, а это означает ислам и все остальные идеологии («дар аль-ислам» и «дар аль-куфр»). Эти миры пребывают в состоянии непрерывной и бескомпромиссной борьбы. Характерно, что один из идеологических трудов организации называется «Неизбежность столкновения цивилизаций» (англ. *The Inevitability of the Clash of Civilizations*)⁶³³. К последней категории («дар аль-куфр») относятся в том числе страны и общества, «чьё население в большинстве своём является мусульманским, но государственная власть не принадлежит исламу». В таких обществах мусульмане должны «призвать к учреждению исламского государства»⁶³⁴.

Подобное противостояние является одной из форм войны, а в войне, считает «Хизб ут-Тахрир», мусульмане имеют право использовать любые средства, в том числе насилие и массовый террор. Рито-

рика программных документов местами отличается кровожадностью: «Что же до тех, кто находится в состоянии войны (*harb fi liyah*) между своими и чужими, никакие мирные соглашения не могут быть заключены. Этот конфликт следует рассматривать именно как войну, как столкновение на поле боя (*muharibeen fi il-marika*), их кровь законна (*hala*), и то же касается их имущества, за исключением оказавшихся среди них мусульман»⁶³⁵.

Подобное резкое и бескомпромиссное деление мира надвое проводил и Саид Кутб. Вдобавок «Хизб ут-Тахрир» разделяет убеждённость Кутба в том, что в настоящий момент в мире не существует страны, в которой были бы правильно и полностью осуществлены принципы ислама⁶³⁶. Однако в исламистской идеологии «Хизб ут-Тахрира» есть две интересные особенности по сравнению с идеологией Кутба.

«Хизб ут-Тахрир» причисляет к категории куфра такие явления, как политическая демократия и западные светские идеи о правах человека и плюрализме. «Наиболее важные элементы капиталистической идеологии» приравниваются к основным свободам индивида: «свобода вероисповедания, свобода слова, свобода собственности и личная свобода». Эти свободы, считает «Хизб ут-Тахрир», «противоречат исламским законам»⁶³⁷. «Демократическая система» отвергается как система, относящаяся к куфру на основании того, что демократия «установлена людьми и не регулируется законами шариата»⁶³⁸. Саид Кутб наверняка согласился бы с подобными рассуждениями. Однако удивительно то, что «Хизб ут-Тахрир» однозначно связывает эти идеи противника с капитализмом, империализмом и колониализмом. Они подчёркивают, что именно «капиталистическая идеология» защищает и распространяет идеи прав человека и политической демократии.

Так же последовательно отвергается и коммунизм. «Хизб ут-Тахрир» считает коммунизм безбожной, материалистической идеологией, идеологией куфра, которая «тотально и радикально противоречит Исламу как в деталях, так и в целом»⁶³⁹.

И всё же в собирательном портрете врага центральное место занимает именно капитализм. Характерно следующее высказывание «Хизб ут-Тахрира» о современном исламском мире:

«Общество в мусульманском мире находится на прискорбно низком уровне политического развития. Весь исламский мир подвергся колонизации со стороны западных государств и по-прежнему подвергается, несмотря на некоторую видимость самоуправления. Мусульманские общества полностью подчинены интеллектуальному капиталистически-демократическому авторитету. В управлении и политике здесь применяются демократические принципы, а в экономике действуют капиталистические законы».

«Хизб ут-Тахрир» видит необходимым следствием такого положения дел борьбу против западных колонизаторов: «Борьба против западного колониализма должна быть краеугольным камнем всей политической борьбы»⁶⁴⁰.

Подобный ход мысли и формы выражения отдаляют «Хизб ут-Тахрир» от Саида Кутба. В своём желании связать исламизм с антиимпериализмом «Хизб ут-Тахрир» заходит даже дальше, чем Хомейни. Так, они заявляют, что «японцы, индуисты, сикхи и французы исповедуют разные религии, но у них одна цивилизация – капитализм»⁶⁴¹. Капитализму отводится роль злейшего врага, а краеугольным камнем всей политической борьбы становится антиимпериализм.

Более того, «Хизб ут-Тахрир» винит колониализм в том, что ислам редуцирован до вопросов личного вероисповедания и морали. В конце программного документа «Концепция Хизб ут-Тахрира» говорится следующее:

«Партия объявляет войну колониализму во всех его проявлениях и под всеми именами, чтобы добиться освобождения уммы от интеллектуального господства колониализма, искоренить всякие культурные, политические, военные и экономические ростки колониализма с мусульманских земель, а также упразднить искаженное представление, распространённое повсюду колониализмом, о том, что Ислам должен ограничиваться молебнами (*ibadah*) и моралью»⁶⁴².

Ещё одной интересной особенностью «Хизб ут-Тахрира» является то, что организация – по крайней мере, открыто – не поддерживает терроризм. «Хизб ут-Тахрир» декларирует мирную стратегию; борьба за исламский халифат должна быть выиграна в первую очередь посредством интеллектуальных усилий и убеждения. Организация стремится к революционному перевороту в странах, где мусульмане составляют большинство населения, однако революция должна совершиться мирно, путём «бескровного переворота»⁶⁴³. Вероятно, именно поэтому организация не упоминается в контексте «борьбы с терроризмом». Однако это не означает, что организация не симпатизирует движениям, избравшим иную стратегию для достижения своей цели, поскольку цели таких движений и «Хизб ут-Тахрира» во многом совпадают.

При этом декларируемая мирная стратегия не мешает организации придерживаться следующей принципиальной позиции: если правитель мусульманской территории – «дар аль-ислам» – отступит от правильных принципов исламского правления и перейдёт на сторону куфра и если он не захочет вернуться к должному «управлению через ислам», тогда долгом каждого мусульманина является вооружённая борьба против такого правителя⁶⁴⁴.

Ещё важнее такого «права на восстание» (которое само по себе часто упоминается в исламистской политической философии, да и в политической философии вообще) следующее соображение: не совсем понятно, в чём заключается мирная стратегия «Хизб ут-Тахрира», учитывая рассуждения идеологов партии о джихаде. В одном из программных документов партии джихад определяется как «оптимальный вклад в дело Аллаха <...> чтобы слово Аллаха стало суверенно и чтобы служить распространению призыва (*da'wah*) Ислама». В этом смысле джихад является долгом всех мусульман, как вместе, так и по отдельности. Говоря о коллективном долге, «Хизб ут-Тахрир» подчёркивает, что его смысл в том, что «мы должны начать борьбу против

врага, даже если враг не начал борьбу против нас». Поэтому, говорится далее, «джихад не является оборонительной войной, но является войной за то, чтобы слово Аллаха стало суверенно, и наш долг (*wajib*) – способствовать распространению Ислама <...> даже в том случае, если мы не подверглись нападению со стороны куфра»⁶⁴⁵.

Напрашивается следующее толкование этого высказывания: мусульманам даётся карт-бланш в вопросе выбора средств для борьбы за распространение ислама и создание халифата. При необходимости разрешается напасть на врага, и джихад не следует сводить к исключительно оборонительной войне. Можно также предположить, что «Хизб ут-Тахрир» умышленно, из чисто тактических соображений делает формулировки расплывчатыми и двусмысленными – с целью избежать запрета организации.

Гораздо более ясный и последовательный подход к джихаду и применению насилия можно найти в идеологии свободного объединения мусульман, известного как «Аль-Каида»⁶⁴⁶. Идеологическая основа деятельности «Аль-Каиды» в общих чертах совпадает с содержанием «Вех» Саида Кутба. К примеру, лидер группировки Усама бен Ладен, как и Кутб, придерживается представления о бескомпромиссной борьбе между добром и злом, между исламом и неверием, то есть между исламом и всем остальным миром⁶⁴⁷. Очевидно также, что риторика бен Ладена не строится на антикапиталистской и антиколониалистской идеологии, подобно риторике Хомейни и партии «Хизб ут-Тахрир». Вслед за Кутбом он сосредотачивается на чисто мусульманских понятиях и исторических врагах ислама. К примеру, слово «крестоносцы» охотно употребляется как собирательное обозначение нынешних западных государств и обществ.

Однако Усама бен Ладен и его сторонники развили и уточнили некоторые аспекты представления о мире, которого придерживался Кутб. Во-первых, речь идёт о пресловутом императиве к действию – бен Ладен, как никто, является человеком действия, а не слова.

Во-вторых, речь идёт о типе этих действий. Усама бен Ладен и четыре его ближайших соратника стояли за событиями 23 февраля 1998 года, когда «Всемирный исламский фронт» провозгласил джихад против «евреев и крестоносцев». Под джихадом подразумевалась вооружённая борьба, и заявление было полно воинственных пассажей: «Убить американцев и их союзников, как гражданских, так и военных, есть долг каждого мусульманина, где бы он ни находился». В заявлении всех мусульман призывают «убивать американцев и отбирать их богатства, повсеместно и при первой возможности»⁶⁴⁸.

В качестве идеологического обоснования авторы заявления выбирали, вероятно, самый воинственный аят во всём Коране: «А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!»⁶⁴⁹.

После теракта 11 сентября 2001 года бен Ладен, «Аль-Каида» и все им сочувствующие стали практически синонимами терроризма.

Избранная «Аль-Каидой» форма джихада – всемирная вооружённая борьба с применением террористических методов и широким использованием подрывников-смертников – сформировала (и, вероятно, не без оснований) всеобщее представление об исламизме как политической идеологии⁶⁵⁰.

Террористические методы и бескомпромиссное отвержение любых альтернативных пониманий ислама привело, и это вполне естественно, к тому, что «Аль-Каиду» поддерживает лишь весьма узкий, экстремистский круг мусульман и исламистов. Можно сказать, что организованные «Аль-Каидой» акции шахидов и прочие теракты с лёгкостью затмевают все прочие аспекты деятельности этой организации. Заимствуя слова Хасана аль-Банни, можно сказать, что члены «Аль-Каиды» стали «возлюбленными смерти»⁶⁵¹.

Но даже для бен Ладена терроризм в принципиальном смысле остаётся лишь средством для достижения цели. Не самой целью. А целью бен Ладена и «Аль-Каиды» является, как и у других, совершенное мусульманское общество.

Исламистская идеология обосновывает себя исламом и считает себя единственно верным толкованием мусульманского учения. Она стремится получить контроль над всеми аспектами человеческой жизни, в том числе бытовыми вопросами и областью уголовного права. Но прежде всего эта идеология носит политический характер: она предусматривает создание собственных политических институтов и создание нового общества, для чего необходим полный и решительный разрыв с существующими общественными устоями. Совершенным обществом, согласно идеологии исламизма, является всемирное сообщество мусульман, где все политические институты и все человеческие действия подчиняются божественной воле и божественным законам. Исламизм является комплексным движением, в рамках которого имеется множество течений, различающихся, помимо всего прочего, своим отношением к допустимым методам. Но даже идеологи, на словах поддерживающие мирную стратегию, такие, как Маудуди, твёрдо придерживаются идеи «тотальности ислама», согласно которой в совершенном обществе все и всё должны подчиняться божественным законам. Все прочие – в частности, конкурирующие идеологии, – идут не от Бога, а от людей и потому решительно отвергаются.

Революционный характер исламизма более отчётливо проявляется в работах Саида Кутба, и предлагаемые им методы более воинственны и бескомпромиссны. Кутб требует революционного разрыва с прошлым, в том числе с режимами и общественным порядком мусульманских стран. Он не приемлет никаких компромиссов с джахилией, как он собирательно обозначает все идеи, убеждения и формы общественного устройства, не соответствующие правильному пониманию ислама. Предпосылки его философии апокалиптичны: человечество стоит на краю пропасти, и единственным спасением является ислам, который может предложить людям идеальное общественное устройство, совершенные ценности и тому подобное.

Кутб хотел создать истинно мусульманское общество в масштабах всего мира. Его мышление элитарно и содержит в себе императив к действию. Осознанная мусульманская элита должна объединиться для ведения бескомпромиссной и неустанной борьбы. Идеи Кутба отмечены элитарностью также в силу того, что он настаивает на полном и безоговорочном подчинении всего совершенного общества божественным законам – в том виде, в котором их трактуют сам Кутб и его сторонники.

Одним из центральных моментов идеологии Кутба и исламистской политической идеологии вообще является императив к действию. Кутб проповедовал идею перманентной мировой революции, подразумевающей наступательную вооружённую борьбу против врагов любого рода, он считал применение физического насилия необходимой и даже желательной мерой. Ибо цель была так велика, а альтернативы так ужасны, что допустимы были любые средства. Некоторые из последователей Кутба, к примеру Усама бен Ладен, сделали терроризм одним из самых эффективных – и эффектных – методов в своей деятельности. Эффект был таков, что теперь многие люди не видят разницы между средствами и собственно целью.

В отличие от Кутба, который решительно отвергал любые сторонние влияния на ислам, многие исламисты черпают вдохновение в леворадикальных антиимпериалистских и антиколониалистских идеях. К ним относился, в частности, аятолла Хомейни, часто прибегавший к аргументам, заимствованным из антиимпериалистской риторики. Помимо него к подобным аргументам прибегает и палестинское отделение «Братьев-мусульман» – организация «ХАМАС», в чьей идеологии присутствует ещё один типичный для многих исламистских течений элемент: теория всемирного заговора евреев. В этом исламизм невольно повторяет национал-социалистическую идеологию.

ЧЕТЫРЕ ТОТАЛИТАРНЫЕ ИДЕОЛОГИИ – ЕДИНЫЙ ТОТАЛИТАРНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ?

В разделе «...и глобальное мышление: четыре тоталитарные идеологии» (с. 34–37) я попытался дать определение тоталитарным идеологиям и движениям. Отталкиваясь от этого краткого определения и рассмотрев поочерёдно важнейшие постулаты различных политических идеологий, мы можем попытаться ответить на вопрос о существовании и сущности тоталитарного менталитета. Сначала я перечислю сходства и различия между рассмотренными идеологиями в том, что касается целей и средств их достижения. Разумеется, мы обнаружим в этой области значительные различия между четырьмя идеологиями. Давайте начнём с того, как они представляют себе совершенное общество.

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ РАЗЛИЧИЕ?

Совершенное общество национал-социалистов предназначалось лишь для избранных. Счастливицы определяются расовыми критериями, или, говоря точнее, расовой и национальной принадлежностью. Совершенное общество основано на практически рабовладельческом строе, своего рода радикальная и весьма brutальная интерпретация идей европейского колониализма XIX–XX веков. Даже не просто brutальная, а, скорее, жестокая: предпосылкой создания совершенного общества является полное физическое уничтожение евреев – всех до единого. Другой важной предпосылкой является завоевание огромных территорий, население которых либо ликвидируется, либо обращается в рабство. Совершенное общество национал-социалистов по умолчанию находится в состоянии непрерывной войны – либо угрозы войны – с другими государствами и обществами.

Совершенное общество фашистов выглядит далеко не столь угрожающе, но и здесь найдётся место лишь группе избранных, в данном случае – только по национальной принадлежности. Фашистская идеология также предусматривает колонизацию, хотя в несколько более традиционном и менее радикальном смысле, нежели колонизационная модель национал-социалистов.

Другими словами, как национал-социалистическое, так и фашистское совершенные общества являются эксклюзивными: они доступны лишь избранным. Все остальные будут подвергнуты систематическому угнетению либо просто ликвидированы. Эти общества основаны на господстве над другими и угнетении других.

Совершенное общество коммунистов, напротив, предназначено для всех людей на земле. Оно по умолчанию универсально.

То же можно сказать и о мусульманском совершенном обществе. Оно принципиально открыто для всех, и в перспективе оно глобально. Поэтому его тоже можно назвать универсальным.

При желании можно счесть это различие между эксклюзивностью и универсальностью принципиальным. Однако нужно добавить, что для «вступления» как в коммунистическое, так и в мусульманское совершенное общество требуется «входной билет». В случае коммунизма это будет полное и безоговорочное принятие ряда основополагающих принципов общежития. Люди должны настолько уверовать в эти принципы, что необходимость в механизмах принуждения отпадёт сама собой. Общество будет функционировать само по себе, на территории всей планеты – спонтанно и гармонично. В мусульманском же халифате необходимым условием является подчинение исламу как религии и своду законов шариата как правилам, регулирующим все сферы человеческой жизни.

Однако, несмотря на это, коммунизм и исланизм имеют один общий момент: каждый имеет шанс стать частью совершенного общества.

ЧТО ОНИ ПРЕДЛАГАЮТ

Структура и наполнение совершенного общества также различны. Можно лучше понять суть четырёх тоталитарных идеологий, если сопоставить их лозунги и основные понятия, на которые они опираются. Другими словами, что предлагают эти идеологии и чем они пытаются привлечь на свою сторону. Проведём небольшое сравнение.

Исламизм легитимирует себя мусульманской религией и может предложить своим последователям спасение и вечное блаженство в раю после смерти. Это загробное вознаграждение играет, по всей видимости, важную роль в мотивировании террористов-смертников. Однако исламизм как политическая идеология уделяет больше внимания целям и задачам, лежащим в земной жизни. По мнению Маудуди, истинно исламское государство даст своим гражданам справедливость, социальное благополучие, мир и порядок. Лишь ислам может гарантировать людям счастье. Он равняется на общество, современное пророку Мухаммеду – «цивилизацию и культуру без единого признака порока, ущербности или неполноценности» (см. с. 136–137).

Другой идеолог исламизма, Саид Кутб, сулит гражданам совершенного мусульманского общества хорошую жизнь, о которой все мечтают. Жизнь в этом обществе будет справедливой и гармоничной. Она станет такой в результате свержения господства людей во всех его формах и проявлениях. Ислам освободит людей от необходимости служить другим людям, даст им свободу и мирное существование. Мусульманское общество будет единственным цивилизованным обществом на земле (см. с. 145–147).

Для Хомейни мусульманское общество означает право и справедливость, свободу и независимость (см. с. 159–160).

Национал-социализм предлагает свои блага лишь избранным, принадлежащим к германской расе: совершенное общество будет,

говоря словами Гитлера, «организованной общностью людей одной расы». Им национал-социализм обещает цветущие сады необыкновенной красоты. Согласно Гитлеру, это общество будет сверхцивилизацией, которая создаст чудеса культуры. Это будет самое прочное и стабильное человеческое общество, которое только можно вообразить: оно будет основано на законах природы, науке, рассудке и рациональности. Это общество будет полностью вегетарианским.

Роберт Лей заявлял, что национал-социалистическое общество реализует величайшие социальные задачи всех времён. Граждане его будут здоровы, они будут жить в красивых домах, участвовать во всех видах культурной деятельности, путешествовать и получать новые впечатления. Реализованный национал-социализм означает свободу, а путь к национал-социалистической империи есть путь к свободе. Общество будет основано на науке, истине, рассудке, единении и справедливости; граждане его будут приобщены к красоте, достоинству, радости и полноте жизни. А ещё в этом обществе частной жизнью будет обладать лишь тот, кто спит (см. с. 124 и далее). Гиммлер утверждал, что национал-социализм покорит землю, чтобы снова и снованести людям счастье и культуру (см. с. 125 и далее).

Фашизм более скромнен в своих амбициях и предлагает несколько меньше. Тому есть несколько причин. Во-первых, приход фашистов к власти был столь стремителен, что фашистским идеологам пришлось ограничить свою фантазию из соображений политического прагматизма, рассуждая о грядущем совершенном обществе. Ведь в фашистской Италии фашизм был в некотором смысле уже реализован. И несмотря на то, что он был реализован не до конца, фашизму не хватало марксистских представлений о длительном переходном периоде к полноценному совершенному обществу, не говоря уже об исламистской (и отчасти марксистской) идее о том, что в мире на настоящий момент не существует полностью реализованного совершенного общества. Даже у Гитлера и его соратников имелось представление о некой будущей национал-социалистической империи, когда враг будет побеждён раз и навсегда, а новые колонии уже будут завоёваны.

Тем не менее Муссолини и Джентиле были убеждены, что фашизм может предложить решение всех материальных и интеллектуальных проблем, одолевающих людей во всём мире. Претендуя на обладание высшей истиной за всю историю человеческого мышления, фашизм заявлял о создании нового, фашистского человека. Этот человек, следуя путём самоотречения и отказа от собственных интересов, должен был целиком и полностью посвятить себя фашистскому обществу. Так и только так новый человек мог реализовать себя и осуществить своё духовное предназначение, именно в этом заключался смысл человеческой жизни. Это должно было дать человеку счастье, стоящее выше всех материальных ценностей. Каждый индивид должен был стать сознательным участником духовной общности. Фашизм поощрял человеческую деятельность, в основе которой не лежали корыстные интересы. Государство должно было обладать духовной силой. Фашист-

ское совершенное общество построено на принципе коллективизма, и главной его движущей силой на всех уровнях является государство.

Кроме того, фашистское общество обещало свободу – свободу всеобъемлющего государства и индивида в рамках этого государства. Оно обещало социальную справедливость и безопасность, общественное спокойствие, технологический и экономический прогресс. Оно обещало людям (в первую очередь мужчинам) самореализацию через героические действия. Однако фашистское общество, в отличие от многих других совершенных обществ, должно существовать в условиях и за счёт войн и конфликтов. Вечный мир ни возможен, ни желателен, потому что лишь война способна довести человеческую энергию до точки кульминации (см. с. 40–42, 48–49).

Коммунизм должен был, по мнению Маркса и Энгельса, создать всемирное общество без угнетения и эксплуатации, гармоничное государство без войн и конфликтов, без собственно государственной власти, а также без частной собственности. В коммунистическом обществе не должно существовать разделения труда и все члены общества без всякого принуждения будут вносить свой вклад по способностям и получать по своим потребностям. Совершенное коммунистическое общество – это царство свободы (с. 55).

Троцкий представляет себе общество бесконечного коллективного творчества, общество динамичное и постоянно создающее технические и культурные инновации, лишённое материальных и всех прочих забот, целиком состоящее из гармоничных людей, стремящихся к красоте и подчинивших себе как природу, так и собственное подсознание. Коммунистическое общество будет состоять из новых людей, сверхлюдей, где среднестатистический индивид сможет подняться до высот Аристотеля, Гёте и Маркса, и людям откроются новые вершины (см. с. 55–57).

Марксистские философы ГДР, Бём и Дёрге, представляли себе реализованный коммунизм как общество, раз и навсегда победившее угнетение и эксплуатацию, невежество, варварство и войну. Это общество будет намного богаче, чем могут вообразить себе самые смелые фантасты, и все граждане этого общества смогут исполнить любое своё желание в рамках разумного. Речь идёт не только о материальном изобилии, хотя оно неизбежно наступит. Люди в коммунистическом обществе смогут жить по-настоящему достойной жизнью. Отношения между людьми будут разумными, здоровыми и справедливыми. Людям не придётся спешить, и у них будет время на образование, культурный досуг и путешествия. Во всех технологических областях, в том числе и в медицинских технологиях, будет достигнут невиданный прогресс. Кроме того, люди будут поддерживать настолько хорошую форму, что их естественный иммунитет сможет справляться с любыми болезнями. Люди будут жить лучше и дольше, более того: их разум и тело достигнут нового, ранее невиданного уровня гармонии, так что коммунистическое общество будет состоять из цельных людей (см. с. 60–67).

Лозунги и центральные понятия – это не просто случайно выбранные слова. Они обозначают цели и приоритеты идеологии. Они делят мир на врагов и друзей, на добро и зло. Центральным понятиям политических идеологий приписывается глубокий смысл в определённом идеологическом контексте, и толковать их следует именно в этом контексте. Они могут многое сказать о том, к кому обращена данная идеология и на каких струнах человеческой души она пытается играть. Лозунги и центральные понятия обязывают. Может возникнуть необходимость разъяснить их содержание, и зачастую политическим идеологам приходится объяснять, каким образом проводимая политика соответствует заявленным в лозунгах целям и идеалам.

В общих чертах можно сказать, что каждая из четырёх рассмотренных политических идеологий предлагает своим последователям всё: они обещают наладить все аспекты человеческой жизни. Как удачно сформулировали этот посул Бём и Дёрге, все человеческие желания в рамках разумного будут исполнены.

Чаще всего встречается понятие свободы, свобода является высшей и безусловной ценностью в рамках всех четырёх идеологий. Коммунизм является царством свободы, национал-социализм открывает человечеству путь к свободе, исламистское и фашистское общества гарантируют людям свободу. Однако эту свободу следует понимать в четырёх совершенно различных контекстах. Общим является, пожалуй, лишь то, что свобода достижима только через общность, и именно такую, которую планирует построить данная идеология. Лишь после создания такой общности, лишь после полной реализации совершенного общества люди обретут свободу.

Эта идея основана на принципе коллективизма, и все четыре идеологии понимают свободу исключительно в рамках коллектива. Уточним, что представление о свободе во всех четырёх идеологиях напоминает нам Руссо в интерпретации Тальмона: свобода есть действия в соответствии с единой волей народа, то есть с истинными, правдивыми и глубинными интересами народа (см. с. 26 и далее)⁶⁵².

Право и справедливость также являются центральными понятиями всех четырёх идеологий. Каждая идеология по-разному трактует их в своём контексте. Иными словами, эти понятия наполняются новым содержанием в каждой из упомянутых идеологий. Общим для всех является то, что эти понятия в ещё большей степени, чем свобода, претендуют на эксклюзивность: если я прав, значит, все остальные неправы. Во многих языках право является многозначным словом: оно относится к юридической сфере; оно обозначает правоту и правильную альтернативу; понимается как право на какие-либо блага – в общем, все его значения имеют положительные коннотации. Это слово может обозначать, что некто прав в своих эмпирических, логических и иных предположениях, тогда как все остальные ошибаются. Именно на этой многозначности играет коммунистический поэт Луис Фюрнберг (см. с. 90) в своей песне о том, что партия всегда права:

Тот, кто бьётся ради справедливости,
Прав всегда
Против лжи и эксплуатации.

В описаниях совершенных обществ часто встречаются также слова «цивилизация» и «культура». Маудуди, к примеру, взял себе образец, на который трудно равняться: его целью является создание цивилизации и культуры без малейшего признака порока, ущербности и неполноценности. Гитлер стремился к созданию сверхцивилизации, которая будет создавать чудеса культуры. Троцкий говорил об обществе, целиком состоящем из Аристотелей, Марксов и Гёте, покоряющих новые открывшиеся им вершины, – трудно даже вообразить, какие чудеса культуры смогут создать они.

Счастье и гармония. Совершенные общества будут состоять из счастливых, гармоничных людей, жизнерадостных и полных желания жить, как утверждал Роберт Лей. И несмотря на то, что содержание понятия счастье так же зависит от контекста, как содержание понятий свобода, справедливость, цивилизация и культура, здесь имеется нечто общее для четырёх идеологий: счастье не связывается с материальными благами, хотя недостатка в этих благах граждане ни одного из совершенных обществ испытывать не будут. Люди будут счастливы на таком уровне, который находится выше всего материального, пишут Муссолини и Джентиле. Люди будут жить достойной человеческой жизнью, пишут Бём и Дёрге. Между духом и материей (или, как пишут сами авторы, между духом и телом) установится гармония на совершенно новом уровне, и общество будет состоять из цельных людей.

Разум и наука. Марксизм всегда считал себя научной теорией истории, общества и экономики. Коммунистическое общество будет обществом торжества разума и науки, где все отношения между людьми будут разумными, все желания в рамках разумного будут исполнены, а все области технологии достигнут величайшего прогресса. Но и остальные идеологии, каждая по-своему, предъявляют свои претензии на эти понятия. Так, совершенное общество Гитлера должно было быть построено на науке, разуме и рациональности. Один из его ближайших сторонников, Роберт Лей, мечтал об обществе, основывающемся на науке, истине и разуме. Для исламистов, к примеру для Саида Кутба, истина была дана Богом раз и навсегда, но даже он считал, что наука и техника – по крайней мере, целый ряд естественнонаучных дисциплин – стоят выше фундаментального противостояния между исламом и джахилией. Однако гуманитарные науки и юриспруденция являются частью богоданной истины. Учитывая последнюю оговорку, совершенное общество исламистов тоже должно было основываться на естественнонаучном рационализме.

Итак, мы видим целый ряд совпадений между четырьмя идеологиями в том, что касается ключевых понятий: свобода, разум, рациональность, наука. Все эти понятия заимствованы из философии Просвещения, и совпадение в этом наших четырёх идеологий тем

более удивительно, что из них лишь коммунизм признавал себя наследником эпохи Ренессанса. Вновь подчеркнём, что в различных идеологических контекстах эти понятия наполнялись различным содержанием. Национал-социалистическая свобода – это совсем не то же самое, что свобода коммунистов или исламистов. Наука для Гитлера – нечто иное, нежели для Ленина или Кутба. И тем не менее весьма характерно, что столь непохожие идеологии строятся на одних и тех же ключевых понятиях. Очевидно, причина в том, что именно эти понятия находят отклик в сердцах и умах людей, поэтому каждая идеология стремится присвоить эти понятия и использовать в своих целях, наполнив собственным содержанием.

Мир? Достижение коммунистического общества означает конец всех войн. То же самое с исламом. Однако фашизм и национал-социализм придерживаются по этому поводу иного мнения. Для Муссолини и Джентиле вечный мир не является ни возможным, ни желательным состоянием. Гитлер и его соратники также не стремятся к установлению вечного мира.

Очевидно, в этом состоит существенное различие, и оно соответствует разделению идеологий на эксклюзивные и универсальные. Как Муссолини, так и Гитлер видели грядущее совершенное общество живущим в состоянии вечного конфликта с действительными и потенциальными врагами. Именно этот элемент непрерывной борьбы должен был сформировать их совершенные общества. И это тесно связано с идеей о том, что эти общества предназначены лишь для ограниченного круга избранных; всех, кто не входит в этот круг, необходимо победить, завоевать и подчинить себе, в противном случае они будут представлять угрозу совершенному обществу.

Что касается коммунистического и мусульманского обществ, они должны были включить в себя всех людей на земле. Но здесь необходимо помнить об одном важном нюансе: прежде чем это универсальное общество будет реализовано, оно должно пройти через этап войны против своих врагов. В первом случае речь идёт о контрреволюционных социальных классах и целых народах, а также их государственных учреждениях. Во втором случае речь идёт о неверных, об обществе джахилии. Их необходимо победить, при необходимости – военными средствами и физическим насилием, и лишь тогда можно будет говорить о вечном мире.

Таким образом, отношение идеологий к войне и миру зависит отчасти от их эксклюзивности либо универсальности, отчасти от других факторов, причём наполнение самих этих понятий будет различным в различных идеологических контекстах, и высшие ценности в этих вопросах будут различными у разных идеологов.

Уничтожить угнетение и эксплуатацию? В реализованном коммунистическом обществе угнетение перестанет существовать. При этом освобождение от угнетения и эксплуатации являются важными позитивными понятиями и других идеологий. К примеру, в совершенном обществе по версии Саида Кутба люди будут избавлены от необходимости подчиняться другим людям.

Однако ни исламизм, ни фашизм, ни национал-социализм не могут равняться с коммунизмом в этом вопросе. Все три идеологии предусматривают развитую систему социальных и государственных институтов, следящих за законом и порядком и применяющих при необходимости суровые меры наказания. Даже в совершенном обществе Кутба, избавленном от всех форм господства людей над другими людьми, все люди должны будут подчиняться Богу и божественным законам шариата. Эти законы, как указывает Маудуди, предписывают весьма суровые и устрашающие наказания за проступки: сотня ударов кнутом для не состоящих в браке и побивание камнями для женатых и замужних за сексуальные связи вне брака. Также и у фашизма, и у национал-социализма имеются свои своды законов, предусматривающие меры наказания за различные преступления. Зачастую эти наказания тоже весьма суровы.

В этой области коммунизм обещает создать самое утопическое из всех совершенных обществ – в том смысле, что это общество будет более всего отличаться от существующих или некогда существовавших обществ. Коммунизм будет глобальным обществом, лишённым всяких форм принуждения, всякой государственной власти и частной собственности, но обладающим при этом самыми развитыми технологиями. Все остальные модели совершенного общества предполагают наличие государственной власти и институтов, обеспечивающих эту власть, осуществляющих принуждение и предусматривающих штрафные санкции – пусть даже в форме призрачной угрозы.

Впрочем, и в коммунистической идеологии можно найти некоторые намёки на штрафные санкции. В работе «Государство и революция» Ленин пишет о возможности появления эксцессов, пусть и редко, пусть и в виде исключения. С такими эксцессами будет справляться «сам вооружённый народ», поэтому в аппарате принуждения не будет необходимости. Кроме того, предполагается, что постепенно такие эксцессы исчезнут, как исчезнут и причины нищеты и эксплуатации, так что проблемы могут возникнуть лишь на начальной стадии развития коммунизма⁶⁵³.

Вопрос государственных институтов и штрафных санкций редко поднимается в схематичных и восторженных описаниях будущих совершенных обществ. Но что, если, несмотря на всеобщее счастье и гармонию, кто-нибудь всё же нарушит общепринятые правила и нормы? Что, если кто-то откажется принять совершенное общество? Что, если кто-то станет отщепенцем и противопоставит себя коллективу? Если кто-то откажется купить «входной билет», необходимый для того, чтобы стать полноценным членом того или иного совершенного общества, за назначенную цену? А вдруг кто-то заявит, что свобода заключается единственно в свободе мыслить иначе? Что будет с ним?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сопоставить описания совершенных обществ с описанием средств их построения в самом широком смысле – и понять, какие методы каждая идеология считает приемлемыми.

Мораль пьесы Бертольта Брехта «Мероприятие»* состоит в том, что можно применять любые подлые методы, чтобы уничтожить подлость (см. с. 89–90). Если стремишься изменить мир, нельзя останавливаться ни перед чем. А этот мир таков, что его необходимо изменить⁶⁵⁴.

В пьесе Брехта эта мораль формулируется партийным судом, который, помимо всего прочего, считает нужным вникать в потенциальные душевные муки индивида. «Кто ты?», – спрашивает суд. По сравнению с великой целью – изменить мир – отдельный человек ничего не значит, и ему остаётся только смириться с этим и отречься от своих интересов, если это необходимо. В пьесе Брехта подобная необходимость определяется как раз партией. Индивида можно уничтожить, говорится в пьесе, но партию уничтожить нельзя, так как она ведёт борьбу классическими методами, основанными на знаниях о действительности⁶⁵⁵.

Генрих Гиммлер тоже останавливался подробно на соотношении между целью и средствами. В известной Познаньской речи 1943 года он заявляет, что вести разговоры об уничтожении евреев легко, но непосредственному исполнителю подобного задания всё видится иначе (см. с. 128–129). Когда доходит до дела, уничтожение евреев – всех без исключения, в том числе и достойных людей, – является «одной из труднейших задач на свете». Гиммлера при этом беспокоили вовсе не ликвидируемые евреи: их он воспринимал как вредителей, а не как людей, наделённых человеческими качествами. Проблема скорее в том, что массовые убийства отрицательно сказываются на психике исполнителей. Чтобы устоять перед этим воздействием, необходимо закалиться⁶⁵⁶.

Разумеется, Брехт и Гиммлер сильно отличаются друг от друга: и в том, что касается идеологических представлений, и в личных позициях и решениях. Однако можно найти некоторое сходство в выбранной ими аргументации: цель полностью оправдывает любые средства. Цель так важна и велика, что одним своим существованием она делает приемлемыми любые методы, даже самые подлые. Эта цель оправдывает даже поступки, столь тяжело воздействующие на человеческую психику, что исполнители должны похоронить их в своей памяти и никогда о них не заговаривать.

Похожие рассуждения мы находим и у других тоталитарных мыслителей. Так, методы, описанные Троцким в работе «Терроризм и коммунизм» 1920 года, весьма решительны и суровы. Эти методы обусловлены целью, которую Троцкий формулирует в работе «Литература и революция» 1924 года. Этой целью является совершенное общество, населённое Аристотелями, Марксами и Гёте, и ради её достижения можно применять массовый террор, суровую дисциплину и жестокие наказания, в том числе и по отношению к революционному рабочему классу.

* Второй вариант русского перевода – «Высшая мера». – *Примеч. ред.*

То же можно сказать об «Аль-Каиде» и прочих воинственно настроенных исламистских группировках. Они осуществляют террористические акции – направленные против небоскрёбов в Нью-Йорке или школ для девочек в северном Пакистане, – чтобы достичь своей цели, своего идеологического варианта совершенного общества. Все эти мыслители – и Троцкий, и Гиммлер – согласны между собой в том, что террор является необходимым и допустимым средством достижения высокой цели. Критерий целесообразности перевешивает все прочие критерии – к примеру, в философии Гиммлера этот критерий будет работать даже в том случае, если существуют порядочные евреи. И если бы террористу-смертнику пришлось признать, что его теракт, в котором он лишает жизни и себя, и значительное количество других людей, является подлым методом, он оправдал бы себя тем, что делает это ради уничтожения подлости.

И это очень важная мысль. Из всех тоталитарных мыслителей наиболее яркой и символичной фигурой в этом смысле является, пожалуй, Гитлер. Но даже он признавал, что не всякую проблему можно решить при помощи динамита. Как он сам говорил, он верил в универсальность динамита лишь в юности⁶⁵⁷.

В широком смысле вопрос допустимости тех или иных средств является вопросом целесообразности. Приведём пример, максимально далёкий и отличный от того контекста, в котором Гитлер произносил свои речи в штаб-квартире. Тронд Али Линстад весьма ясно выразил свою позицию в комментарии на антиизраильские акции в Осло в январе 2009 года: «Правительство должно принять самые суровые меры для обеспечения мира и занять достойную позицию в этом вопросе. В противном случае им придётся иметь дело с беспорядками в Осло. И меры будут приняты, если в том будет необходимость. Решающим является критерий целесообразности, а не критерий недопустимости насилия»⁶⁵⁸.

Можно, конечно, возразить, что вопрос соотношения между целью и средствами лежит в основе всякого рационального поведения. Ещё до возникновения современного тоталитарного мышления многие философы высказывали мысль, что цель должна определять средства. Утверждение о том, что «цель оправдывает средства», в большей или меньшей степени присутствует в философии Макиавелли, основателя ордена иезуитов Игнатия де Лойолы и многих, многих других.

Однако тоталитарное мышление отличается от большинства других философий тем, что придаёт своей цели столь большое значение, что она безоговорочно оправдывает абсолютно любые средства, даже самые жестокие, если только они признаны целесообразными. Как формулирует это Оттар Дал в осторожных, но точных выражениях: «Глубоко интегрированная в идеологии такого типа ориентированность на цель подразумевает высокую степень свободы в выборе методов, применяемых в политический деятельности, вплоть до применения насилия и террора»⁶⁵⁹.

Именно с такой позиции мы можем оценивать политические движения, ставящие себе далекие, тоталитарные цели, но отвергающие суровые – насильственные и террористические – методы.

К подобным движениям относится, к примеру, исламистская организация «Хизб ут-Тахрир». Они выбирают для себя путь ненасильственной политической деятельности. Впрочем, это движение называет себя революционным, и не вполне ясно, что в действительности означают их заявления о мирной революции, «бескровном перевороте» в странах, где большинство населения исповедует ислам. Ещё больше неясности вносит заявление организации о том, что вооружённый джихад является долгом всех мусульман, и при этом джихад не следует понимать как чисто оборонительную войну. Из этого заявления следует, что «Хизб ут-Тахрир» даёт себе и своим последователям карт-бланш на применение насильственных, если угодно – террористических методов в случае, если это будет признано целесообразным.

Подобные замечания могут быть верны и в отношении многих других тоталитарных движений, не обязательно исламистских. Однако, как мы уже отмечали ранее, идеологию этих движений можно рассматривать диахронически: они, или по крайней мере некоторые из них, приобретают определённый прагматизм в результате непосредственного участия в демократических политических процессах. Изначально ставя перед собой тоталитарные цели, подразумевающие в том числе уничтожение демократического порядка посредством революции, они могут, в результате конкретного опыта политической деятельности и ряда компромиссов с демократическими системами, отодвинуть срок достижения изначальной цели за пределы видимости и постепенно утратить свою тоталитарную направленность.

В этом смысле показателен исторический опыт многих рабочих движений. Изначально социал-демократы стремились заменить капиталистический общественный уклад на нечто иное и совершенно новое, а именно социалистическое общество. Однако неревolutionные социалистические организации стремились достичь этой цели демократическими средствами. Результат их более чем столетней политической деятельности, по крайней мере в Европе, говорит сам за себя: социал-демократы отказались от своей изначальной цели и превратились в демократическое политическое движение в рамках капиталистического общества. Движение стало всем, а цель стала ничем, как некогда сформулировал это один весьма дальновидный социал-демократ⁶⁶⁰. Сто лет назад социал-демократы, подобные Карлу Каутскому, мечтали о постепенном движении общества в направлении социализма по пути реформ. Сегодняшние социал-демократы, вероятно, вообще не имеют понятия о социализме.

Также и коммунистические партии, изначально придерживавшиеся революционных взглядов, пережили подобное превращение в целом ряде стран. Особенно заметно это на примере стран Восточной Европы после падения Берлинской стены. Партии, прежде имевшие монополию на власть в социалистических обществах, теперь являются лишь элементом многопартийной демократической системы. Они

участвуют в выборах наравне с другими партиями, иногда им удаётся получить большинство и сформировать правительство, и тогда им достаётся привилегия управлять капиталистическими экономическими и социальными системами, а на следующих выборах они проигрывают, и власть переходит к кому-то другому. Наиболее категоричные представители некоторых идеологий возражают против такого порядка: они составляют оппозиции внутри партий или откалываются и создают новые, революционные коммунистические партии.

Весьма вероятно, что нечто подобное случится и с революционными исламистскими партиями нашего времени. Хорошим примером является Партия справедливости и развития (АКР) в Турции, в настоящий момент заседающая в правительстве. То же касается и организации «ХАМАС», и сегодняшних «Братьев-мусульман»⁶⁶¹.

Но подобный прагматический путь развития избирается далеко не всегда. Самый простой метод экспериментальной проверки – предоставить конкретному движению реальную власть и посмотреть, что из этого получится. Правда, чистота эксперимента будет обеспечена лишь в том случае, если при этом упомянутому движению не придётся действовать с оглядкой на других – ни на политические учреждения в своей стране (например, вооружённые силы в случае Турции), ни на союзников в лице других стран. Лишь тогда движение получит реальную возможность попытаться реализовать свои цели. Лишь тогда станет понятно, сохранило ли движение преданность цели и каким именно образом избранные средства будут согласованы с этой целью и подчинены ей, а также насколько достижима сама цель.

Существует и ещё один путь изменения соотношения между целью и средствами. Уже во времена мюнстерской коммуны стало очевидно, что некоторым индивидам весьма комфортно в роли палачей и мучителей. В истории современных тоталитарных режимов также найдётся достаточно примеров, когда террористические средства рассматривались как самоцель. Напрашивается мысль, что определённые типы индивидов более склонны примыкать к движениям, известным своим положительным отношением к применению насилия – особенно если движение обладает реальной политической властью. Однако даже в отношении движений, лишённых реальной политической власти, подобный механизм может действовать: движения, считающие допустимым и желательным применение террора и насилия, будут усиливаться за счёт примыкающих к ним индивидов, которым подобные вещи доставляют удовольствие.

В любом случае политические движения следует оценивать в зависимости не только от целей, которые они себе ставят, но и от того, какими средствами они пользуются. В этом смысле «Аль-Каида» сильно отличается от «Хизб ут-Тахрира». В 1970-е годы так же сильно различались немецкая Фракция Красной Армии (RAF) и норвежская маоистская партия АКР, хотя и та и другая могут быть отнесены к тоталитарным движениям.

Вместе с тем было бы не лишним спросить себя – как об этих, так и о других тоталитарных движениях: что было бы, если бы они полу-

чили реальную власть? Этот вопрос справедливо задать себе и в отношении малых тоталитарных движений, подвергающихся преследованиям и угнетению, например, в отношении организации «Хизб ут-Тахрир», запрещённой в целом ряде стран, а также практически всех троцкистских партий и группировок (и, раз уж на то пошло, самого опального Троцкого), подвергавшихся запугиванию и преследованиям со стороны режимов, которые, как справедливо можно утверждать, предали свои первоначальные идеалы. Сюда же относится Саид Кутб и «Братья-мусульмане» во времена правления Насера.

Такие группы, и в особенности их лидеры, принявшие мученическую смерть за свои убеждения, легко вызывают сочувствие. И всё же, даже испытывая глубокое и искреннее сострадание и уважение к ссылке Троцкому и, соответственно, от души негодуя по адресу его преследователей-сталинистов, не следует забывать, к чему призывал сам Троцкий, находясь на вершине своего могущества и авторитета в 1920 году.

В отношении четырёх рассмотренных тоталитарных идеологий к цели и средствам есть ещё два явных сходства, а именно: деятельная сторона самой идеологии и идеологически подкованная группа в авангарде.

Уже Маркс и Энгельс считали коммунистическое учение идеологией действия. Известный одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе звучит следующим образом: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁶⁶². И Маркс, и Энгельс активно участвовали в практической революционной деятельности, особенно в связи с событиями Первого интернационала⁶⁶³. Их последователи старались не отставать. Можно во многом упрекнуть Ленина, Троцкого, Сталина и Мао, но, во всяком случае, они не были пустословными теоретиками.

В итальянском фашизме императив к действию занимал столь важное место, что некоторые исследователи находят в этом основание говорить об отсутствии какой-либо упорядоченной идеологической доктрины. По словам самого Муссолини, доктрина развивалась через действия, «в пылу борьбы», и он неоднократно и настойчиво подчёркивал, что фашизм был одновременно «действием и мыслью»⁶⁶⁴. Гитлера тоже нельзя назвать философом-теоретиком. Для него национал-социалистическое мировоззрение было не просто способом цельного восприятия мира, но и импульсом к действию, к разрушению прежнего мира и созданию нового⁶⁶⁵.

Импульс к действию так же силен и в философии Саида Кутба. Когда он говорит о возвращении к чистому и незамутнённому исламу, он призывает к немедленному «исполнению и действию», а не к «изучению и наслаждению» (см. с. 154–155)⁶⁶⁶. Как и предшествовавшие ему тоталитарные идеологи, Кутб был практикующим революционером: он не только активно участвовал в деятельности «Братьев-мусульман», но и принял мученическую смерть за свои убеждения (а точнее – за убеждения, воплощённые в политической деятельности), тем

самым в полной мере ощутив на себе их практические последствия – подобно Троцкому и другим оппозиционным коммунистам.

Помимо этого ярко выраженного импульса к действию, все четыре идеологии сходятся во мнении, что необходима сознательная революционная верхушка. Эта идея наиболее глубоко обоснована в теории партии, сформулированной Лениным в 1902 году: обычный рабочий не в состоянии развить революционную сознательность без посторонней помощи, необходима элитарная коммунистическая партия, которая сможет привить рабочему классу революционную сознательность. Одним из центральных элементов теории является идея о том, что лишь элитарная коммунистическая партия сможет понять, в чём заключаются истинные интересы рабочего класса. Далее, теория партии содержала обоснование того, что элитарная компартия наметит стратегические цели борьбы рабочего класса, спланирует и проведёт революцию, захватит и будет удерживать власть в социалистическом Советском Союзе – и будет править от лица рабочего класса (см.с. 63 настоящего документа).

Фашизму и национал-социализму не требовалось подобных хитроумных обоснований для того, чтобы небольшая группа сознательной элиты управляла от имени всех остальных. Национал-социалистическое мировоззрение, писал Гитлер, подразумевает, что *«наибольшее влияние и подлинное руководство должны быть привилегией лучших умов»*⁶⁶⁷.

Также и в идеологии Саида Кутба важное место занимает сознательный революционный авангард, «который идёт по праведному пути, который пробивается на этом пути через пучину языческого невежества, установившего своё полное господство во всех уголках земли». Этот авангард должен организовать всю жизнь вокруг чистой и незамутнённой формы ислама. После этого он образует «мусульманскую группу», и уже эта группа сможет заняться созданием «мусульманского общества». «Вехи» Кутба задуманы и написаны как идеологическая инструкция для такого авангарда – чтобы следовать правильным курсом, ему понадобятся «вехи на пути Аллаха»⁶⁶⁸.

Современные тоталитарные идеологии обнаруживают большое сходство с традиционными сектами и культами, в том числе средневековыми милленаристскими сектами. Но имеются и различия. Типичная традиционная секта будет стремиться изолировать себя от мира и спокойно строить свой собственный мир, не конфликтуя с окружающей средой. Современные тоталитарные движения, напротив, нацелены на экспансию, завоевания, вмешательство в окружающий мир и изменение его в соответствии со своими представлениями. Другими словами, эти движения являются политическими. И вместе с тем, говоря словами Тальмона, они носят мессианский характер⁶⁶⁹. Я уже останавливался на тальмоновском понимании политического мессианства (см. с. 18), говоря, что тоталитарные идеологии содержат в себе некоторые характерные для религий элементы и что приверженность тоталитарным идеологиям в общем напоминает о религиозном фана-

тизме. Эту идею можно развить, рассматривая тоталитаризм как политическую религию.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ РЕЛИГИЯ

В современных исследованиях, посвящённых тоталитаризму, понятие политической религии занимает весьма важное место. Это понятие наиболее подробно рассматривается и определяется в работах итальянского исследователя Эмилио Джентиле⁶⁷⁰. Вслед за ним это понятие включили в свои работы такие выдающиеся исследователи, как Роджер Гриффин и Майкл Бёрлей⁶⁷¹. Название научного онлайн-издания «Тоталитарные движения и политические религии» служит одним из подтверждений значительного интереса к этому понятию.

Понятие политической религии впервые появилось в книге австрийско-американского философа Эрика Фёгелина «Политические религии»^{*} в 1938 году. В научном дискурсе 1950-х годов оно было развито и привязано к понятию тоталитаризма⁶⁷². В современных исследованиях это понятие определяется весьма неточно и является довольно противоречивым. Основные признаки политической религии заключаются в следующем.

Политические религии являются современными светскими политическими идеологиями и политическими институтами, различным образом исполняющие в мире роль традиционных религий. Политические религии подразумевают, по словам Эмилио Джентиле, сакрализацию политики. У них имеется много культурных и социальных сходств с религиями, а также много общих с религиями идей в плане содержания. Речь идёт об идейном содержании, в котором мифическое играет главную роль, где большое значение придаётся различным ритуалам, церемониям и символам. Находясь у власти – в виде политических режимов и институтов, – политические религии осуществляют управление таким же образом, как и традиционные религии. Они возвышают определённые ценности и идеи до абсолюта и требуют беспрекословного подчинения, поклонения и активной поддержки.

Эмилио Джентиле и его последователи считают политические религии новым историческим явлением, новой интерпретацией политики. Политика становится чем-то большим, чем управление государством и обществом; она становится всеобъемлющей. Вполне естественно, что политические религии имеют весьма напряжённые, если не сказать враждебные, отношения с традиционными религиями. Проще говоря, они являются конкурентами в борьбе за людские умы. При этом отношения между политическими и традиционными религиями осложняются тем, что политические религии присваивают и ассимилируют какие-то элементы традиционных религий, используя их в своих целях и наполняя новым содержанием.

^{*} Vögelin, Erich. *Die politischen Religionen*, книга не выходила на русском языке.

В этом смысле режимы, основанные на современных политических религиях, отличаются от традиционных теократических режимов. Новые политические религии более динамичны и агрессивны, чем прежние формы правления. Они основаны на идее активной поддержки со стороны всего общества, и они используют мифы, ритуалы и иррациональные элементы как инструменты для привлечения масс.

Тем самым политические религии становятся главным аспектом современных тоталитарных идеологий, движений и режимов. Это понятие кажется мне весьма плодотворным, поскольку оно выводит на первый план мифическое и иррациональное содержание тоталитарных идеологий. Если мы захотим провести масштабное сравнение идеи тоталитарности, имея политические религии и современные общества, с одной стороны, и традиционные религии, с другой, нам может помочь следующее, пусть и весьма упрощенное, схематичное и тривиальное, соображение.

В процессе развития и перехода от традиционных обществ к современным традиционные религии утратили значительную часть своего влияния. В традиционных обществах религия во многих смыслах занимала доминирующее положение. Современные общества секуляризировались, но эта секуляризация оставила многих людей духовно опустошенными. Эта опустошенность особенно отчетливо ощущается в кризисные периоды. Поэтому тоталитарные идеологии отчасти заняли место традиционных религий: они могут дать людям надежду, веру и смысл жизни, они могут поставить современному миру диагноз и предложить новый, лучший мир. Они могут послужить избавлению от тоски по чему-то большему и лучшему, нежели жизнь здесь и сейчас, и дать ответы на многие вопросы и решение для многих проблем во всех областях жизни.

С такой точки зрения или, если угодно, в подобном функциональном аспекте понятие политической религии способно передать саму сущность современных тоталитарных движений. Эта сущность легко улавливается в фашизме, национал-социализме, коммунизме, а также в ислализме.

Впрочем, исланизм как современное явление представляет проблему в терминологическом смысле. С одной стороны, сложно назвать другое политическое движение современности, которое лучше подходило бы в качестве иллюстрации понятия политической религии. С другой стороны, такие теоретики, как Джентиле и Гриффин, настаивают на том, что политические религии по определению являются светскими⁶⁷³. Даже заимствуя множество элементов у традиционных религий, они интересуются только земной жизнью. Они предлагают своим последователям рай уже в этой жизни, а всё, что находится по ту сторону, их не занимает.

Именно в этом состоит существенное отличие исламизма. Он легитимизирует себя традиционной мусульманской религией и называет себя единственно верным толкованием ислама. Террористические исламистские группировки обещают смертникам заслуженное место

в раю, гурий и так далее. Именно поэтому исламизм не вписывается в рамки определения, данного Эмилио Джентиле.

Возможное решение этой проблемы, насколько это терминологическое затруднение вообще представляет собой проблему, лежит в небольшой корректировке исходного определения политической религии. Политическая религия не обязательно должна быть светской в строгом смысле этого слова и полностью исключать все представления о загробной жизни, свойственные традиционным религиям. Достаточно того, чтобы они оставались в первую очередь политическими идеологиями, направленными на организацию земной жизни. При этом они могут заимствовать любые элементы из традиционных религий и легитимировать себя посредством традиционных религий, что не отменяет их политического характера. При этом как заимствованные элементы, так и обоснование политических идеологий традиционными религиями непременно будет получать новый смысл и наполнение в новом контексте.

К этому скорректированному определению политической религии могут возникнуть вопросы и претензии, в частности связанные с тем, что оно делает границу между политической и традиционной религией ещё более размытой. Понятие политической идеологии и без того является недостаточно ясным, а подобное его расширение вовсе не способствует более точному его пониманию.

В этом случае мы можем предложить ввести понятие политизированной религии, то есть традиционной религии, толкуемой и реализуемой в политическом контексте таким образом, что политическая составляющая становится доминирующей.

Из всех крупных политических идеологий современности это понятие будет в первую очередь касаться исламизма, но можно найти и другие примеры. Так, вполне можно представить себе тоталитарные политические идеологии, основанные на фундаменталистском толковании христианства. Существует большое количество отдельных лиц, а также целых сект и организаций, придерживающихся подобных взглядов, – в частности, в США. А если заглянуть в прошлое, можно найти вполне справедливым применение понятия политизированной религии к правлению анабаптистов в Мюнстере⁶⁷⁴.

Подобное различие между политическими религиями и политизированными религиями подчёркивает один весьма важный аспект понятия «политическая религия»: оно применимо в первую очередь к современным светским обществам, иными словами – к обществам западного типа.

В поддержку подобного дополнения терминологического аппарата можно сказать, что политические и политизированные религии исходят из совершенно разных предпосылок. Первые являются исключительно светскими, вторые – религиозными в традиционном смысле. Однако, и это особенно важно для нашего исследования, и те и другие глубоко тоталитарны, и в результате они порождают схожие политические идеологии.

Существует много способов играть в Бога. Можно быть писателем-фантастом и сочинять фантастические повести о межгалактических космических войнах, в которых, к примеру, специальные планетарные торпеды уничтожают целые планеты, населённые миллиардами жителей, – и всё это происходит за один или два абзаца. Можно играть в компьютерные или настольные игры, с тем же результатом. И пока автор или игрок в состоянии отличить фантазию от реальности, его игры в Бога остаются относительно невинными.

Кроме того, можно стать философом и призывать к уничтожению целых наций – к примеру, евреев или контрреволюционных народов – на страницах трактатов или личных блогов. Это уже не столь невинно, но пока эти призывы не порождают попыток воплотить идеи в реальных действиях, можно говорить о том, что они не причиняют большого вреда.

Третий способ состоит в том, чтобы стать лидером какого-нибудь культа: собрать вокруг себя группу сторонников и самоизолировать себя от окружающего мира. Подобные действия приносят вред главным образом непосредственным участникам культа или секты, как, например, произошло в случае Джима Джонса и его последователей в Гайане в 1978 году, когда целая секта совершила массовое самоубийство. И тем не менее даже тогда причинённый ущерб, по крайней мере в масштабе всего общества, будет не столь велик.

Тоталитарные движения отличаются от всего перечисленного тем, что они имеют глобальные амбиции и стремятся изменить, при необходимости – путём военных завоеваний, – весь или практически весь мир. Они экспансивны и проникнуты идеями мессианства. Их идеи и действия имеют далеко идущие последствия не только для участников ограниченной секты: когда – или если – тоталитарные движения получают политическую власть, последствия могут быть глобальны, вплоть до практического – а не в теории – уничтожения целых народов. Яркий тому пример – речи Гитлера в штаб-квартире в 1941–1942 годах.

В этом исламизм тоже разительно отличается от таких чисто политических идеологий, как коммунизм и национал-социализм. Исламисты одержимы идеей полного и безоговорочного подчинения себя Богу, а значит, они весьма далеки от мысли занять Его место. Однако, как мы замечали ранее, исламистская идеология содержит в себе интересный парадокс: параллельно с желанием полностью подчинить себя Богу исламистские идеологи объявляют себя единственными авторитетными толкователями, а следовательно – носителями божественной воли.

Весьма интересную метафору для попытки играть в Бога – или, если угодно, занять Его место – можно найти в работах Зигмунта Баумана, придумавшего понятие «импульс садовника» (англ. *the gardening impulse*)⁶⁷⁵, обозначающее «инженерный подход к природе» и «сози-

дательное отношение к действительности». Бауман убеждён, что в современном мире, сложившемся под влиянием идей Просвещения, люди уже не считают, что создание нового и лучшего мира является задачей Бога. Люди должны делать это самостоятельно, с помощью науки и рационального управления. И некоторые люди подходят к этой задаче чрезмерно ответственно. Выражаясь точнее, «импульс садовника» состоит в идее глобальной социальной инженерии, которая неизбежно подразумевает необходимость массовой «прополки» и геноцида.

Те, кто подчиняется «импульсу садовника», считают себя морально ответственными за создание нового, упорядоченного и гармоничного мира. Предполагается, что при этом они обладают техническими, административными и политическими ресурсами, необходимыми для осуществления этого проекта – или, по крайней мере, попытки осуществления. Они должны – и имеют такую возможность – создать новый, лучший мир. Но для этого им нужно устранить все препятствия, всё, что мешает созданию этого мира и не вписывается в идеальную картину. Если для этого необходимо уничтожить целый народ, желательно иметь эффективные, промышленные средства для осуществления геноцида. Точно так же садовник должен – и имеет право – выпалывать сорняки: «Это видение садовника, проецируемое на экран размером с весь мир»⁶⁷⁶.

Всякий, кому хоть раз доводилось работать в саду, знает, что выпалывать сорняки – это сизифов труд. Не успеешь закончить, как они вырастают снова. И это тоже часть «импульса садовника»: путь к совершенному обществу полон сорняков, и прополка должна идти непрерывно. Она никогда не заканчивается.

В несколько иной, хотя и схожей трактовке тоталитарные амбиции основаны на стремлении к *чистоте*⁶⁷⁷. При желании можно рассматривать тоталитарные цели как стремление к эстетизации – та же метафора с садовником, но в переложении на более практические ремесленные занятия. Впрочем, в стремлении садовника к созданию безупречного сада тоже просматриваются эстетические порывы.

Как метафора с садовником, так и стремление к чистоте акцентируют внимание на основном пункте любой тоталитарной идеологии: её целью является создание совершенного общества – для всего человечества или для избранной его части. Индивиду, которые нарушают безупречность картины, подлежат уничтожению. Несмотря на то что целью заявлено счастье, гармония и свобода для всех людей, индивид имеет ценность лишь в том случае, если он готов занять предназначенное ему место в коллективе.

Философ Лешек Колаковский опирается на понятие революционного менталитета:

«...мысленная установка, характеризующаяся особенно горячей верой в возможность конечного освобождения человечества, а также в то, что освобождение это находится в абсолютном противоречии с существующим состоянием рабства, и между двумя этими состояни-

ями освобождения и рабства не может быть переходных состояний. Полное освобождение человечества является при этом единственной достойной целью, и все прочие ценности, как и средства, должны быть подчинены этой цели. Следовательно, существует только одна возможная цель и ценность, и она заключается в полном отрицании и отвержении существующего мира»⁶⁷⁸.

Итак, в это определение входят многие из пунктов, верные в отношении тоталитарных идеологий: полное отрицание нынешнего положения дел, единственная высшая цель, подчинение всех остальных целей и средств этой высшей цели.

С определением революционного мышления, предложенным Колаковским, хорошо согласуется одно норвежское стихотворение, принадлежащее перу поэта Рудольфа Нильсена и называющееся «Глас революции». Стихотворение было впервые опубликовано 19 июня 1926 года в официальном печатном органе Норвежской коммунистической партии (NKP) «Норгес коммунистблад» под названием «Требование революции»⁶⁷⁹. Целиком оно звучит так:

Дайте мне чистых и смелых, сильных и гордых мужей,
полных терпения, воли, желания никогда не отступать
и не поступаться моей великой идеей, но бороться
за неё до смерти.

Дайте мне холодных и мудрых, разделяющих мою действительность.
Те, кто знает, нужны мне больше, чем те, кто говорит, что верит.
Обещания любви лишь надписи на песке.

Дайте мне горьких и упрямых, не имеющих страха в своём взгляде.
Дайте мне гордых, безбожных, не стремящихся к мистике,
Но желающих смело создавать рай здесь по своему собственному разумению.
Дайте мне горящие сердца, в которых нет места сомнению,
Которые никогда не поддадутся трусости и не попросят отдыха,
Но встретят каждую победу, каждое поражение одинаковой улыбкой.

Дайте мне лучших из лучших, и я дам вам всё.
Пока победа не станет моей, никто не будет знать, сколь много она значит.
Возможно, речь идёт о спасении всей земли – я призываю лучших из вас.

В этом стихотворении, по мнению Юхана Фалтина Бьёрнсена, автора биографии Нильсена, содержится перечень «качеств, необходимых предводителю», это не просто «программное стихотворение», но и «признание, объяснение в любви»: «Бурлящий протест, часто лежащий

в основе стихов Нильсена, здесь превращается в настоящую мужскую страсть». Те качества, которые упомянуты в стихотворении, «касаются не только революционера, но любого мужчины вообще», пишет Бьёрнсен в своём биографическом труде, вышедшем в 1951 году⁶⁸⁰. Более поздние комментаторы воздавали хвалу этому стихотворению в гораздо менее сдержанных выражениях. И это были не только революционные соратники Нильсена: удивительно, насколько широкое распространение получила элитарная революционная поэзия Нильсена.

Требования Нильсена к революционеру – речь идёт исключительно о мужчинах – таковы: он должен быть чист и смел, твёрд и силен. Нельзя не заметить, что критерий чистоты появляется уже в первой строке. Далее, революционеры должны быть готовы до самой смерти бороться за «великую идею», под которой, очевидно, подразумевается революционная коммунистическая идеология. Революционер должен быть холодным и мудрым, он должен быть тем, кто знает. Он должен быть жестким, упрямым и лишённым страха. Он должен быть гордым и безбожным, отвергать религию и суеверия и стремиться к созданию рая на земле по собственному разумению. Очевидно, здесь речь идёт о создании совершенного коммунистического общества после революции.

Он не должен поддаваться сомнениям и страху, не должен смиряться с поражением и соблазняться возможностью отдохнуть от своей революционной деятельности.

В последней строфе речь идёт о том, что революционеры должны быть «лучшими из лучших». Это напоминает нам о том, что речь идёт не просто о борьбе за создание совершенного общества – рая на земле, но и о том, что это вопрос жизни и смерти, спасения или гибели для всего человечества. Альтернатива коммунистическому обществу – это не какое-либо удовлетворительно функционирующее, но прискорбно несовершенное капиталистическое общество. Альтернатива – варварство и полная гибель.

Когда член Норвежской коммунистической партии в 1926 году публикует в официальном печатном органе партии подобное стихотворение, его послание звучит недвусмысленно. Его требование «лучших из лучших», очевидно, является лирическим переложением ленинской теории партии. «Лучшими из лучших» являются элитарные представители идеологически подкованных марксистов, составляющих коммунистическую партию. Они должны провести революцию и построить рай на земле – совершенное коммунистическое общество. Индивид должен пожертвовать собой – целиком и полностью – во имя революционной деятельности, он должен бороться не на жизнь, а на смерть. Для сомнений, рассуждений и слабости просто не должно оставаться места. Как и для самокритики. Недопустимо совершать ошибки, недопустимо прислушиваться к возражениям. Недопустимо склоняться перед кем-либо. В деле коммунистической революции недопустимо прибегать к тем, кто не чист и не смел. Рудольф Нильсен требует себе людей, осознающих свою правоту и готовых действовать, исходя из этого. Какая судьба ожидает контрреволюционеров, в сти-

хотворении не говорится. Не говорится ничего и о том, каковы будут отношения между смелыми и чистыми и теми, кто не так смел и чист, в процессе революции. Не упоминается и о следующем.

Летом 1926 года Сталин и его сторонники были близки к тому, чтобы полностью взять в свои руки власть в Советском Союзе. Троцкий был изгнан из партийного руководства, его сторонники подвергались угрозам, преследованиям, их исключали из партии и брали под арест. Так звучал глас революции, и можно не сомневаться, какую позицию занимала по этому вопросу газета «Норгес коммунистблад».

Тем не менее введенное Колаковским понятие революционного менталитета имеет свои недостатки: оно имеет тенденцию к приравниванию революционного мышления к тоталитарному. Все тоталитарные движения революционны. Но не все революционные движения тоталитарны⁶⁸¹. Революционеры бывают разными, в зависимости от того, какой политический режим устанавливается после революции, какими методами пользуются революционеры и к созданию какого общества они стремятся. Не все революционеры стремятся полностью уничтожить старые порядки. Не все хотят полностью порвать с существующими устоями. Не все революционеры считают, что их цель стоит превыше всех прочих целей и ценностей. Ленин и Мао в этом смысле сильно отличались от Джона Адамса и Томаса Джефферсона, и, раз уж на то пошло, ультралиберальные французские революционеры Жак-Рене Эбер и Луи Сен-Жюст сильно отличались от более умеренных революционеров, таких, как аббат Сийес и маркиз Кондорсе. Введенное Колаковским понятие ничего не потеряет, если его заменить понятием «тоталитарный менталитет».

Образ врага во всех тоталитарных идеологиях очень ярок и целостен. Поскольку тоталитарная идеология всегда считает себя единственным правильным мировоззрением, все остальные способы восприятия мира по умолчанию считаются неправильными. Более того, поскольку лишь правильное мировоззрение способно дать людям совершенное общество, любые альтернативы будут не только бесполезны, но и вредны. Поэтому любые альтернативы правильному мировоззрению всегда считаются упадком и гибелью. А поскольку существует лишь один правильный путь к созданию совершенного общества, всякий, кто пытается утверждать обратное, в лучшем случае глуп, а в худшем – злонамерен.

В результате весь окружающий мир оказывается записан в ряды идеологических врагов. Это касается в том числе и конкурирующих тоталитарных идеологий, а может быть, в первую очередь таких идеологий. Исключением из этого правила являются фашизм и национализм, в лучшие свои времена бывшие союзниками. Также к исключениям можно отнести редкие компромиссы, обусловленные тактическими соображениями и носящие лишь временный характер. Так, коммунизм в идеологическом отношении непримирим к любым формам и проявлениям фашизма, национал-социализма и исламизма. Исламизм столь же непримиримо относится к коммунистической идеологии – что в ва-

рианте Хомейни, который всё же допускал заимствование некоторых идеологических элементов коммунизма, что в варианте Саида Кутба, который решительно отвергал все подобные заимствования. И конечно, все четыре тоталитарные идеологии являются заклятыми врагами либеральной демократии и её основных политических ответвлений.

Сравнивая образ врага в четырёх тоталитарных идеологиях, невозможно не заметить часто повторяющийся мотив всемирного заговора. Не только «ХАМАС» придерживается представлений о глобальном заговоре евреев, несущих ответственность за все войны и революции и контролирующих политические режимы, институты и Ротари-клубы по всему миру. Антисемитские настроения, часто основанные на «Протоколах сионских мудрецов», распространены во всём мусульманском мире и являются важным элементом всей исламистской идеологии (см. с. 163)⁶⁸². После теракта 11 сентября эти теории были пересмотрены и приобрели ещё большую актуальность.

Идеология национал-социализма в значительной мере опиралась на похожую теорию еврейского заговора. Как уже упоминалось, Гитлер открыто ссыался на «Протоколы сионских мудрецов» уже в «Моей борьбе». Он считал, что еврейство всего мира находится в тайном сговоре и контролирует с виду оппозиционные друг другу политические движения либерализм и коммунизм. Именно деятельность евреев является причиной упадка Германии и вообще всего, что в мире идёт не так. Помимо евреев, в национал-социалистических теориях заговора часто упоминались масоны. Они считались нееврейским ответвлением всемирного заговора евреев, или «искусственными евреями»⁶⁸³.

Фашизм в меньшей степени подвергся влиянию теорий заговора. Изначально он даже не придерживался антисемитских взглядов. Однако у Муссолини и его сторонников тоже имелись представления о «тайных силах», которые стояли за спиной политической демократии и осуществляли истинное руководство. Одним из возможных кандидатов на роль этих «тайных сил» было масонство⁶⁸⁴.

В коммунистической традиции теории заговора присутствовали с самого начала. Маркс – в гораздо большей степени, нежели Энгельс, – был весьма подвержен паранойе и написал несколько работ, в которых теории заговора играют значительную роль⁶⁸⁵. Ещё большему влиянию теорий заговора подверглись коммунистические режимы. Наиболее наглядным тому подтверждением являются московские процессы Сталина 1936–1938 годов. В ходе этих процессов многие из прежних коммунистических лидеров обвинялись в участии в заговоре против революции и Советского Союза уже начиная с 1917 года и сговоре с чужеродными силами, под руководством главного заговорщика Троцкого⁶⁸⁶. После Второй мировой войны подобные процессы велись во всех социалистических странах Восточной Европы. В Норвегии подобные обвинения выдвигали друг против друга два крыла Норвежской коммунистической партии (НКР)⁶⁸⁷. В Китае при правлении Мао и непосредственно после его смерти, а также в Албании при Энвере Ходже регулярно проводились чистки, в ходе которых люди,

занимавшие видное положение в правительстве и партии, обвинялись в сговоре с врагом.

Почему же теории заговора играли столь важную роль в тоталитарных движениях и режимах? Тоталитарная идеология в принципе всеобъемлюща и имеет ответы на все вопросы. Всё и всякий, кто стоит на пути создания совершенного общества, является врагом. И если мир в настоящее время не так прост, каким его пытаются представить тоталитарная идеология, и если тоталитарное движение не получает той поддержки, которой оно заслуживает, если путь к совершенному обществу не так прям, как мог бы быть – значит, тому есть свои причины. Одно из самых простых и очевидных объяснений состоит в том, что враг не только злонамерен, но и могущественен. Такое объяснение лишь прибавит в своей убедительности, если заявить, что враг действует тайно.

В более широком смысле теории заговора помогают объяснить возможный зазор между идеологией и риторикой, с одной стороны, и действительностью – с другой. Этот зазор можно назвать когнитивным диссонансом.

Тенденция к использованию теорий заговора для уточнения образа врага становится сильнее в тоталитарных режимах – когда тоталитарная идеология получает реальную власть. Поскольку тоталитарный режим не допускает никаких форм оппозиции, оппозиция, если она существует, должна быть тайной. Это означает, что лидеры тоталитарных режимов вынуждены всё время опасаться тайной оппозиционной деятельности, а это, в свою очередь, делает их более склонными верить в теории заговора. Это является особой формой политической паранойи. Каждый раз, когда обнаруживается некий зазор между официальной идеологией и действительностью, его можно объяснить тайной подрывной деятельностью врагов. Таким образом теории заговора получают и чисто прикладное значение: они дают режиму необходимых козлов отпущения. Московские процессы Сталина и охота на тайных троцкистов в 1930-х годах обусловлены и тем и другим: и политической паранойей, и насущной необходимостью в козлах отпущения.

Кроме того, вполне естественно, что революционные движения всегда подвергаются притеснениям и преследованиям со стороны режимов, которые они хотят свергнуть – как в случае с Первым интернационалом Маркса и революционерами-большевиками в России в 1917 году. Это делает революционеров подозрительными и склонными к конспиративным методам⁶⁸⁸.

ТОСКА И ИСКУС: РЕВИЗИЯ ФИЛОСОФИИ ЭЖЕНА ОЛАУССЕНА

Английский консервативный философ Роджер Скрутон настаивал на том, что все тоталитарные идеологии имеют общий источник, который можно обозначить английским словом *resentment* (фр. *ressentiment*)⁶⁸⁹. В переводе на русский это может звучать как «него-

дование» или «возмущение», однако со значительной долей обиды и чувства несправедливости. Возможно, точнее всего будет перевести это слово как «праведный гнев». Скрутон считает *resentment* феноменом, эмоциональным явлением, которое можно найти в любом обществе. Привлекательность тоталитарных идеологий заключается в том, что они рационализируют *resentment* и призывают всех несправедливо обиженных сплотиться вокруг общего дела.

Возможно, Скрутон слегка перегибает палку, однако в его рассуждениях, без сомнения, есть доля истины. Представление о зле и несправедливости мира вполне может привести человека в ряды тоталитарного движения. Тоталитарные движения революционны, они хотят разрушить старые системы, которые являются источником зла и несправедливости.

Многие могут найти весьма привлекательным это желание уничтожить старый мир, желательно – насильственными методами, вместе со всеми людьми, которые составляют несправедливые системы и, вполне вероятно, нанесли конкретную обиду и ощутимый вред. Мировая литература полна примеров людей, подвергшихся унижению и испытавших на себе несправедливость, мечтающих о мести или же активно осуществляющих отмщение в грандиозных масштабах. Вспомним хотя бы Михаэля Кольхааса, героя Генриха фон Клейста, или пирата Дженни Бертольта Брехта. Тоталитарные идеологии вполне могут, продолжая мысль Скрутона, реализовать стремление к мести на совершенно новом уровне.

Но если проследовать за рассуждениями Скрутона далее, мы увидим, что на дело можно посмотреть и с совершенно другой стороны. Тоталитаризм привлекателен и в позитивном смысле, особенно во времена социальных и политических беспорядков, в кризисные периоды. Впрочем, не только тогда. Тоталитарные движения и идеи кажутся привлекательными не всем, однако в определённые исторические моменты количество сторонников может резко увеличиваться. Тоталитарные идеи апеллируют к недовольным, обиженным, угнетённым и жаждущим мести. К фанатикам, но также к беспокойным умам и идеалистам, которые мечтают спасти мир. По мере того как тоталитарное движение получает больше поддержки и расправляет паруса, если ему сопутствует успех в деле завоевания власти, оно также становится привлекательным для разного рода оппортунистов и приспособленцев.

Здесь уместно будет говорить о тоталитарном искусстве. Углубившись в психологию, мы можем также говорить о тоске по тоталитарности, свойственной людям определённого типа. В обоих случаях это тесно связано с понятиями политического мессианства и политической религии. В тоталитарные идеологии органично вплетаются элементы религии, псевдорелигиозных чувств и религиозной символики. Тоталитарный искус заключается в стремлении к чему-то новому, иному и лучшему, к обществу, лишённому всех пороков нынешнего мира. Тоска по тоталитарности удовлетворяется тем, что тоталитарные идеологии предлагают человеку всё и требуют от него всего – во-

влечённости, преданности, послушания, они дают ответы на все вопросы и претендуют на знание всего общества, прошлого и будущего. Тоталитарная идеология уверена в своей правоте и в том, что все остальные ошибаются. Поэтому она приписывает себе право воплощать в жизнь свою мечту о совершенном обществе. Некоторым тоталитарная идеология даёт смысл жизни: что-то, чему можно полностью посвятить себя, нечто подлинное, великое, прекрасное и благородное.

Эжен Олауссен (1887–1962) первым выразил в словах эту тоску по тоталитарности. Он был одним из лидеров революционных марксистов в Норвегии в период Первой мировой войны и после её завершения и одним из инициаторов резкой радикализации Норвежской рабочей партии (DNA) в то время. Кроме того, в течение многих лет он был редактором газеты «Классекампен», печатного органа молодёжного подразделения рабочей партии. Он бы наверняка оказался первым в рядах «лучших из лучших», к которым обращал свой призыв Рудольф Нильсен. Олауссена называли первым настоящим коммунистом в Норвегии, и после того, как он покинул пост редактора «Классекампен», ему было сказано, что он навсегда останется наиболее выдающейся личностью, когда-либо состоявшей в рядах молодёжной организации Норвежской рабочей партии, и что, «поскольку наше дело является делом будущего, то он, без сомнения, человек будущего»⁶⁹⁰.

Революционные взгляды Олауссена сформировались под влиянием ужасов Первой мировой войны и большевистской революции в России. В рождественском выпуске «Классекампен» за 1914 год Олауссен написал, что капиталистический «дьявольский расчёт оправдался. Люди послушно позволили вовлечь себя в адское пекло войны ради его целей». Однако 1 мая 1917 года газета с ликованием сообщила: «Сегодня вовсе не война является главным вопросом повестки дня в Европе! Мы пришли к следующему этапу: РЕВОЛЮЦИИ!»⁶⁹¹

Олауссен был горячим сторонником ленинского коммунизма, активно поддерживал вступление Норвежской рабочей партии в только что созданный Коммунистический Интернационал (Коминтерн) в 1919 году и яростно обрушился на партийное большинство, проголосовавшее за выход из Коминтерна в 1923-м. Нам необходима, писал он, «партия, построенная на основе демократической централизации, состоящей из активно трудящихся, коммунистически ориентированных и жаждущих борьбы членов, во главе которых стоит сильная и целеустремлённая группа, пользующаяся полным доверием и поддержкой членов партии». Тот, кто противопоставит себя этой элитарной партии, продолжает Олауссен, «на самом деле противопоставит себя диктатуре пролетариата, а следовательно, и победе рабочего класса и революционного движения»⁶⁹².

В целом можно сказать, что Олауссен был весьма безжалостно настроен к тем, чьё мнение не совпадало с его мнением.

Олауссен порвал с коммунизмом в конце 1920-х годов, и после короткого периода в консервативной организации «Федреланнсла-

жет» (Fedrelandslaget) примкнул к национал-социалистическому движению. Будучи пламенным революционером во времена приверженности коммунизму, он остался таковым и после смены идеологии. В сценарии, написанном около 1940 или 1941 года, «Рабочие и Национальное собрание», он пишет о партии Квислинга: «И по мере того, как каждый рабочий понимает, точнее говоря, начинает понимать правильность, устойчивость и безупречность этой программы, ему воссияет новый свет. Он увидит отблеск нового мира, полного восторга, веры, революционной и национальной силы, наполняющей душу истинного национал-социалиста».

Олауссен мечтал о революции в Норвегии во времена Первой мировой войны. В 1940 году он был уверен, что она уже случилась:

«Революция уже здесь! Ни больше, ни меньше. Она началась 26 сентября 1940 года, когда к власти в стране пришёл единственный по-настоящему революционный Фюрер. Но та революция, в разгаре которой мы находимся сейчас и которая разворачивается на наших глазах, является одновременно и норвежской национальной революцией, и частью великой европейской революции, осуществляемой Гитлером и Муссолини»⁶⁹³.

Здесь важно не только то, что Олауссен был и оставался революционером во имя различных идеологий и в разные исторические моменты. Несмотря на смену идеологической позиции, он всё время оставался уверен в том, что прав. Сам он в 1929 году, находясь в процессе перехода от коммунизма к авторитарному, фашистскому национализму, сформулировал это так: «...правы те политические партии, течения или идеи, которые способны наиболее энергично, самозабвенно и осмысленно проводить подобную политику. Они правы с точки зрения жизни и с точки зрения будущего и имеют право взять бразды правления в свои руки и направлять дальнейшее развитие по праву сильного и уверенного в себе»⁶⁹⁴.

В этом рассуждении интересно в первую очередь то, что оно содержит в себе метаидею всего тоталитарного мышления. Оно могло бы выразить позицию Олауссена, будь он коммунистом или национал-социалистом: тот, кто прав в политическом и идеологическом смысле, имеет моральное право взять власть в свои руки и формировать общество в соответствии со своими желаниями.

В 1926 году, будучи ещё коммунистом, отбывая недолгий срок тюремного заключения за свои революционные призывы, Олауссен написал роман. Он назывался «Красный галстук» и содержал отчётливые автобиографические моменты. Главный герой романа по имени Артур Финне – колеблющийся, неуверенный и находящийся в интеллектуальном поиске молодой человек. В результате он склоняется к идеям социализма, и происходит это внезапно: «Но теперь он единым махом оказался в этом кругу. Теперь он ощущал себя рабочим – и социалистом! Теперь он хотел посвятить свою жизнь свержению господства богатых».

Артур сделался частью коллектива, и его жизнь приобрела новый смысл: «Поняв это, Артур как будто стал новым человеком. Вос-

хитительное чувство гордости, даже высокомерия внезапно охватило его, как будто весь мир вдруг предстал перед ним в новом свете, и жизнь его наполнилась новым смыслом».

Герой переживает почти религиозное перерождение: «Прежние христианские Евангелия никогда не могли дать ему столь прочного жизненного фундамента, как это новое, социалистическое евангелие. И в самом деле, социализм стал для него новым евангелием, он стал новым Мессией всего человечества, призванным, чтобы уничтожить несправедливость и дать счастье и радость всем людям»⁶⁹⁵.

В своей автобиографии «От Кремля до площади Юнгсторгет», написанной во время войны и отпечатанной, но так впоследствии и не опубликованной, Олауссен похожим образом описывает свой переход от коммунизма к национал-социализму. В сентябре 1940 года он явился в главный штаб партии «Национальное собрание» (NS) и там обрёл свой новый коллектив:

«Среди этих людей, годами боровшихся за созидательную идею будущего и за возрождение Норвегии, свободных от ложных учений демократии, плутократии, либерализма и коммунизма, среди этих людей я почувствовал себя дома! Я ощутил силу и уверенность, спокойствие и строгую внутреннюю дисциплину во всём их существе, излучавшем власть и уверенность в победе».

Автобиография завершается в тот момент, когда автор и национал-социалистическое движение находятся в расцвете своих сил: «Великая и благородная жизненная цель дана нашему народу! Вот теперь у нас действительно есть что-то, ради чего стоит жить!»⁶⁹⁶

Отметим, что после разрыва с коммунистами личные обстоятельства Олауссена были далеко не безоблачны. Он переживал множество проблем, испытывал пагубное пристрастие к алкоголю и никак не мог найти своё место в обществе. Можно с уверенностью утверждать, что в 1940 году, когда он во всеуслышание объявил себя сторонником Квислинга и национал-социалистом, в действительности он был отчаявшимся маргиналом, исполненным столь метко схваченного Скрутоном ощущения *resentment*.

Впрочем, Олауссен отлично вписывается не только в рассуждения Скрутона. С учётом всего сказанного и написанного им и в бытность коммунистом, и в качестве национал-социалиста он является, пожалуй, ярким представителем того революционного менталитета, о котором пишет Колаковский. А также, насколько я себе это представляю, типичным представителем тоталитарного менталитета: он является пламенным революционером, он хочет уничтожить прежний мир и создать вместо него новый. Он узрел свет, пережил возрождение, он полон восторга и энтузиазма. Он фанатичен, безжалостен к противникам и уверен в своей правоте. Он видит цель и смысл жизни. Избранная им цель велика и благородна. И в качестве коммуниста, и в качестве национал-социалиста он демонстрирует все признаки почти религиозной тоски по тоталитарности, тоски по целостности, по коллективу, стремления принадлежать к числу узревших свет и идущих дорогой к новому, совершенному обществу. Некоторые открывают

для себя Бога; Олауссен открыл для себя по очереди Маркса, Ленина, Муссолини, Гитлера и Квислинга.

Здесь необходимо подчеркнуть, что самовосприятие тех, кого я в этой книге называю тоталитарными мыслителями, может быть отличным от того, что я здесь называю тоталитарным менталитетом. Возьмём, к примеру, норвежского тоталитарного мыслителя и, пусть и не в полном смысле этого слова, правителя – Видкуна Квислинга. В одной из своих программных речей он заявляет, что важнее всего две вещи: понимать своё время и хотеть добра⁶⁹⁷. Он был искренне убеждён в том, что понимает своё время и имеет благие цели. Поэтому он стал во главе коллаборационистской партии, позволил оккупантам назначить себя премьер-министром и готов был сделать всё возможное для превращения Норвегии в национал-социалистическое государство под руководством фюрера. Другой тоталитарный правитель, министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке, в одном из своих последних публичных выступлений заявил, что он любит всех людей⁶⁹⁸. Беря шире, можно говорить о том, что все тоталитарные лидеры руководствовались в своих действиях благими побуждениями.

Игра в Бога, политическое мессианство, политическая религия, импульс садовника, тоталитарный менталитет: все эти понятия призваны описать современных последователей Яна Матиса и Иоанна Лейденского. Новый Иерусалим анабаптистов оставил лишь незначительный след в истории, однако попытки создать совершенное общество в XX–XXI веках имели и имеют гораздо более масштабные последствия.

БЛАГОДАРНОСТИ

Во время работы над этой книгой я вращался в кругу очень приятных и компетентных людей, а именно – среди членов исследовательской группы по тоталитаризму при университете г. Осло. Среди всех, что читал и комментировал фрагменты рукописи этой книги, я хотел бы особенно отметить и поблагодарить Ника Брандала, Терье Эмберланна, Ларса Гюле, Бернта Хагтвета, Бьёрна Арне Стейне, Арве Т. Торсена и Эдварда Торупа. За все ошибки, неточности, разночтения и спорные мысли, которые могут встретиться вам в этой книге, несу ответственность я один.

Осло, июнь 2010
Эйстейн Сёренсен

Если цитируемая работа выходила на русском языке, в скобках приводятся её выходные данные; номера цитируемых страниц приводятся по тому изданию, которым пользовался Э. Сёренсен (прим.перев.).

(Endnotes)

Новый Иерусалим: прелюдия

- 1 Разносторонний анализ периода анабаптистского правления в Мюнстере можно найти в книге Cohn, Norman. *The Pursuit of the Millennium*, с. 252–280. Более современное и подробное исследование: Arthur, Anthony. *The Tailor-King*. Наше исследование строится главным образом на работах Кона и Артура. Классическое литературное описание этих событий можно найти в книге Nashe, Thomas. *The Unfortunate Traveller*, с. 277 и далее (на русском языке книга выходила в виде отрывков: Пуришев Б.И. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Т. II. М., 1962).
- 2 О перевороте см. Cohn, там же, с. 261 и далее; Arthur, там же, с. 29 и далее.
- 3 О падении города и мести анабаптистам см. Arthur, там же, с. 156 и далее.
- 4 Цит. по. Cohn, там же, с. 266; ср. Arthur, там же, с. 60 и далее, с. 135 и далее.
- 5 Сцены массового изгнания описаны в Cohn, там же, с. 262 и далее; Arthur, там же, с. 40 и далее.
- 6 О вандализме и сожжении книг см. Cohn, там же, с. 267 и далее.
- 7 О терроре см. Cohn, там же, с. 268 и далее, с. 273 и далее; Arthur, там же, с. 77 и далее.
- 8 Об усилении террора на заключительном этапе см. Cohn, там же, с. 279.
- 9 Красочное описание кончины Матиса см. у Arthur, там же, с. 65 и далее.
- 10 Дискуссия о возможности распространения тоталитарных идей и режимов до 1900 г. – см. Backes, Uwe. *Totalitarismus – Ein Phänomen des 20. Jahrhunderts?* // Jesse, Eckhard (red.) *Totalitarismus im 20. Jahrhundert*, с. 346 и далее.
- 11 Хрестоматийный труд о миллениаристской традиции, частью которой являлись анабаптисты, – Cohn, там же.

Краткое введение в тоталитаризм

- 12 Новейшие исследования по Первой мировой войне: Audoin-Rouzeau, Stephane; Becker, Annette. 14–18: *Understanding the Great War*; Burgdorff, Stephan; Wiegrefe, Klaus (red.) *Der erste Weltkrieg*. Обзор разногласий: Winter, Jay; Prost, Antoine. *The Great War in History*. Популярный обзор: Strachan, Hew. *The First World War*. Ещё один новейший обзор: Stevenson, David. 1914–1918. Спорная, но заслуживающая внимания работа: Ferguson, Niall. *The Pity of War*. Всё ещё актуальна и классическая работа Taylor, A.J.P. *The First World War*. Отличный обзор на датском языке: Sørensen, Nils Arne. *Den store krig*.
- 13 Об ожесточении, вызванном Первой мировой войной, см. Roberts, David D. *The Totalitarian Experiment in Twentieth-Century Europe*, с. 166 и далее; Audoin-Rouzeau, Becker, там же, особ. с. 159 и далее. О Гражданской войне в России см. Carr, E.H. *The Bolshevik Revolution 1917–1923* (Карр Эдвард. История советской России. Большевицкая революция. 1917–1923. В 2 т. М., 1990). Много информации можно найти в книге, не особенно дружелюбной по отношению к большевикам, Pipes, Richard. *The Unknown Lenin*.

- 14 См. Roberts, там же, с. 167.
- 15 О массовом уничтожении армян см. Larsen, Bård. Nytt liv vil fødes gjennom tyrkiskhet. Другая точка зрения в работе Næss, Ragnar. Etnisk rensing, massakre og folkemord i det ottomanske rikets siste dager // Hagtvæt, Bernt (red.) Folkemordenes svarte bok, с. 156–185. Тем не менее было бы, пожалуй, справедливо считать первым геноцидом XX века массовое уничтожение немцами племени гереро в Намибии в 1904 году, см. Eriksen, Tore Linné. Det første folkemordet i det tjuende århundre. Namibia 1903–1908.
- 16 О Первой мировой войне как тотальной войне см. краткое, но содержательное исследование Hobson, Rolf. Krig og strategisk tenkning i Europa 1500–1945, с. 261 и далее.
- 17 Размышления Галеви 1936 года цит. по Roberts, там же, с. 166.
- 18 Представление о Первой мировой войне как о катаклизме и толчке к возникновению нового мышления детально обосновывается в Roberts, там же, с. 166 и далее. Также ему уделяется большое внимание в книге Berman, Paul. Terror and Liberalism, особ. с. 40 и далее.
- 19 Биография Ленина, в которой публикуются ранее неизвестные материалы: Волкогонов Дмитрий. Ленин. В 2 кн. М., 1994). Новейшая биография Ленина: Service, Robert. Lenin: A Biography, 2001/2002 (Сервис Роберт. Ленин. Биография. М., 2002).
- 20 Примером сжатого изложения взглядов может служить статья «О поражении своего правительства в империалистической войне», написанная Лениным в 1915 году (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1966–1967 Т. 26. С. 286–291.). В расширенном виде эти взгляды изложены в работе «Социализм и война» (Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. С. 307–350. М., 1966–1967). Об антивоенных взглядах Ленина см. работу Тони Клиффа, симпатизирующего Троцкому и недолюбливающего Сталина, Cliff, Tony. Lenin. Vol. II. 1976, с. 11 и далее.
- 21 О развитии революционной теории Ленина в 1917 году, см. Cliff, там же, с. 111 и далее, с. 124 и далее. Более критический анализ см. в Service, там же, с. 292 и далее.
- 22 О путешествии Ленина в plombированном вагоне см. Volkogonov, там же, с. 109 и далее; Service, там же, с. 256 и далее.
- 23 О компартии, советах и российской конституции 1918 года см. Gellately, Robert. Lenin, Stalin and Hitler, с. 49 и далее. Также см. Werth, Nicolas; Courtois, Stéphane et al. Kommunismens svarte bok, с. 67 и далее (Верт Никола, Куртуа Стефан и др. Чёрная книга коммунизма. М., 1999). Более старый, основательный и дружелюбно настроенный к большевикам анализ: Carr, там же, т. I, с. 120–169. Также стоит прочесть Apweiler, Oscar. Die Rätebewegung in Russland 1905–1921, цит. по датскому изданию Rådsbevægelsen i Russland 1905–1921, с. 261 и далее.
- 24 О выборах в Учредительное собрание и его роспуске см. Volkogonov, там же, с. 173 и далее; Gellately, там же, с. 45 и далее.
- 25 Краткое описание периода зарождения фашизма см. в Dahl, Ottar. Fra konsens til katastrofe, с. 18 и далее.
- 26 О Гитлере и Баварской Советской республике в апреле–мае 1919 года см. Bullock, Alan. Hitler and Stalin, с. 69 и далее (Буллок Алан. Гитлер и Сталин. В 2 т. Смоленск, 1994); Fest, Joachim. Hitler, с. 89 и далее (Фест Иохим. Адольф Гитлер. В 3 т. Пермь, 1993); и особенно Kershaw, Ian. Hitler. Vol. I, с. 116 и далее (Кершоу Ян. Гитлер. Ростов-на-Дону, 1997).
- 27 О Веймарской республике и перевороте 1933 года см. особ. Turner, Henry Ashby. Hitler's Thirty Days to Power. Более новое и сжатое описание в Kershaw, там же, с. 379 и далее. О Веймарской республике написана небольшая, но очень хорошая статья на норвежском языке Hagtvæt, Bernt. Weimar – et demokratis håp og undergang // Malnes, Rino (red.) Prekær politikk.

- 28 О решении упразднить халифат см. Mango, Andrew. Atatürk, с. 404 и далее. Об идеологической дискуссии по поводу халифата см. Mandaville, Peter. *Global Political Islam*, с. 51 и далее.
- 29 Классическое исследование по раннему халифату см. Muir, William. *The Caliphate*.
- 30 Об изгнании греков из Малой Азии см. Mango, там же, с. 343 и далее.
- 31 См. Mango, там же, с. 404.
- 32 О Хасане аль-Банна и основании братства см. Mandaville, там же, с. 58 и далее; Kepel, Gilles. *Jihad*, с. 27 и далее (Кепель Жиль. *Джихад: Экспансия и закат исламизма*. М., 2004); и особ. Lia, Brynjar. *The Society of Muslim Brothers In Egypt*, с. 21 и далее, с. 35 и далее.
- 33 Цит. по Lia, там же, с. 75 и далее. По-английски это звучит так: «Our mission is one described most comprehensively by the term 'Islamic', though this word has a meaning broader than the narrow definition understood by people generally. We believe that Islam is an all-embracing concept which regulates every aspect of life, adjudicating on every one of its concerns and prescribing for it a solid and rigorous order».
- 34 Цит. по Lia, там же, с. 202.
- 35 Первое издание – 1945, исправленное издание – 1950. В настоящем исследовании мы пользовались изданием 1984 года.
- 36 Превосходное изложение идей Поннера на норвежском языке можно найти в работе Skagestad, Peter. *Fornuft og feilbarlighet*. О сравнении Поннера и Платона, см. особ. с. 46 и далее.
- 37 Popper, Karl. *The Open Society and its Enemies*, т. 1, с. 157 и далее (Поннер Карл. *Открытое общество и его враги*. М., 1992).
- 38 Несколько интересных работ о политических утопиях можно найти в сборнике Schaer, Roland et al. (red.) *Utopia*.
- 39 Cohn, Norman. *The Pursuit of the Millennium*, с. 13.
- 40 Cohn, там же, с. 286.
- 41 О книге Тальмона и развернувшейся вокруг неё дискуссии см. Gleason, Abbott. *Totalitarianism*, с. 113 и далее.
- 42 Talmon, там же, с. 38 и далее, особ. с. 43 и далее.
- 43 Исследование на норвежском языке, посвященное идеям Тальмона: Andersen, Anton Frederik. *Borgerånd og politisk engasjement*, с. 54 и далее.
- 44 См. особ. Talmon, там же, с. 98 и далее; Andersen, там же, с. 76 и далее.
- 45 См. особ. Talmon, Jacob. *The Myth of the Nation and the Vision of Revolution*. Эта книга считается третьей в трилогии, которую открывает «*The Origins of Totalitarian Democracy*». Вторая книга трилогии – «*Romanticism and Revolt*». Рассуждения Тальмона развиты в книге Billington, James H. *Fire in the Minds of Men*.
- 46 Talmon, Jacob. *The Origins of Totalitarian Democracy*, с. 2.
- 47 См. Dahl, Ottar. *Teorier om «totalitarisme» i politisk og sosial analyse* // Kjeldstadli et al. (red.) *Valg og vitenskap*, с. 107.
- 48 Одним из авторов, занимавшихся в последнее время чертами политического романтизма в исламизме, является Йорген Стаун: Staun, Jørgen. *Mellem terror og folkelig protest*, с. 46 и далее.
- 49 См., к примеру, Mosse, George. *The Crisis of German Ideology*.
- 50 Popper, Karl. *The Open Society and its Enemies*, т. 2, с. 27 и далее; Talmon, Jacob. *Romanticism and Revolt*, с. 86 и далее.
- 51 Gleason, там же, с. 9.
- 52 Nozick, Robert. *Anarchy, State, and Utopia*, с. 297 и далее (Нозик Роберт. *Анархия, государство и утопия*. М., 2008). Об утопии Нозика, см. Paul, Jeffrey (red.) *Reading Nozick*. Краткое изложение идей Нозика на норвежском языке: Sørensen, Øystein. *Ideer om frihet*, с. 61 и далее.
- 53 См. Andersen, там же, с. 60 и далее, с. 76 и далее.
- 54 Краткое, но точное резюме даёт Mozaffari, Mehdi. *Ideological Roots of Islamism*. Другой обзор: Mandaville, там же, с. 24 и далее.

- 55 См. Mozaffari, там же, с. 14 и далее; с. 16 и далее.
- 56 Там же, с. 19 и далее.
- 57 О салафизме см. Mozaffari, там же, с. 8 и далее; с. 12 и далее. Также см. Mandaville, там же, с. 245 и далее; Kepel, Gilles. *The War for Muslim Minds*, с. 251 и далее.
- 58 См. Mozaffari, Mehdi. Rejoinder to Ana Soage // *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 10, с. 17 и Soage, Ana. "Response" til Mozaffari, там же, с. 15. Также см. Mandaville, там же, с. 70.
- 59 О таких элементах у Кутба см., к примеру, Burleigh, Michael. *Sacred Causes*, с. 462.
- 60 Malmann, Klaus-Michael; Cüppers, Martin. Halvmåne og hakekors, особ. гл. 2.
- 61 Mozaffari, Mehdi. *The Rise of Islamism in the Light of European Totalitarianism // Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 10, с. 4. Книга Чербелло называется «Fascismo e Islamismo».
- 62 Превосходный историографический обзор даёт Gleason, там же. Важнейший критический аргумент против книги состоит в том, что она – что вполне оправданно – фокусируется на англо-американских теоретиках и научной среде. К ней можно добавить Hildebrand, Klaus. *Stufen der Totalitarismus-Forschung*, а также Bosshart, David. *Die französische Totalitarismuskritik*, обе работы // Jesse (red.), там же. Краткий обзор на норвежском языке, также весьма хороший: Dahl, Ottar. *Teorier om 'totalitarisme' i politisk og sosial analyse*.
- 63 Gleason, там же, с. 69.
- 64 О влиянии Арендт см. Gleason, там же, с. 108 и далее.
- 65 Важный источник по теме: Friedrich, Carl (red.) *Totalitarianism*.
- 66 О критике понятия тоталитаризма см. особ. Grieder, Peter. In *Defence of Totalitarianism Theory // Totalitarian Movements and Political Religions*. Также см. Kielmansegg, Peter Graf. *Krise der Totalitarismustheorie?* // Jesse (red.), там же, с. 286–304.
- 67 См. особ. Marcuse, Herbert. *The One-Dimensional Man* (Маркузе Герберт. *Одномерный человек*. М., 2003). Критика Маркузе – особ. Kolakowski, Leszek. *Main Currents of Marxism*. Т. 3, с. 407 и далее; с. 415 и далее. Также см. Dahl, там же, с. 101 и далее.
- 68 См. Bracher, Karl Dietrich. *Zeitgeschichtliche Kontroversen*.
- 69 Различие, которое Линц проводит между тоталитарными и авторитарными режимами, наиболее полно объясняется в работе Linz, Juan. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*, впервые вышедшей в: Greenstein & Polsby (red.) *Handbook of Political Science*. Т. 3 (1975). Работа была переиздана с новым введением в 2000 году. Ещё в 1965 году Линц издал свою работу «*Totalitarian Dictatorship and Autocracy*».
- 70 См. Gentile, Emilio. *Fascism as Political Religion // Journal of Contemporary History* 1990, а также более поздние статьи: *The Sacralisation of Politics. Definitions, Interpretations and Reflections on the Question of Secular Religion and Totalitarianism // Totalitarian Movements and Political Religions*, Vol. 1 и *Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of an Interpretation // Там же*. Vol. 5.
- 71 См. особ. Griffin, Roger. *Modernism and Fascism*, а также работы в сборнике Griffin, Roger (red.) *Fascism, Totalitarianism and Political Religion*.
- 72 Отличные обзор новых исследований в этой области можно найти в Griffin, Roger. *Introduction: God's Counterfelters? Investigating the Triad of Fascism, Totalitarianism and (Political) Religion*, особ. с. 4 и далее. Также см. Grieder, там же.
- 73 Книга переведена на английский: Maier, Hans (red.) *Totalitarianism and Political Religions*. Ещё одна новая книга на немецком языке: Jesse (red.), там же.
- 74 Schmeitzner, Mike (red.) *Totalitarismuskritik von links*.
- 75 См. Thorup, Mikkel et al. (red.) *Totalitarisme. Venskab og fjendskab*. В Норвегии выходила статья Оттара Дала в 1997, а также работа Hagtvet, Bernt. *De grusomme forenkler. De totalitære diktaturer – det 20. Århundredets original*

- tyrannivariant // Baldersheim, Harald et al. (red.) Statsvitenskapelige utsyn. Politiske tema og tenkemåter i en oppbruddstid (2001), с. 271–283, а также Larsen, Bård. Storebror dreper! Om totalitarisme. В 2009 году в университете г. Осло была создана междисциплинарная исследовательская группа по исследованию тоталитаризма (Nettverk for totalitarismeforskning).
- 76 В особенности это верно в отношении Burleigh, Michael. Sacred Causes: Religion and Politics from the European Dictators to Al Qaeda.
- 77 См. Mozaffari, Mehdi. What is Islamism? History and Definition of a Concept // Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 8; Ideological Roots of Islamism и The Rise of Islamism in the Light of European Totalitarianism // Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 10.
- 78 Friedrich, Carl; Brzezinski, Zbigniew. Totalitarian Dictatorship and Autocracy, с. 21 и далее. Также см. Grieder, там же, с. 564. Фридрих приводит очень похожее определение в своей статье 1954 года «The Unique Character of Totalitarian Society» // Friedrich, Carl (red.) Totalitarianism, с. 52 и далее.
- 79 См. Grieder, там же, с. 564.
- 80 Aron, Raymond. Democracy and Totalitarianism, с. 193 и далее (Арон Реймон. Демократия и тоталитаризм. М., 1993). Другое определение, получившее широкое признание, можно найти в Bracher, там же, с. 37 и далее, а также с. 42 и далее. Ср. также Das 20. Jahrhundert als Zeitalter der ideologischen Auseinandersetzungen zwischen demokratischen und totalitären Systemen // Jesse (red.), там же, с. 143 и далее. Также см. Grieder, там же, с. 564 и Hagtvet, Bernt. De grusomme forenklerne // Baldersheim et al. (red.), там же, с. 279.
- 81 Актуальная дискуссия о разнице между тоталитарными и авторитарными режимами: см. Dahl, Ottar. Teorier om 'totalitarisme' i politisk og sosial analyse // Kjeldstadli et al. (red.), там же, с. 101 и далее; Greider, там же, с. 564 и далее, а также Linz, там же.
- 82 Интересные новые исследования о режимах: Pauley, Bruce. Hitler, Stalin and Mussolini; Overy, Richard. The Dictators; Gellately, Robert. Lenin, Stalin and Hitler. Новая антология, в которой сравниваются сталинизм и нацизм, а также обсуждается понятие тоталитаризма: Geyer, Michael; Fitzpatrick, Sheila (red.) Beyond Totalitarianism (Гейер Майкл, Фитцпатрик Шейла. За рамками тоталитаризма. М., 2011).
- 83 Об определениях тоталитарных идей/идеологий см. особ. Friedrich, Brzezinski, там же, с. 88 и далее; а также Zehnpfennig, Barbara. Hitlers Mein Kampf, с. 277 и далее.
- 84 Одна из проблем этого определения состоит в том, что оно оставляет человеку возможность быть одновременно приверженцем тоталитарных идей и политическим квиетистом (или, иначе говоря, сохранять полную политическую пассивность). Я благодарю Ларса Гюле за это ценное соображение.
- 85 См. Zehnpfennig, там же, с. 277 и далее.
- 86 См. Schanz, Hans-Jørgen. Hva er totalitarisme? // Thorup et al. (red.), там же, с. 18.
- 87 См. Arendt, Hannah. The Origins of Totalitarianism, с. 139; с. 163 и далее (Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. М., 1996).

Фашизм: тоталитаризм как лозунг добра

- 88 Mussolini, Benito; Gentile, Giovanni. The Doctrines of Fascism (1932) // Lyttelton, Adrian (red.) Italian Fascisms, с. 52 (Муссолини Бенито. Доктрина фашизма. Париж, 1938).
- 89 Там же, с. 42.
- 90 См. Gleason, Abbot. Totalitarianism, с. 14.
- 91 О распространении понятия тоталитаризма в Италии см. Petersen, Jens. The history of the concept of Totalitarianism in Italy // Maier, Hans (red.) Totalitarianism and Political Religions, особ. с. 64 и далее.

- 92 Цит. по Petersen, там же, с. 7.
- 93 Прекрасный, хотя и весьма сжатый обзор истории фашизма: Dahl, Ottar. *Fra konsens til katastrofe*. О политическом кризисе 1924–1925 гг. и установлении фашистского режима см. особ. с. 22 и далее.
- 94 Рассуждение и цитаты заимствованы из Petersen, там же, с. 8.
- 95 Gleason, там же, с. 15.
- 96 Об идеологической дискуссии в фашистской Италии см. Gregor, A. James. Giovanni Gentile: *Philosopher of Fascism*, с. 68 и далее.
- 97 См. Lyttelton, там же, с. 13 и далее. Также см. Gregor, там же, с. 63 и далее.
- 98 См. Gregor, там же, особ. с. 47 и далее.
- 99 Hägg, Göran. Mussolini. *En studie i makt*, с. 12, 13.
- 100 Грегор написал много больших работ. В дополнение к уже названной биографии Джентиле, можно упомянуть три книги по теме: *The Faces of Janus*, *Mussolini's Intellectuals* и *The Search of Neofascism*.
- 101 К примеру, книги Джентиле: *The Sacralization of Fascist Politics* и *The Origins of Fascist Ideology 1918–1925*.
- 102 Помимо уже упомянутого обзора истории фашизма, Дал выпустил книгу «*Syndicalism, Fascism and Post-Fascism in Italy 1900–1950*».
- 103 *The Doctrines of Fascism* // Lyttelton, там же, с. 45.
- 104 Там же, с. 47, 46.
- 105 Там же, с. 39.
- 106 Mussolini, Benito. *My Rise and Fall*, ч. 1, с. 91 и с. 289. Книга является англоязычным сборником, состоящим из автобиографии 1928 года (англ. *My Autobiography*, русское издание: Муссолини Бенито. *Моя автобиография*. Харьков, 2006) и книги 1948 года «*Падение Муссолини*» (англ. *The Fall of Mussolini: His Own Story*, не выходила на русском языке).
- 107 *The Doctrines of Fascism*, с. 52.
- 108 Там же, с. 40.
- 109 *My Rise and Fall*, с. 310.
- 110 *The Doctrines of Fascism*, с. 53.
- 111 Там же, с. 53.
- 112 Там же, с. 41, 42.
- 113 Там же, с. 53.
- 114 Там же, с. 43.
- 115 Там же.
- 116 О модернистских и конструктивистских теориях наций и национализма см. Hutchinson, John. *Modern Nationalism*, с. 19 и далее.
- 117 *The Doctrines of Fascism*, с. 43. Ср. с введением Адриана Литтлтона, с. 35.
- 118 Там же, с. 42.
- 119 Там же, с. 55.
- 120 Там же, с. 56.
- 121 Там же, с. 42.
- 122 Там же, с. 49.
- 123 Там же.
- 124 Там же, с. 46.
- 125 Там же, с. 49.
- 126 Там же, с. 50.
- 127 Там же.
- 128 Там же, с. 42.
- 129 Там же, с. 50.
- 130 Там же, с. 41.
- 131 Там же, с. 51.
- 132 Там же, с. 52.
- 133 Там же.
- 134 Там же, с. 42.
- 135 Там же. Об отношении фашизма к синдикализму ср. Gregor, A. James. *Young Mussolini and the Intellectual Roots of Fascism*, а также Dahl, Ottar. *Syndicalism*,

- Fascism and Post-Fascism in Italy 1900–1950.
- 136 The Doctrines of Fascism, с. 42.
- 137 О корпоративизме и фашизме см. краткий исторический анализ в Morgan, Philip. Italian Fascism 1915–1945, с. 105 и далее, с. 156 и далее.
- 138 О корпоративизме см. также Dahl, Ottar. Fra konsens til katastrofe, с. 58 и далее.
- 139 The Doctrines of Fascism, с. 48.
- 140 Там же, с. 49.
- 141 Там же, с. 45. О Муссолини и социализме см. прим. 135 и Gentile, Emilio. The Origins of Fascist Ideology, 1918–1925.
- 142 The Doctrines of Fascism, с. 52–53.
- 143 Там же, с. 57.
- 144 Там же, с. 40.
- 145 См. Dahl, Ottar. Fra konsens til katastrofe, с. 58 и далее.
- 146 The Doctrines of Fascism, с. 55.
- 147 Там же, с. 45.
- 148 О фашизме и современности см. Griffin, Roger. Modernism and Fascism.
- 149 The Doctrines of Fascism, с. 48, ср. с. 49.
- 150 Там же, с. 45.
- 151 Там же, с. 47.
- 152 См. Duggan, Christopher. The Force of Destiny, с. 501 и далее.
- 153 Цит. по Duggan, там же, с. 503.
- 154 Там же.
- 155 Там же, с. 504, 505.
- 156 Цит. по Duggan, там же, с. 504.
- 157 The Doctrines of Fascism, с. 41.
- 158 Gentile, Emilio. The Sacralization of Politics in Fascist Italy, с. 137.
- 159 О конкордате 1929 года см. Morgan, там же, с. 112 и далее.
- 160 The Doctrines of Fascism, с. 56. Ср. Lyttelton, там же, с. 35.
- 161 Там же, с. 49, 50.
- 162 My Rise and Fall, ч. 2, с. 175.
- 163 The Doctrines of Fascism, с. 41.
- 164 Gregor, A. James. Giovanni Gentile: Philosopher of Fascism, с. 60.
- 165 The Doctrines of Fascism, с. 45.
- 166 См. Petersen, там же, с. 14.
- 167 Об имперских амбициях фашизма и завоевании Эфиопии см. Morgan, там же, с. 171 и далее.
- 168 См. Petersen, там же, с. 15. О фашистском «интернационале» Муссолини см. Morgan, там же, с. 156, а также Dahl, Hans Fredrik. Vidkun Quisling. En fører blir til, с. 354 и далее.
- 169 Deakin, F.W. The Brutal Friendship. Также см. Morgan, там же, с. 179 и далее.

Коммунизм: идеальное общество и средства его создания

- 170 Lenin, Vladimir. Marxismens tre kilder og tre bestanddele, норв. издание: Lenin om Marx, с. 8; Lenin, Vladimir. Collected works, т. 19, с. 23 (Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1966–1967. Т. 23. С. 40–48.).
- 171 Trotsky, L. Terrorism and Communism, с. 103, шв. издание: Trotskij, L. Kommunismen och terrorism, с. 147 (Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. М., 2010).
- 172 Trotskij, L. Litteratur och revolution, с. 175. (Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991).
- 173 О Море, Оуэне и других представителях утопизма см. Schaer, Roland et al. (red.) Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World, особ. Touraine, Alain. Society as Utopia, с. 18 и далее и Claeys, Gregory. Socialism and Utopia, с. 206 и далее.

- 174 Цит. по Sowell, Thomas. Marxism, с. 155.
- 175 Kritikk av Gotha-programmet, норв. издание: Karl Marx Verker i Utvalg (далее VIU), т. 4, с. 215 (Маркс, К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 9–32.).
- 176 VIU, т. 2, с. 73–74.
- 177 VIU, т. 2, с. 75, 76.
- 178 VIU, т. 2, с. 122.
- 179 VIU, т. 4, с. 215.
- 180 VIU, т. 7, с. 217.
- 181 Там же.
- 182 Trotskij, L. Litteratur och revolution, с. 172–175.
- 183 Böhm, Karl; Dörge, Rolf. Unsere Welt von Morgen, с. 10.
- 184 Там же, с. 484.
- 185 Там же, с. 10–11, 445.
- 186 Там же, с. 471, 477 и далее.
- 187 Там же, с. 463 и далее.
- 188 Там же, с. 483.
- 189 Там же, с. 11.
- 190 Там же, с. 484.
- 191 См., например, там же, с. 442 и далее.
- 192 Там же, с. 10.
- 193 Там же, с. 11.
- 194 Там же, с. 463, 462.
- 195 Там же, с. 12.
- 196 Анализ речи Хрущёва и обстоятельств, в которых она была произнесена, см. Skidelsky, Robert. The World After Communism, с. 1 и далее.
- 197 См. Skidelsky, там же, с. 2 и далее по поводу общественной дискуссии на Западе.
- 198 Kritikk av Gotha-programmet, VIU, т. 4, с. 223 (Маркс К. Критика Готской программы). Выделение имеется в оригинале.
- 199 Lenin, V. Staten og revolusjonen // Lenin, V. Collected Works (далее CW), т. 25, особ. с. 469 и далее, норв. издание с. 129 и далее (Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33, с. 1–120. М., 1966–1967). Ср. Marx, VIU, т. 4, с. 214 и далее.
- 200 CW, т. 25, с. 466, 467 (норв. издание с. 125, 126).
- 201 CW, т. 25, с. 467 (норв. издание с. 126).
- 202 CW, т. 25, с. 467, с. 468 (норв. издание с. 125, 127).
- 203 CW, т. 25, с. 479 (норв. издание с. 140).
- 204 CW, т. 25, с. 469 (норв. издание с. 128).
- 205 CW, т. 25, с. 468, 475, 479 (норв. издание с. 128, 135, 140).
- 206 CW, т. 25, с. 478 (норв. издание с. 139).
- 207 См., например, Sowell, там же, с. 205.
- 208 Актуальное и популярное исследование по ГДР: Kowalczyk, Ilko-Sasha. Die 101 wichtigsten Fragen. DDR. Стоит прочесть также исследование, посвящённое правящей коммунистической партии (SED): Malycha, Andreas; Winters, Peter Jochen. Die SED. Geschichte einer deutschen Partei.
- 209 Berliner Zeitung, 14.08.1961. Факсимильное издание, посвящённое 40-летию, 2001.
- 210 Neues Deutschland, 11.09.1989. Перепечатано в Schumann, Frank (red.) 100 Tage die die DDR erschütterten, с. 6.
- 211 Сталин И.В. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года, норв. издание Sovjetsamveldets forfatning, с. 63, 53, 46.
- 212 Sovjetsamveldets forfatning, с. 28, 29 (Конституция СССР 1936 года).
- 213 Там же, с. 37, 38, 42.
- 214 Hegna, Trond. Sovjet, Stalin og generalene, с. 38 и далее.
- 215 Там же, с. 38.
- 216 Trotsky, L. Terrorism and Communism, с. 158. Шв. издание Kommunismen och

- terorn, с. 228 (Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. М., 2010).
- 217 Glucksmann, André. Herretenkerne, с. 249.
- 218 Статью («Борьба в Венгрии») можно найти в собрании сочинений Marx-Engels-Werke (далее MEW), т. 6, с. 165–173. Цитируемые абзацы находятся на с. 173. Ещё проще найти статью на сайте www.marxists.org, где имеются все тексты Маркса и Энгельса на английском и немецком языках. Английская версия статьи Энгельса напечатана также в сборнике Marx. The Revolutions of 1848, цитируемые абзацы находятся на с. 225–226.
- 219 О Марксе, Энгельсе и «Нойе рейнише цейтунг» см. особ. Herod, Charles C. The Nation in the History of Marxian Thought, с. 6 и далее. См. также Watson, George. The Lost Literature of Socialism, с. 85 и далее, и Christophersen, Jens A. Verdensrevolusjonen som ble vekk, с. 56 и далее. Ещё одно актуальное изложение: Hunt, Tristram. The Frock-Coated Communist, с. 159 и далее.
- 220 MEW, т. 21, с. 20, 23. Шв. издание Marx-Engels i kamp, с. 34, 38.
- 221 Нем. «...alle diese kleinen stierköpfigen Nationen bis ihren Namen vernichten».
- 222 Der demokratische Panslawismus // Neue Rheinische Zeitung, 15.02.1849, MEW, т. 6, с. 270–286, Marx. The Revolutions of 1848, с. 237 (Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 289–306. М., 1957).
- 223 Marx. The Revolutions of 1848, с. 244, 245. Выделение имеется в оригинале.
- 224 Der magyarische Kampf, там же, с. 222 (Энгельс, Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 175–186. М., 1957). Выделение имеется в оригинале.
- 225 Marx. The Revolutions of 1848, с. 247.
- 226 Там же, с. 223.
- 227 Der demokratische Panslawismus, там же, с. 239. Выделение имеется в оригинале.
- 228 Там же, с. 236, 237. Der magyarische Kampf, там же, с. 220 и далее.
- 229 Там же, с. 232, 234.
- 230 Там же, с. 236.
- 231 Там же, с. 243, 227 и далее, с. 240 и далее.
- 232 Der magyarische Kampf, там же, с. 221–222. Выделение имеется в оригинале.
- 233 Там же.
- 234 Der dänisch-preussische Waffenstillstand // Neue Rheinische Zeitung, 10.09.1848, MEW, т. 5, с. 394 (Энгельс Ф. Датско-прусское перемирие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 5. С. 419–424. М., 1956). В норвежском переводе напечатано в работе Schwarzschild, Leopold. Den røde prøysser, с. 191, приписано Марксу. Также см. Christophersen, там же, с. 58.
- 235 To the Editor of the Commonwealth // The Commonwealth, 31.03.1866, MEW, т. 16, с. 159 (Энгельс, Ф. Редактору газеты Commonwealth // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 16. С. 156–162. М., 1960). См. также Christophersen, там же, с. 59.
- 236 Там же.
- 237 De magyarische Kampf, Marx. The Revolutions of 1848, с. 222.
- 238 К примеру, в статье 1890 года о внешней политике русского царизма. См. Connor, Walker. The National Question In Marxist-Leninist Theory and Strategy, с. 17.
- 239 Письмо к Августу Бебелю от 17 ноября 1885 г., MEW, т. 36, с. 390 (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1936. Т. 36, с. 329–331). Цитируется также у Herod, там же, с. 33.
- 240 Marx-Engels i kamp, с. 34. См. также Herod, там же, с. 6 и далее.
- 241 Подробный обзор авторства различных статей и вопроса разделения труда между этими двумя авторами см. Herod, там же, с. 17 и далее. Christophersen, там же, с. 60, на мой взгляд, слишком стремится доказать, что Маркс не разделял некоторых взглядов Энгельса. В частности, он не упоминает о статьях в Germany: Revolution and Counter-Revolution. См. также Hunt, там же, с. 169 и далее.

- 242 Germany: Revolution and Counter-Revolution. См. введение, написанное Элеонорой Маркс, с. 2–3.
- 243 Там же, с. 85, 86. О панславизме см. с. 58 и далее.
- 244 См. Сопног, там же, с. 15.
- 245 Нем. «Dies Recht gilt mehr als alle Verträge, weil es das Recht der geschichtlichen Entwicklung ist». Der dänisch-preussische Waffenstillstand, MEW, т. 5, с. 395.
- 246 Der demokratische Panslawismus // Marx. The Revolutions of 1848, с. 236.
- 247 Herod, там же, с. 12 и далее.
- 248 Письмо Маркса от 05.12.1848, цит. по Herod, там же, с. 17 (Маркс К.; Энгельс Ф. Сочинения. М., 1936. Т. 27, с. 429–430)
- 249 Об этой идее у Гегеля, см. Herod, там же, с. 29 и далее.
- 250 Der demokratische Panslawismus // Marx. The Revolutions of 1848, с. 230. Более общие рассуждения о националистических идеях в районе 1850 г., см. Herod, там же, с. 6 и далее.
- 251 Der demokratische Panslawismus // Marx. The Revolutions of 1848, с. 235.
- 252 Lenin, Vladimir. Marxismens tre kilder og tre bestanddeler, норв. издание: Lenin om Marx, с. 8; CW, т. 19, с. 23 (Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1966–1967. Т. 23. С. 40–48).
- 253 CW, т. 5, с. 375, норв. издание: Hva må gjøres? С. 36 (Ленин В.И. Что делать? // Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1966–1967. Т. 6. С. 1–192).
- 254 О партийной теории Ленина см. актуальный обзор в Service, Robert. Lenin, с. 138 и далее (Сервис Роберт. Ленин. Биография. М., 2002).
- 255 Подобная трактовка была распространена в троцкистских и полутроцкистских интеллектуальных кругах Европы в 1970-е гг. Например, Studenemnda i Universitetet SV (red.) Introduksjon til Lenin, 1977, в частности, введение и статья о революционной теории Ленина, оба авторства тогдашнего студента философского факультета Эйстейна Сёренсена. Mea culpa. Селективное чтение и домысливание были весьма обычным делом в университетском марксизме 1970-х. Более актуальная трактовка подобной направленности – см. примечания по поводу Славоя Жижека ниже.
- 256 См. Pipes, Richard (изд.) The Unknown Lenin, а также Service, там же, с. 364 и далее.
- 257 Цит. по Gellately, Robert. Lenin, Stalin and Hitler, с. 52.
- 258 CW, т. 25, с. 497, норв. издание: Staten og revolusjonen, с. 160 (Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1966–1967. Т. 33, с. 1–120).
- 259 См. Kolakowski, Leszek. Main Currents of Marxism. Т. 2, с. 515 и далее.
- 260 CW, т. 31, с. 291, норв. издание: Marx, Engels, Marxisme, с. 342 (Ленин В.И. Маркс. Энгельс. Марксизм. М., 1932).
- 261 CW, т. 31, с. 293, норв. издание: там же, с. 343–344.
- 262 См. Kolakowski, там же, с. 516.
- 263 Актуальное исследование по критике Каутского: Zarusky, Jürgen. Demokratie oder Diktatur: Karl Kautskys Bolschewismuskritik und der Totalitarismus // Schmeitzer, Mike (red.) Totalitarismuskritik von links, с. 49–68.
- 264 CW, т. 28, с. 227 и далее, также издано отдельной книгой на норвежском (Ленин В.И. Пролетарская диктатура и ренегат Каутский // Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1966–1967. Т. 37. С. 101–110). О полемике между Каутским и большевиками см. Zarusky, там же. Другой взгляд на эту полемику изложен во введении, которое написал Кент-Оке Андерсон к новому шведскому изданию «Терроризма и коммунизма» Троцкого, а также введение, написанное Славою Жижексом к ещё более новому английскому изданию той же работы.
- 265 Terrorism and Communism, с. 173, шв. издание: Kommunismen och terrorn, с. 247. Анализ позиции Троцкого во многом заимствован из Kolakowski, Leszek. Main Currents of Marxism. Т. 2, с. 509 и далее. См. также Service, Robert. Trotsky, с. 267 и далее.

- 266 Terrorism and Communism, с. 102, шв. издание, там же, с. 146.
 267 Там же, с. 102–105, шв. издание, там же, с. 146–150.
 268 Там же, с. 104–105, шв. издание с. 148, 149, выделение моё.
 269 Kolakowski, там же, Т. 2, с. 510.
 270 Там же.
 271 Terrorism and Communism, с. 105, шв. издание, там же, с. 149. Социал-демократ Густав Носке был министром обороны Германии в 1919–1920 гг. Он имел дурную славу в коммунистических кругах за подавление революционных попыток в 1919 г. Его также обвиняли в организации убийств Карла Либкнехта и Розы Люксембург.
 272 Статья Троцкого напечатана в Trotskij, L.; Dewey, John; Novack, George. Their Morals and Ours, с. 44 (Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. М., 1992).
 273 Ср. текст Dewey и Novack в Their Morals and Ours.
 274 Англ. «...the most ruthless form of state, which embraces the life of the citizens authoritatively in every direction». Terrorism and Communism, с. 158.
 275 Там же, с. 133 и далее, шв. издание с. 192.
 276 Там же, с. 127, шв. издание с. 183.
 277 Там же, с. 129, шв. издание с. 185.
 278 Там же, с. 106, шв. издание с. 151.
 279 Там же, с. 134, шв. издание с. 192, выделение моё. Ср. с. 129 и далее, шв. издание с. 185 и далее.
 280 Andersson, введение к Kommunismen och terrorn, без пагинации.
 281 Англ. «Harsh times require harsh measures». Slavoj Zizek, Foreword, с. xii. Полное название английского издания 2007 г.: Slavoj Zizek presents Trotskij: Terrorism and Communism. См. также Slavoj Zizek presents Robespierre: Virtue and Terror.
 282 Англ. «...knew how to be hard, to exercise terror». Zizek, там же, с. viii.
 283 Zizek, там же, с. xii, с. xv.
 284 Zizek, там же, с. ix.
 285 Radzinsky, Edvard. Stalin, с. 155 (Радзинский Эдвард. Сталин. М., 2001).
 286 Stalin, J.V. Defects in Party Work and Measures for Liquidating Trotskyite and Other Double Dealers (Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 151–173). См. введение Тима Дэвенпорта к этому докладу Сталина, опубликованному на сайте www.marxists.org/reference/archive/stalin/works. Нет никаких пометок о сокращениях в тексте, в крайнем случае речь может идти о технических ошибках.
 287 Stalin, J.V. Kampen mot fascismens trotskistiska agenter och vårt partis uppgifter, с. 45 (Сталин, И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 151–173, а также Сталин И.В. Заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 189–207)
 288 Там же, с. 52.
 289 Это особенно заметно в ранней работе «История и классовое сознание» – сборнике статей, изданном в 1923 г. (Лукач Георг. История и классовое сознание. М., 2003). О тоталитарных элементах у Лукача см. Kolakowski, там же. Т. 3, с. 259 и далее, с. 280 и далее. Я присоединяюсь к этой точке зрения.
 290 Lukács, György. Lenin, с. 43. На обложке издательство Рах называет Лукача «ведущим марксистским философом нашего времени».
 291 См. Kolakowski, там же, с. 282 и далее, с. 297 и далее.
 292 Lukács, György. Lenin, с. 109, 110.
 293 Brecht, Bertolt. Lærestykke, введение Петера Хаара, с. 9, а также собственные комментарии Брехта к пьесе, с. 117 и далее.
 294 Brecht, комментарий 1956 года, там же, с. 127.

- 295 Brecht, там же, с. 78.
 296 Jensen, Bent. Stalinismens fascination og danske venstreintellektuelle, с. 39 и далее. Реферирует Артур Кёстлер.
 297 Brecht, там же, с. 82–83.
 298 Для тех, кто заинтересован в более глубоком изучении работ и мышления Луиса Фюрнберга, есть сборник *Reden.Aufsätze*. Его легко найти на блошиных рынках Восточного Берлина.
 299 Норвежский перевод Арве Т. Торсена.
 300 См. комментарии Маркуса Хойманна в брошюре, вложенной в компакт-диск *Die Partei hat immer recht. Eine Dokumentation in Leiden* (2007).
 301 Røde Fane, 5/6 1978, с. 4–38. О творчестве см. Øgrim в Røde Fane 6/1981.
 302 Там же, особ. с. 13 и далее, с. 9 и далее.
 303 Там же, с. 9.
 304 Там же, с. 16, 19.
 305 Там же, с. 24, 25.
 306 Там же, с. 18.

Национал-социализм: тоталитаризм как должное

- 307 Hitler, Adolf. *Min kamp*, т. 2, с. 89 (Гитлер Адольф. *Моя борьба*. М., 1992). О норвежском переводе см. прим. 318).
 308 Цит. по Smelser, Ronald. Robert Ley, с. 4.
 309 *Völkischer Beobachter*, 09.01.1934. Перепечатано в Rosenberg, Alfred. *Race and Race History and Other Essays*, с. 191 и далее.
 310 Rosenberg, там же, см. введение, написанное Robert Poi, с. 30.
 311 Hitler, Adolf (Trevor-Roper, H. (red.)) *Hitler's Table Talk 1941–1944*, с. 422, начиная с 11.04.1942 (*Тревора-Ропера Хью*. Застольные беседы Гитлера. М., 2005. Книга запрещена к распространению в России по причине включения в федеральный список экстремистских материалов. Существует также издание *Пикера Генри*. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1998. Оно содержит беседы с 21 июля 1941-го по 31 июля 1942 года. Перевод цитат из соответствующих бесед дается по этому изданию, остальные сделаны с норвежского текста).
 312 См. Gleason, Abbott. *Totalitarianism*, с. 26 и далее.
 313 Rosenberg, там же, с. 191, с. 192.
 314 См. Gleason, там же, с. 27 и далее. О статье Розенберга и предпосылках к её написанию см. Neumann, Franz. *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944*, с. 62 и далее.
 315 См. дискуссию в Rich, Norman. *Hitler's War Aims*, т. 1, с. 269–270. Также см. примечание 317.
 316 Hitler's Table Talk.
 317 Наиболее авторитетное издание Jochmann, Werner (red.) *Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944*. Однако в нём отсутствуют весьма содержательные монологи между 21 марта и 31 июля 1942 года. Они изданы отдельно, отчасти благодаря активному участию референта, ведшего записи в этот период, Генри Пикера. Ritter, Gerhard (изд.) *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–42*, Bonn 1951.
 318 Itler, Adolf. *Min kamp*, т. 2, с. 73. Норвежский перевод «Моей борьбы» имеет ряд недостатков с языковой точки зрения, и я время от времени позволяю себе их исправлять. В том, что касается именно языковой стороны, я рекомендую обратиться к датскому переводу «Моей борьбы» вместо норвежского.
 319 Об идеологических взглядах Гитлера, отражённых в «Моей борьбе», см. особ. Zehnpfennig, Barbara. *Hitlers Mein Kampf*. Также стоит прочесть Jäckel, Eberhard. *Hitlers Weltanschauung*. Работа Syring, Enrico. *Hitler. Seine politische Utopie* своим содержанием не вполне соответствует названию. Интересная работа, вышедшая на норвежском языке: Ofstad, Harald. *Vår forakt for svakhet*.

- 320 О понятии нации и расовых идеях см. особ. т. 2 *Mein Kampf*, с. 23 и далее.
- 321 *Min kamp*, т. 1, с. 283.
- 322 Там же, т. 2, с. 17.
- 323 См. Neumann, там же, с. 64 и далее, а также Rich, там же, с. 13 и далее.
- 324 *Min kamp*, т. 1, с. 27, 30, ср. с. 29.
- 325 Там же, с. 27.
- 326 Там же, с. 79.
- 327 Там же, с. 85.
- 328 Там же, с. 88.
- 329 Там же, с. 88, 89.
- 330 Там же, с. 89, 91.
- 331 Более подробный анализ см. в Zehnrfennig, там же, с. 112 и далее.
- 332 *Min kamp*, т. 1, с. 219 и далее, с. 218.
- 333 Там же, с. 241. В датском переводе (далее DKMK), с. 173.
- 334 Там же, с. 245. DKMK, с. 176.
- 335 Там же, с. 312. DKMK, с. 221.
- 336 Там же, с. 291. DKMK, с. 207. Классический разбор «Протоколов сионских мудрецов» см. в Cohn, Norman. Warrant for Genocide (Кон Норман. Благословение на геноцид. М., 1990).
- 337 *Min kamp*, т. 1, с. 253. DKMK, с. 181.
- 338 Там же, с. 214. DKMK, с. 154.
- 339 Там же, с. 248, DKMK, с. 178.
- 340 Там же, т. 2, с. 89. DKMK, т. 2, с. 59.
- 341 Там же, с. 90. DKMK, т. 2, с. 60.
- 342 См. Zehnrfennig, там же, с. 202.
- 343 *Min kamp*, т. 2, с. 90.
- 344 Там же, с. 91. DKMK, т. 2, с. 61.
- 345 Там же.
- 346 Там же, т. 1, с. 333.
- 347 Там же, т. 2, с. 89.
- 348 Там же, т. 1, с. 322.
- 349 Там же, т. 2, с. 202. Выделение имеется в оригинале.
- 350 Там же, с. 270, 274. Выделение имеется в оригинале. Ср. Ofstad, там же, с. 59 и далее.
- 351 Там же, с. 91 и далее.
- 352 О планах Гитлера относительно восточных земель см. Rich, там же, т. 2, с. 326 и далее, а также Kershaw, Ian. Hitler, т. 2, с. 341 и далее, с. 400 и далее (Кершоу Ян. Гитлер. Ростов-на-Дону, 1997).
- 353 Ночь с 26 на 27 октября 1941 года. См. Monologe (далее М), с. 110, Hitler's Table Talk (далее НТТ), с. 93.
- 354 М, с. 40, НТТ, с. 6.
- 355 20.05.1942, НТТ, с. 490.
- 356 М, с. 66, НТТ, с. 37 и далее.
- 357 Ночь с 28 на 29 января 1942 года, М, с. 242, НТТ, с. 261.
- 358 27.07.1941, М, с. 48–49, НТТ, с. 15–16.
- 359 08–09.08.1941, М, с. 55, НТТ, с. 25.
- 360 17.10.1941, М, с. 90–91, НТТ, с. 68–69.
- 361 27.07.1941, М, с. 48, НТТ, с. 16.
- 362 17.10.1941, М, с. 92, НТТ, с. 70.
- 363 05–06.07.1941, М, с. 39, НТТ, с. 5.
- 364 17–18.09.1941, М, с. 64, НТТ, с. 35.
- 365 12.11.1941, М, с. 139, НТТ, с. 128.
- 366 05–06.07.1941, М, с. 39, НТТ, с. 5.
- 367 08–09.09.1941, М, с. 55, 54, НТТ, с. 24, 23.
- 368 27.07.1941, М, с. 48, НТТ, с. 15. 16 ноября 1941 года Гитлер называл несколько другие цифры для Индии, см. М, с. 139, НТТ, с. 129.
- 369 12–13.01.1942, М, с. 196, НТТ, с. 203.

- 370 17.10.1941, М, с. 91, НТТ, с. 69.
- 371 Нем. «Hass? Nein, den kennen wir nicht; wir handeln nur aus Überlegung».
- 17.10.1941, там же.
- 372 17–18.09.1941, М, с. 62, НТТ, с. 33.
- 373 27.07.1941, М, с. 48, НТТ, с. 15–16.
- 374 17.10.1941, М, с. 90, НТТ, с. 68–69.
- 375 19–20.02.1942, М, с. 284, НТТ, с. 319.
- 376 17.10.1941, М, с. 90, НТТ, с. 68–69.
- 377 05–06.07.1941, М, с. 39, НТТ, с. 5.
- 378 11.04.1942, НТТ, с. 424.
- 379 17.10.1941 (день), М, с. 90, НТТ, с. 68.
- 380 Нем. «Wenn wir diese Pest ausrotten, so vollbringen wir eine Tat für die Menschheit, von deren Bedeutung sich unsere Männer draussen noch gar keine Vorstellung machen können». 21.10.1941, М, с. 99, НТТ, с. 79.
- 381 25.10.1941, М, с. 106, НТТ, с. 87.
- 382 22.02.1942, М, с. 293, НТТ, с. 332.
- 383 Об официальных планах немцев по поводу востока, таких, как генеральный план «Ост», см. Aly, Götz/Heim, Susanne. Vordäner der Vernichtung, а также Kershaw, там же, с. 462 и далее.
- 384 Гитлер постоянно использовал понятие «большевизм» вместо «коммунизм». В моём исследовании, ссылаясь на высказывания Гитлера, я также буду пользоваться понятием «большевизм», но в других случаях я буду в равной мере пользоваться обоими понятиями, не вкладывая в эту вариативность никаких дополнительных смыслов.
- 385 10.10.1941, М, с. 76, НТТ, с. 51. О Гитлере и религии, см. Burleigh, Michael. Sacred Causes, с. 99 и далее.
- 386 13.12.1941, М, с. 150, НТТ, с. 144. Упомянутый догмат касается таинства причастия, в ходе которого хлеб и вино превращаются в плоть и кровь Христо-ву.
- 387 13.12.1941, М, с. 150, НТТ, с. 143.
- 388 21.10.1941, М, с. 97, НТТ, с. 76.
- 389 11–12.07.1941, М, с. 41, НТТ, с. 7.
- 390 05.06.1942, НТТ, с. 513.
- 391 14.10.1941, М, с. 83, 82, НТТ, с. 59, 58.
- 392 14.10.1941, М, с. 85, НТТ, с. 62.
- 393 07.04.1942, НТТ, с. 411.
- 394 07.06.1942, НТТ, с. 516.
- 395 19–20.02.1942, М, с. 284, НТТ, с. 329.
- 396 14.10.1941, М, с. 84–85, НТТ, с. 59, 61.
- 397 14.10.1941, М, с. 85, НТТ, с. 62.
- 398 14.10.1941, М, с. 85, НТТ, с. 61.
- 399 23.09.1941, М, с. 67, НТТ, с. 39.
- 400 24.10.1941, М, с. 103, НТТ, с. 83.
- 401 14.10.1941, М, с. 83, НТТ, с. 59.
- 402 21.10.1941, М, с. 99, НТТ, с. 79. Ср. М, с. 96 и далее, НТТ, с. 76 и далее.
- 403 25.10.1941, М, с. 107, НТТ, с. 89.
- 404 20–21.02.1942, М, с. 286, НТТ, с. 322.
- 405 28–29.12.1941, М, с. 161, НТТ, с. 157. Строго говоря, именно в это время Тельман находился не в «собственном маленьком домике» в концлагере, а в тюрьме. Соответствующая помета содержится в М, прим. 182, с. 431. Тор-глер, в свою очередь, проявил излишнюю покладистость по отношению к нацистскому режиму, за что был исключён из опальной Коммунистической партии Германии (КРД).
- 406 22.07.1942, НТТ, с. 587.
- 407 09.08.1942, М, с. 336, НТТ, с. 624,
- 408 24.08.1942, М, с. 363, НТТ, с. 657 (датировано 22.08. в НТТ, что является опечаткой).

409 05-06.01.1942, М, с. 180, НТТ, с. 182.
 410 26.08.1942, М, с. 366, НТТ, с. 661-662.
 411 20.11.1941, М, с. 144, НТТ, с. 135. Ср. 24.07.1942, НТТ, с. 592.
 412 23.04.1942, НТТ, с. 437.
 413 31.01.1942, М, с. 245, НТТ, с. 266.
 414 27-28.09.1941, М, с. 75, НТТ, с. 48.
 415 05.08.1942, М, с. 328, НТТ, с. 614,
 416 23.04.1942, НТТ, с. 437.
 417 24.07.1942, НТТ, с. 592.
 418 31.01.1942, М, с. 247, НТТ, с. 268.
 419 21-22.10.1941, М, с. 101, НТТ, с. 82.
 420 13.12.1941, М, с. 151, НТТ, с. 145.
 421 01-02.12.1941, М, с. 149, НТТ, с. 142.
 422 11.04.1942, НТТ, с. 423.
 423 26.02.1942, М, с. 296, НТТ, с. 335.
 424 01-02.11.1941, М, с. 121, НТТ, с. 105.
 425 10-11.11.1941, М, с. 129, НТТ, с. 119.
 426 16.11.1941, М, с. 139, НТТ, с. 129.
 427 16.11.1941, М, с. 139-140, НТТ, с. 129.
 428 28-29.12.1941, М, с. 160-161, НТТ, с. 156.
 429 03-04.01.1942, М, с. 174, НТТ, с. 174.
 430 31.03.1942, НТТ, с. 382.
 431 31.03.1942, НТТ, с. 385, 386.
 432 24.06.1942, НТТ, с. 535.
 433 31.03.1942, НТТ, с. 388.
 434 Там же.
 435 01-02.11.1941, М, с. 121, НТТ, с. 106.
 436 27-28.09.1941, М, с. 72, НТТ, с. 45.
 437 27.01.1942, М, с. 238, 237, НТТ, с. 255.
 438 20.05.1942, НТТ, с. 493.
 439 02.02.1942, М, с. 255, НТТ, с. 279.
 440 19.10.1941, М, с. 96, НТТ, с. 75.
 441 09.04.1942, НТТ, с. 415-416.
 442 Актуальный анализ антисемитизма Генри Форда можно найти в книге
 Baldwin, Neil. Henry Ford and the Jews.
 443 09.04.1942, НТТ, с. 415.
 444 07.01.1942, М, с. 184, НТТ, с. 188.
 445 Об идеях экономической автракии у Гитлера см. Kershaw, там же, с. 402 и
 далее.
 446 25.09.1941, М, с. 70, НТТ, с. 42.
 447 18.10.1941, М, с. 94, НТТ, с. 73.
 448 15.10.1941, М, с. 88-89, НТТ, с. 66. Ср. с полемическим выпадам против Густа-
 ва Штреземана в М, с. 89, прим. 55.
 449 24.03.1942, НТТ, с. 362, 363.
 450 10-11.03.1942, М, с. 316, НТТ, с. 359.
 451 01.03.1942, М, с. 310, НТТ, с. 353.
 452 См., к примеру, 21-22.10., М, с. 100 и далее, НТТ, с. 80 и далее, а также
 08.06.1942, НТТ, с. 523. О планах Гитлера по поводу Берлина см. Helmer,
 Stephen. Hitler's Berlin.
 453 28-29.12.1941, М, с. 157, НТТ, с. 152; 05.11.1941, М, с. 128, НТТ, с. 115.
 454 11.11.1941, М, с. 136, НТТ, с. 125.
 455 См., к примеру, 13.10.1941, М, с. 78 и далее, НТТ, с. 52 и далее.
 456 20.05.1942, НТТ, с. 490.
 457 См., к примеру, 30.11.1941, М, с. 147, НТТ, с. 139.
 458 05.04.1942, НТТ, с. 402.
 459 20.05.1942, НТТ, с. 490.

- 460 Нем. «Im meiner Jugend stand ich auf dem Standpunkt: Dynamit! Heute sehe ich ein, man kann das nicht über das Knie brechen». 13.12.1941, М., с. 150, НТТ, с. 143.
- 461 Роберт Лей фигурирует в исследовании на норвежском языке Sørensen, Øystein. *Solkors og solidaritet*, с. 30 и далее, а также в его продолжении *Verdenskrig og velferd*, особ. с. 26 и далее. Стандартная биография Лей: Smelser, Roland. *Robert Ley: Hitler's Labor Front Leader*. Довольно полное собрание речей и статей, отчётливо демонстрирующих социальный радикализм Лей: *Durchbruch der sozialen Ehre*.
- 462 Smelser, там же, с. 19.
- 463 Цит. по Smelser, там же, с. 4.
- 464 Cp. Schanz, Hanz-Jørgen. *Hva er totalitarisme* // Thorup, Mikkel et al. (red.) *Totalitarisme*, с. 308. Там это высказывание (ошибочно) приписано Гиммлеру.
- 465 Социально-политические планы Лей подробнее рассмотрены в Smelser, там же, а также в двух книгах Э. Сёренсена, особенно в *Verdenskrig og velferd*. См. также Recker, Marie-Luise. *Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg*.
- 466 Ley, Robert. *Unser Sozialismus – der Hass der Welt*, с. 20. Брошюру можно найти в библиотеке Института современной истории (Institut für Zeitgeschichte) в Мюнхене. Лей ссылается на приказ фюрера от 15 февраля 1940 года. См. Sørensen, Øystein. *Verdenskrig og velferd*, с. 26 и далее.
- 467 Ley, там же, с. 15.
- 468 Нем. «Mit einem Wort, wer etwas leistet – und das tut der deutsche Mensch – der hat auch das Recht, von der Welt und dem Leben seinen Lohn dafür zu fordern». Ley, там же, с. 16.
- 469 Ley, там же, с. 12, с. 13. Раздел озаглавлен по-немецки «Die nationalsozialistische Revolution».
- 470 Ley, там же, с. 17, 14, 16.
- 471 Ley, там же, с. 24.
- 472 Ley, там же, с. 18.
- 473 Цит. по Norsk Krigsleksikon 1940-1945 (1995), с. 170. Актуальная биография Гиммлера – Longerich, Peter. *Heinrich Himmler*.
- 474 Пангерманизм и германские идеи Гиммлера и СС рассмотрены в книге Emberland, Terje; Fure, Jorunn Sem (red.) *Jakten på Germania*.
- 475 Norsk Krigsleksikon. Об обскурантизме Гиммлера см. несколько статей в Emberland, Fure, там же, и Pringle, Heather. *Himmlers herrefolk*. Классическое исследование – Hüser, Karl. *Wewelsburg 1933 bis 1945*.
- 476 Нем. «Seit Jahrtausenden war es der Auftrag dieser blonden Rasse, die Erde zu beherrschen und ihr immer wieder Glück und Kultur zu bringen». Речь от 09.02.1942. Smith, B.F.; Peterson A.F. (red.) *Heinrich Himmler. Geheimreden 1933 bis 1945*, с. 161.
- 477 Речь перед «рейхс- и гаулейтерами» в Познани, 06.10.1943, там же, с. 183.
- 478 Там же, с. 183.
- 479 Речь приведена в *Geheimreden*, с. 162–183.
- 480 Нем. «Für den, der durchführen muss, was er fordert, ist es das Allerhärteste und Schwerste, was es gibt».
- 481 Там же, с. 169 и далее.
- 482 Об этих пассажах в речи см. Longerich, там же, с. 709 и далее.
- 483 См. Bauman, Zygmunt. *Modernity and the Holocaust*, особ. гл. 4, «The Uniqueness and Normality of the Holocaust» (Бауман Зигмунд. Актуальность холокоста. М., 2010).

Исламизм: религия как политика, политика как религия

- 484 Qutb, Sayyid. *Milepæler (Ma'alim fil-tariq)*, с. 145, 78 (Кутб, Саид. Вехи на пути Аллаха. Перевод книги доступен в Интернете, но, насколько известно переводчику, не выходил в печати).

- 485 Linstad, Trond Ali. Muslims manifest // *Aftenposten*, 25.01.2010.
- 486 См. замечания о соотношении ислама и исламизма в работе Mozaffari, Mehdi. What is Islamism? History and Definition of a Concept // *Totalitarian Movements and Political Religions*, т. 8, а также Ideological Roots of Islamism. См. также примечания 487 и 488 ниже.
- 487 Более подробное обсуждение различных возражений против такого употребления понятия см. в Tibi, Bassam. The Totalitarianism of Jihadist Islamism and its Challenge to Europe and to Islam // *Totalitarian Movements and Political Religions*, т. 8, особ. с. 48.
- 488 Euben, Roxanne; Zaman, Muhammad Qasim (red.) *Princeton Readings in Islamist Thought*, введение, с. 4.
- 489 Некоторые современные экстремистские группировки описаны в Sargent, Lyman Tower (red.) *Extremism in America*, с. 325 и далее.
- 490 Об индуистском национализме в Индии см. Nussbaum, Martha. *The Clash Within*, особ. гл. 5 и 6. Также см. Guha, Ramachandra. *India after Gandhi*, с. 655 и далее.
- 491 «...a religious ideology with a holistic interpretation of Islam whose final aim is the conquest of the world by all means». Mozaffari, Mehdi. What is Islamism? с. 21.
- 492 См. Euben, Zaman, там же, с. 4 и далее.
- 493 См. Kepel. Gilles. Jihad, с. 27 и далее (Кепель Жиль. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004), и Lia, Brynjar. *The Society of the Muslim Brothers in Egypt*, с. 35 и далее.
- 494 См. Mandaville, Peter. *Global Political Islam*, с. 62 и далее, а также Kepel, там же, с. 34 и далее.
- 495 Mulla Krekar. *Med egne ord*, с. 41.
- 496 О Маудуди и его движении см. Adams, Charles J. *Mawdudi and the Islamic State* // Esposito, John L. (red.) *Voices of Resurgent Islam*, с. 99 и далее. Об организации «Джамаат-и-Ислам» см. также Mandaville, там же, с. 172 и далее, с. 282 и далее.
- 497 Krekar, там же, с. 219, 218.
- 498 Англ. «...how the Divine guidance leads to equity and justice, reform and upliftment, caring caring and efficient administration, social welfare, peace and order, high standards of morality in public servants, virtue and righteousness in internal policies, honesty in foreign policies, civilized conduct in war, integrity and loyalty in peace».
- 499 Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. *Witnesses unto Mankind*, с. 32–33 (аль-Маудуди. Свидетельствование истины (В пользу ислама). М., 1995. С. 10–11).
- 500 Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. *Islams fundamenter*, с. 56 (Маудуди А.А. Основы ислама. ПК «Сантлада»).
- 501 *Witnesses unto Mankind*, с. 50, 49; аль-Маудуди. Свидетельствование истины (В пользу ислама). М., 1995. С. 28–29.
- 502 Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. *The Islamic Law (1960)* // Euben R.L.; Zaman M.Q. *Princeton Readings in Islamic Thought*, с. 93.
- 503 Mandaville, там же, с. 65.
- 504 См. Whine, Michael. *Islamism and Totalitarianism: Similarities and Differences* // *Totalitarian Movements and Political Religions*, т. 2, с. 63.
- 505 Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. *The Islamic Law* // Euben, Zaman, там же, с. 93.
- 506 Euben, Zaman, там же, с. 95.
- 507 Там же, с. 95–97.
- 508 Анализ отношения Маудуди к правам человека см. в Gule, Lars. *Islam og det moderne*, с. 72 и далее.
- 509 О стратегии Маудуди ср. Kepel, там же, с. 32 и далее, Mandaville, там же, с. 64 и далее, а также Burke, Jason. *Al-Qaeda*, с. 50 и далее.
- 510 Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. *Islams fundamenter*, с. 102 и далее (аль-Маудуди, Абуль Аль-Аля. Основы Ислама. М., 1993).
- 511 Цит. по введению в Euben, Zaman, там же, с. 45.

- 512 Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. The Islamic Law, с. 106.
- 513 Euben, Roxanne. Enemy in the Mirror, с. 54.
- 514 См. Euben, Zaman, там же, с. 129. О влиянии Кутба см. также Haddad, Yvonne. Sayyid Qutb: Ideologue of Islamic Revival // Esposito (red.), там же, с. 67 и далее, а также предисловие Альберта Бергесена в книге The Sayyid Qutb Reader, особ. примечания 1 и 2.
- 515 О Кутбе, см. Haddad, там же, с. 67–98, Bergesen, Albert. Sayyid Qutb in Historical Context // Bergesen, там же, с. 3 и далее, также Mandaville, там же, с. 76 и далее, Euben, Zaman, там же, с. 129 и далее, и Berman, Paul. Terror and Liberalism, с. 60 и далее. О взаимоотношениях Маудуди и Кутба см. особ. Haddad, там же, с. 70.
- 516 О поездке Кутба в США см. Haddad, там же, с. 69 и далее, а также Berman, там же, с. 61 и далее.
- 517 См., к примеру, Burleigh, Michael. Sacred Causes, с. 461.
- 518 См. особ. Euben, Roxanne, там же, с. 54 и далее.
- 519 См. сравнения в Hansen, Hendrik; Kainz, Peter. Radical Islamism and Totalitarian Ideology // Totalitarian Movements and Political Religions, т. 8, с. 55–76.
- 520 Krekar, там же, с. 40, 232. См. также с. 41, 43, 44, 51, 55.
- 521 Qutb, Milepæler, с. 3.
- 522 Там же, с. 4.
- 523 Там же, с. 8.
- 524 Там же, с. 79.
- 525 Там же, с. 5, 6.
- 526 Паннекуианец – последователь Антона Паннекука (1873–1960), нидерландского коммуниста и яркого противника Ленина и большевиков.
- 527 Qutb, там же, с. 6.
- 528 О понятии «джахилийя» см. комментарий переводчика там же, а также Euben, Roxanne, там же, с. 67 и далее.
- 529 Euben, Zaman, там же, с. 134.
- 530 Euben, Roxanne. Enemy in the Mirror, с. 55.
- 531 Qutb, там же, с. 7.
- 532 Там же, с. 4.
- 533 Там же, с. 156.
- 534 Джон Профьюмо был военным министром Великобритании в консервативном правительстве Гарольда Макмиллана (1960–1963). Он вступил в связь с фотомodelью Кристин Килер, хотя был женат на актрисе Валери Хобсон. Профьюмо не знал при этом, что Кристин также поддерживала отношения с советским военным атташе в Лондоне. Дело разрослось в грандиозный скандал, и в результате Профьюмо пришлось подать в отставку.
- 535 Qutb, там же, с. 110.
- 536 Там же, с. 156.
- 537 Там же, с. 157.
- 538 См. Berman, там же, с. 83 и далее.
- 539 Qutb, там же, с. 124.
- 540 Там же, с. 24.
- 541 Там же, с. 31.
- 542 Там же, с. 147, 149.
- 543 Там же, с. 147.
- 544 Там же, с. 60, 61.
- 545 Там же, с. 98.
- 546 Там же, с. 133.
- 547 Там же, с. 24.
- 548 Там же, с. 25.
- 549 Там же, с. 61, 62.
- 550 Там же, с. 104.
- 551 Там же, с. 61.

- 552 Там же, с. 32, 33.
- 553 Там же, с. 117.
- 554 Из работы «Sosial rettferdighet i islam» («Социальная справедливость в исламе»), здесь цит. по Berman, там же, с. 97.
- 555 Berman, там же, с. 91.
- 556 Qutb, там же, с. 12 и далее.
- 557 Там же, с. 17.
- 558 Там же, с. 77.
- 559 Там же, с. 58.
- 560 Там же, с. 149.
- 561 Там же, с. 150.
- 562 Там же, с. 150–152, 147.
- 563 Там же, с. 150.
- 564 Там же, с. 152.
- 565 Там же, с. 145.
- 566 Там же, с. 147.
- 567 Там же, с. 103.
- 568 Там же, с. 124, 125.
- 569 Там же, с. 132–133.
- 570 Там же, с. 76.
- 571 Там же, с. 63, 62.
- 572 Там же, с. 62.
- 573 Там же, с. 62, 63.
- 574 Там же, с. 64.
- 575 Там же, с. 75.
- 576 Там же, с. 66.
- 577 Там же, с. 75.
- 578 Там же, с. 17.
- 579 Там же, с. 77, 78.
- 580 Там же, с. 59.
- 581 Там же, с. 9.
- 582 Там же, с. 41.
- 583 Там же, с. 84.
- 584 Там же, с. 84, 85.
- 585 Там же, с. 171, 172.
- 586 Анонимное предисловие в издании Bilal Books, Mumbai 1998. Цит. по Berman, там же, с. 68.
- 587 Hassan al-Banna. Jihad // Lacey, Jim (red.) The Canons of Jihad, с. 10. См. также английский перевод на http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/jihad/. См. также Lia, там же, с. 83 и далее, с. 91 (прим. 94).
- 588 Qutb, там же, с. 180, 181.
- 589 Там же, с. 145.
- 590 Норвежское издание переведено с американского издания, вышедшего в издательстве Manors Books. Этот перевод на английский язык был выполнен по инициативе ЦРУ, и в альтернативном англоязычном издании «Islam and Revolution: Writings and Declarations of Imam Khomeini (1941–1980)», вышедшем в издательстве Mizan Press и выказывающем значительно лучшее отношение к Хомейни, он назван «грубым и приблизительным». В настоящей книге я сверял норвежский перевод с переводом, вышедшим в издательстве Mizan Press. О взглядах Хомейни см. Kerel, там же, с. 36–42 и Mandaville, там же, с. 89 и далее, с. 179–190. Русское издание: Имам Хомейни. Исламское правление. Алматы, 1993.
- 591 Например, на обложке норвежского издания.
- 592 Krekar, там же, с. 231, ср. с. 40.
- 593 Islamsk styre, с. 15.
- 594 Islam and Revolution, с. 29. См. также Islamsk styre, с. 14.
- 595 Islamsk styre, с. 13.

- 596 Там же, с. 14, 15.
- 597 Там же, с. 35.
- 598 См. особ. Islam and Revolution, с. 40 и далее. К сожалению, в норвежском переводе слова «халиф» и «халифат» употреблены на с. 26 и с. 34, где Хомейни говорит о последователях Мухаммеда.
- 599 Коротко о значении халифа Али и его убийстве в 661 году см. Mandaville, там же, с. 28 и далее.
- 600 О практических соображениях Кутба см. Euben, Zaman, там же, с. 132 и далее.
- 601 См. Euben, Zaman, там же, с. 157 и далее.
- 602 Islamsk styre, с. 21.
- 603 Там же, с. 12.
- 604 Там же, с. 21 и далее, с. 24. В английском переводе Islam and Revolution на с. 38 использованы формулировки «the imperialists» и «the imperialists and their political agents».
- 605 Islamsk styre, с. 35.
- 606 Islam and Revolution, с. 28. См. также Islamsk styre, с. 13.
- 607 См., к примеру, Kepel, там же, с. 37 и далее, и Mandaville, с. 184 и далее.
- 608 Islam and Revolution, с. 40. Перевод в Islamsk styre, с. 26.
- 609 Islam and Revolution, с. 41.
- 610 Там же, с. 48, ср. с. 44 и далее и с. 49 и далее. См. также Euben, Zaman, там же, с. 159 и далее.
- 611 Там же, с. 52.
- 612 Linstad, Trond Ali. Muslimsk manifest // Aftenposten, 25.01.2010.
- 613 См., например, Heier, Ingvild. Sammen i felles hat mot USA // Aftenposten, 26.01.2010, Slettan, Are. Sekt skal følge sekters gang // Nettavisen, 26.01.2010 (<http://areslettan.na24blogg.no>), Kvistad, Yngve. Trond Alis babble // VG, 27.01.2010. См. также Linstad, Trond Ali. Muslimers identitet // VG, 28.01.2010.
- 614 Например, Ghazan, Basim; Abdulhamid, Muhammad; Noor, Linda. Vi tar avstand fra manifestet // Aftenposten, 01.02.2010 («Мы не поддерживаем манифест» – статья редакторов норвежского мусульманского сайта islam.no в газете «Аftenпостен»).
- 615 Более общий анализ этой позиции см. Euben, Zaman, там же, с. 28.
- 616 Хартия Хамаса от 18 августа 1988 г. выложена на интернет-ресурсе www.mideastweb.org/hamas.htm. Не вполне ясно, какое значение имеет эта хартия для современного движения Хамас и его политики. Несколько иной перевод приводится в Euben, Zaman, там же, с. 364–386.
- 617 Англ. «Israel will exist and will continue to exist until Islam will obliterate it, just as it obliterated others before it». В Euben, Zaman, там же, с. 364 перевод следующий: «...until Islam nullifies it as it nullified what was before it».
- 618 О теории заговора в идеологии ХАМАС в более широком контексте см. Sørensen, Øystein. Den store sammensvergelsen, с. 263 и далее. О теориях заговора на мусульманском Ближнем Востоке см. также Pipes, Daniel. The Hidden Hand.
- 619 Актуальное исследование, посвященное идеологии и политике организации: Ahmed, Houriya; Stuart, Hannah. Hizb ut-Tahrir. Также см. Grøndahl, Malene; Rasmussen, Torben Rugberg; Sinclair, Kristine. Hizb ut-Tahrir i Danmark. Об истории и раннем периоде существования «Хизб ут-Тахрира» см. особ. с. 41 и далее. Это исследование основано на ряде оригинальных документов, изданных организацией и опубликованных на официальном датском сайте организации www.hizb-ut-tahrir.dk. Особенно это касается весьма содержательных с идеологической точки зрения документов «Hizb ut-Tahrirs oppfattelser» («Идеология Хизб ут-Тахрира») и «Hizb ut-Tahrir og Islam. Det Sande Livssyn og Livssystem for Menneskeheden» («Хизб ут-Тахрир и Ислам. Истинное мировоззрение и жизненный уклад для человечества»).

- 620 О великом муфтии и нацизме см. особ. Mallmann, Klaus-Michael; Cüppers, Michael. Halvmåne og hagekors.
- 621 См. Ahmed, Stuart, там же, с. 15 и далее.
- 622 Там же, с. 61.
- 623 Там же, с. 17.
- 624 Grøndahl et al., там же, с. 43.
- 625 Hizb ut-Tahrir, с. 7. Работа не датирована, но, согласно Ahmed, Stuart, там же, с. 22, она написана в 2000 году. Перевод политической программы можно найти в Интернете, но официального издания, насколько известно переводчику, не существует.
- 626 Hizb ut-Tahrir, с. 19.
- 627 Hizb ut-Tahrirs oppfattelser, без пагинации. Работа известна в русскоязычном Интернете как «Концепция Хизб ут-Тахрир», без выходных данных.
- 628 Ahmed, Stuart, там же, с. 40 и далее.
- 629 How the Khalifah was Destroyed, с. 193. «...by killing every apostate, even if they numbered millions», см. Ahmed, Stuart, там же, с. 43.
- 630 Hizb ut-Tahrirs oppfattelser.
- 631 Hizb ut-Tahrir, с. 11–12.
- 632 Hizb ut-Tahrirs oppfattelser.
- 633 См. Ahmed, Stuart, там же, с. 24.
- 634 Hizb ut-Tahrirs oppfattelser.
- 635 Англ. «As for those who are actually in a state of war (harb fi'liyah) between us and them, no peace treaty is contracted, they are considered in all states, in a state of war, a combatant in the battlefield (muharibeen fi'il-marika), their blood is Halal (lawful), as is their property except that of the Muslims among them». Цит. по Ahmed, Stuart, там же, с. 26.
- 636 Hizb ut-Tahrir, с. 72. См. также Grøndahl et al., там же, с. 83.
- 637 Hizb ut-Tahrir, с. 43. См. также Ahmed, Stuart, там же, с. 37 и далее.
- 638 Hizb ut-Tahrir, с. 45.
- 639 Там же, с. 46.
- 640 Hizb ut-Tahrirs oppfattelser.
- 641 The Inevitability of the Clash of Civilizations, цит. по Ahmed, Stuart, там же, с. 24, прим. 66.
- 642 Hizb ut-Tahrirs oppfattelser, конец.
- 643 См. Ahmed, Stuart, там же, с. 17 и далее. См. также Grøndahl et al., там же, с. 66 и далее.
- 644 Hizb ut-Tahrir, с. 15–16.
- 645 Hizb ut-Tahrir, с. 73. Ahmed, Stuart, там же, с. 22.
- 646 Актуальные исследования по Аль-Каиде из ранее упомянутых: Kepel, Mandaville, Euben & Zaman, а также Burke, Jason. Al-Qaeda. Существует замечательное норвежское издание писем и речей Бен Ладена: Lawrence, Bruce (red.) Budskap til verden.
- 647 См., например, интервью с каналом «Аль-Джазира» в декабре 1998 г., напечатанное в «Budskap til verden», с. 121. См. также Euben, Zaman, там же, с. 433.
- 648 Budskap til verden, с. 106, 107.
- 649 Там же, с. 104. Цитата из Корана 9:5, и её продолжение влияет на понимание: «Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах – прощающий, милосердный!» – Перевод И.Ю. Крачковского. См. также Euben, Zaman, там же, см. 433. В русском издании использован перевод Кулиева.
- 650 О понятии джихада и «Аль-Каиде» см. литературу, указанную в прим. 616, а также Lacey, Jim (red.) The Canons of Jihad и A Terrorist's Call to Global Jihad, а также Lia, Brynjar. Architect of Global Jihad.
- 651 Al-Banna, Hassan. Jihad. Цит. по Lacey (red.), там же, с. 10.

Четыре тоталитарные идеологии – единый тоталитарный менталитет?

- 652 Talmon, L.J. The Origins of Totalitarian Democracy, особ. с. 41 и далее, а также с. 107 и далее.
- 653 Lenin, Vladimir. CW, т. 25, с. 469. (Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1966–1967. Т. 33, с. 1–120).
- 654 Brecht, Bertolt. Lærestykke, с. 74.
- 655 Там же, с. 82 и далее.
- 656 Himmler, Heinrich. Geheimreden, с. 169 и далее.
- 657 Hitler, Adolf. Монолог в штаб-квартире от 13.12.1942, Monologe, с. 150.
- 658 Trond Ali Linstad. Forsvar for vold og tumulter // Aftenposten, 14.01.2009.
- 659 Dahl, Ottar. Teorier om «totalitarisme» i politisk og sosial analyse // Kjeldstadli et al. (red.) Valg og vitenskap, с. 82.
- 660 Bernstein, Eduard. Voraussetzungen des Sozialismus, норв. издание Sosialismens forutsetninger с пространном Введением Харальда Бернстена. (возможно, Бернштейн Эдуард. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М., 2011).
- 661 Весьма оптимистичный взгляд на этот вопрос можно найти в Staun, Jørgen. Mellem terror og folkelig protest.
- 662 «Тезисы о Фейербахе» были написаны в 1845 году, но опубликованы Энгельсом только в 1888. Норв. издание: Marx, Karl. Verker i utvalg, т. 2, с. 55, ср. там же, с. 245 (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 1–4). Одиннадцатый тезис был выложен позолоченными буквами на стене вестибюля Университета им. Гумбольдта в ГДР. После падения Берлинской стены существовали планы убрать надпись, но её уничтожению помешала акция, в том числе сопровождавшаяся сбором подписей и аргументировавшая за сохранение надписи, в частности, необходимостью сохранения некоторых исторических символов.
- 663 О практической революционной деятельности Маркса и Энгельса см., к примеру, ранее упомянутую книгу Marx-Engels i kamp. См. также актуальное исследование Hunt, Tristram. The Frock-Coated Communist, особ. с. 134 и далее, а также с. 255 и далее.
- 664 Mussolini, Gentile. The Doctrines of Fascism, с. 47, 39.
- 665 См. Min Kamp, т. 1, с. 253.
- 666 Qutb, Milepæler, с. 17. См. также Euben, Zaman, там же, с. 132 и далее.
- 667 Min Kamp, т. 1, с. 79.
- 668 Qutb, там же, с. 9, 84.
- 669 См. Talmon, The Origins of Totalitarian Democracy, с. 2 и далее.
- 670 См. особ. Gentile, Emilio. The Sacralisation of Politics. Definitions, Interpretations and Reflections on the Question of Secular Religion and Totalitarianism // Totalitarian Movements and Political Religions, т. 1, а также Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of an Interpretation, там же, т. 5.
- 671 См. Griffin (red.) Fascism, Totalitarianism and Political Religion, особ. введение. См. также Burleigh, Michael. National Socialism as a Political Religion // Totalitarian Movements and Political Religions, т. 1, с. 1–26, а также Sacred Causes, гл. 2, «The Totalitarian Political Religions», с. 38–122.
- 672 Voegelin, Eric. The Political Religions // The Collected Works of Eric Voegelin, т. 5, Modernity Without Restrain. Gurian, Waldemar. Totalitarianism as Political Religion // Friedrich (red.) Totalitarianism, с. 119–129, и последующая дискуссия с. 129–137.
- 673 См. введение в Griffin, там же, с. 18.
- 674 О фундаменталистских христианских сектах см. Sargent, Lyman Tower (red.) Extremism in America, с. 325 и далее.
- 675 См. Bauman, Zygmunt. Modernity and the Holocaust, с. 70 и далее, с. 91 и далее (Бауман Зигмунт. Актуальность холокоста. М., 2010). См. также Roberts. The Totalitarian Experiment in the Twentieth-Century Europe, с. 47, 79.

- 676 Bauman, там же, с. 91 (Бауман Зигмунт. Актуальность холокоста. М., 2010. С. 115).
- 677 См. введение Бернта Хартвета в Hagtvet, Bernt (red.) Folkemordenes svarte bok, а также Moore, Barrington, Moral Purity and Persecution in History.
- 678 Kolakowski, Leszek. Den revolusjonære ånd, с. 8.
- 679 Позднее стихотворение было опубликовано в сборнике «På gjensyn» (1926), здесь перепечатано с издания «Samlede dikt» (1968), с. 67. Исправлена опечатка во второй строке второго четверостишия.
- 680 Bjørnsen, Johan Faltin. Rudolf Nilsen, с. 128, 129.
- 681 Ср. также Schanz, там же, с. 15.
- 682 О теориях заговора в идеологии исламизма см. особ. Pipes. The Hidden Hand. См. также Sørensen, Øystein. Den store sammensvergelsen, с. 263 и далее.
- 683 О теориях заговора в идеологии национал-социализма (евреи, масоны и проч.) см. Sørensen, там же, с. 262 и далее, с. 265 и далее.
- 684 Mussolini, Gentile. Fascismens doktriner, с. 49, 46.
- 685 Herr Vogt (1860) // MEW, т. 14. Издано отдельной книгой на английском языке в 1982, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century (1857/1969). См. Sørensen, там же, с. 100 и далее.
- 686 См. Sørensen, там же, с. 268 и далее.
- 687 О внутреннем конфликте Норвежской коммунистической партии (NKP) см. увлекательный и основанный на конкретных документах рассказ Kleven, Hans I. Parti i flammer, т. 1–2 (1990).
- 688 Подробнее об этом см. Sørensen, там же, с. 99 и далее, с. 267 и далее.
- 689 Scruton, Roger. The Root of Totalitarianism, http://www.omp.org.pl/scruton_tot_ang_ang.php. Понятие, разумеется, заимствовано из философии Кьеркегора и Ницше. Тема развита в работе Scheler, Max. Ressentiment (1912) (Шелер, Макс. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999).
- 690 О формировании идеологии Эжена Олауссена см. Sørensen, Øystein. Fra Marx til Quisling. Описанные моменты см. там же, с. 37, 39.
- 691 Цит. по Sørensen, там же, с. 30, 32.
- 692 Там же, с. 36 и далее.
- 693 Там же, с. 134, 135.
- 694 Там же, с. 63. Статья Олауссена была напечатана в «Норгес фремитид» (Norges Fremtid) от 19.01.1929.
- 695 Там же, с. 55.
- 696 Olaussen, Eugene. Fra Kreml til Youngstorget, с. 230, 231.
- 697 Речь, переданная по радио «NRK» 31 декабря 1940 г. Quisling, Vidkun. For Norges frihet og selvstendighet, с. 49.
- 698 О выступлении Мильке 13 ноября 1989 г. см. Kowalchuk, там же, с. 141 и далее.

Многое из упомянутой марксистской литературы, на которую ссылается автор, собрано на сайте www.marxists.org. Идеологические документы организаций «ХАМАС» и «Хизб ут-Тахрир» также выложены на сайтах, ссылки на которых даны в примечаниях. Данный список литературы содержит только библиографические ссылки на книги и статьи. Цитаты из книг, не выходявших на норвежском языке, даны в переводе автора.

- Ahmed, Houriya; Stuart, Hannah. Hizb ut-Tahrir: Ideology and Strategy. London, 2009.
- Aly, Götz; Heim, Susanne. Vordänker der Vernichtung, Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. Hamburg, 1991.
- Andersen, Anton Frederik. Borgerånd og politisk engasjement. Oslo, 1968.
- Anweiler, Oscar. Rådsbevægelsen i Russland 1905–1921. Århus, 1976.
- Arendt, Hannah. The Origins of Totalitarianism. Cleveland/New York, 1964 (Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. М., 1996).
- Aron, Raymond. Democracy and Totalitarianism. London, 1968 (Арон Реймон. Демократия и тоталитаризм. М., 1993).
- Arthur, Anthony. The Tailor-King: The Rise and Fall of the Anabaptist Kingdom of Münster. New York, 1999.
- Audoin-Rouzeau, Stephane; Becker, Annette. 14–18: Understanding the Great War. New York, 2002.
- Baldwin, Neil. Henry Ford and the Jews: The Mass Production of Hate. New York, 2001.
- Bauman, Zygmunt. Modernity and the Holocaust. Cambridge, 2007 (Бауман Зигмунд. Актуальность холокоста. М., 2010).
- Bauman, Zygmunt. Modernity and Ambivalence. Cambridge, 2007.
- Berman, Paul. Terror and Liberalism. New York, 2004.
- Bernstein, Eduard. Voraussetzungen des Sozialismus, норв. издание Sosialismens forutsetninger. Oslo, 1973 (возможно, Бернштейн Эдуард. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М., 2011).
- Billington, James H. Fire in the Minds of Men: Origins of the Revolutionary Faith. New York, 1980.
- Bin Laden, Osama. Budskap til verden (Lawrence, Bruce, red.) Oslo, 2005.
- Bjørnson, Johan Faltin. Rudolf Nilsen. Oslo, 1951.
- Bracher, Karl Dietrich. Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976.
- Brecht, Bertolt. Lærestykker. Oslo, 1974.
- Bullock, Alan. Hitler and Stalin: Parallel Lives. New York, 1993 (Буллок Алан. Гитлер и Сталин. В 2 т. Смоленск, 1994).
- Burgsdorf, Stephan; Wiegrefe, Klaus (red.) Der Erste Weltkrieg. Die Ur-Katastrophe des 20. Jahrhunderts. München, 2008.
- Burke, Jason. Al-Qaeda: The True Story of Radical Islam. London, 2007.
- Burleigh, Michael. Sacred Causes: Religion and Politics From the European Dictators to Al Qaeda. London, 2007.
- Böhm, Karl; Dörge, Rolf. Unser Welt von morgen. Berlin, 1960.
- Carr, E.H. Ryska revolutionen 1917–1923, bd. I–III. Stockholm, 1970. (Карр, Эдвард. История советской России. Большевицкая революция. 1917–1923. В 2-х т. М., 1990).
- Christophersen, Jens A. Verdensrevolusjonen som ble vekk. Nasjonalkommunismen fra den franske til den kubanske revolusjon. Oslo, 1968.
- Cliff, Tony. Lenin. Bd. I–IV. London, 1975–1979.
- Cohn, Norman. The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. London, 1970.

- Cohn, Norman. *Warrant for Genocide*. London, 1996. (Кон, Норман. Благословение на геноцид. М., 1990).
- Connor, Walker. *The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy*. Princeton, 1984.
- Courtois, Stéphane; Werth, Nicolas et al. *Kommunismens svarta bok*. Stockholm, 1999 (Верт Николая, Куртуа, Стефан и др. Чёрная книга коммунизма. М., 1999).
- Dahl, Hans Fredrik. *Vidkun Quisling. En fører blir til*. Oslo, 1991.
- Dahl, Hans Fredrik et al. (red.) *Norsk krigsleksikon 1940–1945*. Oslo, 1995.
- Dahl, Ottar. *Fra konsens til katastrofe. Kapitler av fascismens historie i Italia*. Oslo, 1996.
- Dahl, Ottar. *Teorier om "totalitarisme" i politisk og sosial analyse* // Kjeldstadli, Knut et al. (red.) *Valg og vitenskap. Festskrift til Sivert Langholm*. Oslo, 1997.
- Dahl, Ottar. *Syndicalism, Fascism and Post-Fascism in Italy 1900–1950*. Oslo, 1999.
- Deakin, F.W. *The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism*. London, 1962.
- Duggan, Christopher. *The Force of Destiny: A History of Italy since 1796*. London, 2008.
- Emberland, Terje; Fure, Jorunn Sem (red.) *Jakten på Germania. Fra Nordensvermeri til SS-arkeologi*. Oslo, 2009.
- Eriksen, Tore Linné. *Det første folkemordet i det tjuende århundre. Namibia 1903–1908*. Oslo, 2007.
- Esposito, John L. (red.) *Voices of Resurgent Islam*. New York/Oxford, 1983.
- Euben, Roxanne; Zaman, Muhammad Qasim (red.) *Princeton Readings in Islamist Thought: Texts and Contexts from al-Banna to Bin Laden*. Princeton, 2009.
- Ferguson, Niall. *The Pity of War*. London, 1999.
- Fest, Joachim. *Hitler*. Oslo, 1973. (Фест Иоахим. Адольф Гитлер. В 3 т. Пермь, 1993).
- Friedrich, Carl (red.) *Totalitarianism*. New York, 1964.
- Friedrich, Carl; Brzezinski, Zbigniew. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Mass., 1965.
- Fürnberg, Louis. *Reden. Aufsätze*. Berlin, 1977.
- Gellately, Robert. *Lenin, Stalin and Hitler: The Age of Social Catastrophe*. London, 2008.
- Gentile, Emilio. *Fascism as Political Religion* // *Journal of Contemporary History* 1990.
- Gentile, Emilio. *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*. Cambridge, Mass., 1996.
- Gentile, Emilio. *The Sacralization of Politics. Definitions, Interpretations and Reflections on the Question of Secular Religion and Totalitarianism* // *Totalitarian Movements and Political Religions*, Vol. 1, 2000.
- Gentile, Emilio. *Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of an Interpretation* // *Totalitarian Movements and Political Religions*, Vol. 5, 2004.
- Gentile, Emilio. *The Origins of Fascist Ideology 1918–1925*. New York, 2005.
- Geyer, Michael; Fitzpatrick, Sheila (red.) *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared*. Cambridge, Mass., 2009 (Гейер Майкл, Фитцпатрик Шейла. За рамками тоталитаризма. М., 2011).
- Giordano, Ralph. *Wenn Hitler den Krieg gewonnen hätte. Die Pläne der Nazis nach dem Endsieg*. Hamburg, 1989.
- Gleason, Abbott. *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. New York/Oxford, 1995.
- Glucksmann, André. *Herretenkerne*. Oslo, 1978.
- Gregor, A. James. *Young Mussolini and the Intellectual Roots of Fascism*. Berkeley, 1979.
- Gregor, A. James. *The Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century*. New Haven/London, 2000.
- Gregor, A. James. *Giovanni Gentile: Philosopher of Fascism*. New Brunswick, 2006.
- Gregor, A. James. *Mussolini's Intellectuals: Fascist Social and Political Thought*. Princeton, 2005.
- Gregor, A. James. *The Search of Neofascism*. New York, 2006.
- Grieder, Peter. *In Defence of Totalitarianism Theory* // *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 8, 2007.

- Griffin, Roger. *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler*. Basingstoke/New York, 2007.
- Griffin, Roger. *A Fascist Century*. New York, 2008.
- Griffin, Roger (red.) *Fascism, Totalitarianism and Political Religion*. London/New York, 2005.
- Grøndahl, Malene; Rasmussen, Torben Rugberg; Sinclair, Kristine. *Hizb ut-Tahrir i Danmark. Farlig fundamentalisme eller uskyldigt ungdomsoprør?* Århus, 2003.
- Guha, Ramachandra. *India after Gandhi: The History of the World's Largest Democracy*. London, 2007.
- Gule, Lars. *Islam og det moderne*. Oslo, 2006.
- Hägg, Göran. *Mussolini. En studie i makt*. Oslo, 2009.
- Hagtvet, Bernt. *De grusomme forenklerne. De totalitære diktaturer – det 20. århundres originale tyrannivariant* // Baldersheim, Harald et al. (red.) *Statsvitenskapelige utsyn. Politiske tema og tenkemåter i en oppbruddstid*. Oslo, 2001.
- Hagtvet, Bernt. *Weimar – et demokratis håp og undergang* // Malnes, Raino (red.) *Prekær politikk*. Oslo, 2009.
- Hagtvet, Bernt (red.) *Folkemordenes svarte bok*. Oslo, 2008.
- Hansen, Hendrik; Kainz, Peter. *Radical Islamism and Totalitarian Ideology // Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 8, 2007.
- Hegna, Trond. *Sovjet, Stalin og generalene*. Oslo, 1937.
- Helmer, Stephen. *Hitler's Berlin: The Speer Plans for Reshaping the Central City*. Ann Arbor, 1985.
- Herod, Charles C. *The Nation in the History of Marxian Thought*. Haag, 1976.
- Himmler, Heinrich. *Himmler. Geheimerreden 1933 bis 1945* (Smith, F.B.; Peterson, A.F., red.) Frankfurt a.M., 1974.
- Hitler, Adolf. *Min kamp I-II*. Oslo, 1974 (Гитлер Адольф. Моя борьба. М., 1992).
- Hitler, Adolf. *Min Kamp 1–2*. København, 1983.
- Hitler, Adolf. *Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944*. Jochmann, Werner (red.) München, 1980.
- Hitler, Adolf. *Hitler's Table Talk 1941–1944*. Trevor-Roper, H. (red.) Oxford, 1983 (Тревор-Ропер Хью. Застольные беседы Гитлера. М., 2005. Книга запрещена к распространению в России по причине включения в федеральный список экстремистских материалов. Существует также издание: Пикер Генри. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1998).
- Hitler, Adolf. *Hitler's Second Book*. Weinberg, Gerald (red.) New York, 2006.
- Hitler, Adolf. *Hitlers politiske testamente*. Oslo, 1961.
- Hobson, Rolf. *Krig og strategisk tenkning i Europa 1500–1945*. Oslo, 2005.
- Hunt, Tristram. *The Frock-Coated Communist: The Life and Times of the Original Champagne Socialist*. London, 2010.
- Hüser, Karl. *Wewelsburg 1933 bis 1945. Kult- und Terrorstätte der SS*. Paderborn, 1982.
- Hutchinson, John. *Modern Nationalism*. London, 1994.
- Jäckel, Eberhard. *Hitlers Weltanschauung. Entwurf einer Herrschaft*. Stuttgart, 1986.
- Jensen, Bent. *Stalinismens fascination og danske venstreintellektuelle*. København, 2002.
- Jesse, Eckhard (red.) *Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung*. 2. Auflage. Baden-Baden, 1999.
- Kepel, Gilles. *Jihad: The Trail of Political Islam*. Cambridge, Mass., 2002 (Кепель Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М., 2004).
- Kepel, Gilles. *The War for Muslim Minds: Islam and the West*. Cambridge, Mass., 2004.
- Kershaw, Ian. *Hitler. Vol. I 1889–1936*. Hbri, London, 1998 (Кершоу Ян. Гитлер. Ростов-на-Дону, 1997).
- Kershaw, Ian. *Hitler. Vol. I 1936–1945. Nemesis*, London, 2000.
- Khomeini, Ayatolla Ruhollah. *Islamsk styre*. Oslo, 1980 (Имам Хомейни. Исламское правление. Алматы, 1993).
- Khomeini, Ayatolla Ruhollah. *Islam and Revolution: Writings and Declarations of Imam Khomeini (1941–1980)*. Algar, Hamid (изд.). North Haledon, 1981.

- Kleven, Hans I. Parti i flammer. Dokumentasjon og betraktninger omkring "oppgjøret" i Norges Kommunistiske Parti 1949–1950. Bd. 1–2. Oslo, 1990.
- Kolakowski, Leszek. Den revolusjonære ånd. Oslo, 1978.
- Kolakowski, Leszek. Main Currents of Marxism. Vol. I–III. Oxford, 1978.
- Kowalczyk, Ilko-Sasha. Die 101 wichtigsten Fragen. DDR. München, 2009.
- Krekar, Mulla. Med egne ord. Oslo, 2004.
- Lacey, Jim (red.) The Canons of Jihad: Terrorists' Strategy for Defeating America. Annapolis, 2008.
- Lacey, Jim (red.) A Terrorist's Call to Global Jihad. Annapolis, 2008.
- Larsen, Bård. Nytt liv vil fødes gjennom tyrkiskhet (Диссертация на соискание учёной степени магистра). Oslo, 2007.
- Larsen, Bård. Storebror dreper! Om totalitarisme. Oslo, 2008.
- Lenin, Vladimir. Collected Works. Moskva, 1972–1973 (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1966–1967).
- Ley, Robert. Unser Sozialismus – der Hass der Welt. Berlin, 1940.
- Ley, Robert. Durchbruch der sozialen Ehre. Reden und Gedanken für das schaffende Deutschland. München, 1939.
- Lia, Brynjar. The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942. Reading, 1998.
- Lia, Brynjar. Architect of Global Jihad: The Life of Al-Qaida Strategist Abu Mus'ab al-Suri. New York, 2008.
- Linz, Juan. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, 2000.
- Longerich, Peter. Heinrich Himmler. Biographie. München, 2008.
- Lukács, György. Historie og klassebevissthet. Oslo, 1971 (Лукач Георг. История и классовое сознание. М., 2003).
- Lukács, György. Lenin. Oslo, 1970.
- Maier, Hans (red.) Totalitarianism and Political Religions: Concepts for the Comparison of Dictatorships. London/New York, 2004.
- Mallmann, Klaus-Michael; Cüppers, Michael. Halvmåne og hagekors. Det Tredje Rige, araberne og Palæstina. København, 2008.
- Malycha, Andreas; Winters, Peter Jochen. Die SED. Geschichte einer deutschen Partei. München, 2009.
- Mandaville, Peter. Global Political Islam. London/New York, 2007.
- Mango, Andrew. Atatürk. London, 2004.
- Marcuse, Herbert. Det en-dimensjonale menneske. Studier i det avanserte industrielle samfunns ideologi. Oslo, 1968 (Маркузе Герберт. Одномерный человек. М., 2003).
- Marx, Karl. Karl Marx Verker i utvalg. Bd. 1–7. Oslo, 1970–1971.
- Marx, Karl. Herr Vogt. A Spy in the Worker's Movement. London, 1982.
- Marx, Karl. Secret Diplomatic History/The Story of the Life of Lord Palmerston. London, 1969.
- Marx, Karl; Engels, Friedrich. Marx-Engels-Werke. Berlin, 1959–1967 (Маркс Карл; Энгельс Фридрих. Сочинения. М., 1955–1967).
- Marx, Karl; Engels, Friedrich. Marx. The Revolutions of 1848: The Political Writings. Vol. I. London, 1973.
- Marx, Karl; Engels, Friedrich. Germany: Revolution and Counter-Revolution. London, 1969.
- Marx, Karl; Engels, Friedrich. Marx-Engels i kamp. Göteborg, 1972.
- Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. Witnesses unto Mankind: The Purpose and Duty of the Muslim Ummah. Leicester, 1986 (аль-Маудуди. Свидетельствование истины (В пользу ислама). М., 1995).
- Mawdudi, Sayyid Abu'l A'la. Islams fundament. En opprusing og den religiøse arv. Oslo, 1983. (аль-Маудуди, Абуль Аль-Аля. Основы Ислама. М., 1993).
- Moore, Barrington. Moral Purity and Persecution in History. Princeton, 2000.
- Morgan, Philip. Italian Fascism 1915–1945. London, 2004.
- Mosse, George. The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich. New York, 1998.

- Mozaffari, Mehdi. *Ideological Roots of Islamism*. Århus, 2009.
- Mozaffari, Mehdi. What is Islamism? History and Definition of a Concept // *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 8, 2007.
- Mozaffari, Mehdi. The Rise of Islamism in the Light of European Totalitarianism // *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 10, 2009.
- Mozaffari, Mehdi. Rejoinder to Ana Soage // *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 10, 2009.
- Muir, William. *The Caliphate: Its Rise, Decline and Fall*. London, 2005.
- Mussolini, Benito. *My Rise and Fall*. New York, 1998.
- Mussolini, Benito; Gentile, Giovanni. *The Doctrines of Fascism (1932)* // Lyttelton, Adrian (red.) *Italian Fascisms: From Pareto to Gentile*. New York, 1975 (Муссолини Бенито. Доктрина фашизма. Париж, 1938).
- Nashe, Thomas. *The Unfortunate Traveller*. London, 1985 (На русском языке книга выходила в виде отрывков: Пуришев Б.И. Хрестоматия по западноевропейской литературе. Т. II. М., 1962).
- Neumann, Franz. *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944*. Chicago, 2009.
- Nilsen, Rudolf. *Samlede dikt*. Oslo, 1968.
- Nozick, Robert. *Anarchy, State, and Utopia*. Oxford, 1974 (Нозик Роберт. Анархия, государство и утопия. М., 2008).
- Nussbaum, Martha. *The Clash Within. Democracy, Religious Violence, and India's Future*. London/Cambridge, Mass., 2007.
- Ofstad, Harald. *Vår forakt for svakhet. En analyse av nazismens normer og vurderinger*. Oslo, 1971.
- Olaussen, Eugène. *De røde slips*. Oslo, 1926.
- Olaussen, Eugène. *Fra Kreml til Youngstorget*. Oslo, 1945.
- Overy, Richard. *The Dictators; Gellately, Robert. Lenin, Stalin and Hitler*. London, 2005.
- Paul, Jeffrey (red.) *Reading Nozick: Essays on Anarchy, State, and Utopia*. Oxford, 1983.
- Pauly, Bruce. *Hitler, Stalin and Mussolini: Totalitarianism in the Twentieth Century*. Wheeling, 2009.
- Piper, Ernst. *Alfred Rosenberg. Hitlers Chefideologe*. München, 2005.
- Pipes, Daniel. *The Hidden Hand: Middle East Fears of Conspiracy*. New York, 1996.
- Pipes, Richard (red.). *The Unknown Lenin: From the Secret Archive*. New Haven/London, 1996/1998.
- Popper, Karl. *The Open Society and its Enemies*. London, 1974, 1984 (Поппер Карл. Открытое общество и его враги. М., 1992).
- Pringle, Heather. *Himmlers herrefolk*. Oslo, 2008.
- Quisling, Vidkun. *For Norges frihet og selvstendighet*. Oslo, 1941.
- Qutb, Sayyid. *Milepæler*. Oslo, 2004 (Кутб Саид. Вехи на пути Аллаха. Перевод книги доступен в Интернете, но, насколько известно переводчику, не выходил в печати).
- Qutb, Sayyid. *The Sayyid Qutb Reader*. Bergesen, Albert J. (red.). New York, 2008.
- Radzinsky, Edvard. *Stalin*. New York, 1997 (Радзинский Эдвард. Сталин. М., 2001).
- Recker, Marie-Luise. *Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg*. München, 1985.
- Rich, Norman. *Hitler's War Aims. I–II*. New York, 1974, 1992.
- Roberts, David D. *The Totalitarian Experiment in Twentieth-Century Europe*. New York, 2006.
- Robespierre, Maximilien. Slavoj Zizek Presents Robespierre: *Virtue and Terror*. London, 2007.
- Rosenberg, Alfred. *Der Mythos des XX. Jahrhunderts*. München, 1941 (Розенберг Альфред. Миф XX века. Таллинн, 1998).
- Rosenberg, Alfred. *Race and Race History and Other Essays*. New York, 1974.
- Sargent, Lyman Tower (red.) *Extremism in America*. New York, 1995.
- Schaer, Roland et al. (red.) *Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World*. New York/Oxford, 2000.

- Schmeitzner, Mike (red.) *Totalitarismuskritik von links. Deutsche Diskurse om 20. Jahrhundert.* Göttingen, 2007.
- Schumann, Frank (red.) *100 Tage die die DDR erschütterten.* Berlin, 1990.
- Schwarzschild, Leopold. *Den røde prøysser. Karl Marx – legende og virkelighet.* Oslo, 1948.
- Service, Robert. *Lenin: A Biography.* Cambridge, Mass., 2002 (Сервис Роберт. Ленин. Биография. М., 2002).
- Service, Robert. *Stalin: A Biography.* Cambridge, Mass., 2006.
- Service, Robert. *Trotsky: A Biography.* Cambridge, Mass., 2009.
- Skagestad, Peter. *Robert Ley: Hitler's Labor Front Leader.* Oxford/New York, 1988.
- Smith, Denis Mack. *Mussolini.* London, 1983. (Смит Денис Мак. Муссолини. ИнтерДайджест, 1995).
- Sovjetsamveldets forfatning. Oslo, 1946. Конституция СССР 1936 года.
- Sowell, Thomas. *Marxism: Philosophy and Economics.* London, 1986.
- Stalin, Josef. *Kampen mot fascismens trotskistiska agenter och vårt partis oppgifter.* Göteborg, 1971 (Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 151–173 и Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 151–173, а также Сталин И.В. Заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 189–207).
- Staun, Jørgen. *Mellem terror og folkelig protest. Europas islamistiske udfordring.* København, 2006.
- Stevenson, David. *1914-1918: The History of The First World War.* London, 2005.
- Strachan, Hew. *The First World War: A New History.* London, 2006.
- Studienemnda i Universitetet SV (red.) *Introduksjon til Lenin.* Oslo, 1977.
- Syring, Enrico. *Hitler. Seine politische Utopie.* Berlin, 1994.
- Sørensen, Nils Arne. *Den store krig. Europæernes første verdenskrig.* København, 2005.
- Sørensen, Øystein. *Fra Marx til Quisling. Fem sosialisters vei til NS.* Oslo, 1983.
- Sørensen, Øystein. *Ideer om frihet.* Oslo, 1986.
- Sørensen, Øystein. *Hitler eller Quisling. Ideologiske brytninger i Nasjonal Samling 1940–1945.* Oslo, 1989.
- Sørensen, Øystein. *Solkors og solidaritet. Høyreautoritær samfunnsstenkning i Norge ca. 1930–1945.* Oslo, 1991.
- Sørensen, Øystein. *Verdenskrig og velferd. Britiske, tyske og norske sosialpolitiske planer under annen verdenskrig.* Oslo, 1993.
- Sørensen, Øystein. *Den store sammensvergelsen.* Oslo, 2007.
- Talmon, Jacob. *The Origins of Totalitarian Democracy.* London, 1986.
- Talmon, Jacob. *Romanticism and Revolt. Europe 1815–1848.* New York, 1970.
- Talmon, Jacob. *The Myth of the Nation and the Vision of Revolution.* London, 1981.
- Taylor, A.J.P. *Deb første verdenskrig.* Oslo, 1968.
- Thorup, Mikkel et al. (red.) *Totalitarisme. Venskab og fjendskab.* Århus, 2007.
- Tibi, Bassam. *The Totalitarianism of Jihadist Islamism and its Challenge to Europe and to Islam // Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 8, 2007.*
- Tibi, Bassam. *Political Islam, World Politics and Europe.* London/New York, 2008.
- Trotsky, Lev. *Litteratur och revolution.* Halmstad, 1959 (Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991).
- Trotsky, Lev. *Kommunismen och terrorn.* Halmstad, 1971 (Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. М., 2010).
- Trotsky, Lev. *Slavoj Zizek Presents Trotsky: Terrorism and Communism.* London, 2007.
- Trotsky, Lev; Dewey, John; Novack, George. *Their Moral and Ours.* New York, 1979. (Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. М., 1992).
- Turner, Henry Ashby. *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933.* London, 1996.

- Voegelin, Eric. *Modernity Without Restraint: The Collected Works of Eric Voegelin*. Vol. 5. Columbia/London, 2000.
- Volkogonov, Dmitri. *Lenin. Life and Legacy*. London, 1995 (Волкогонов Дмитрий. Ленин. В 2 кн. М., 1994).
- Watson, George. *The Lost Literature of Socialism*. Cambridge, 1998.
- Whine, Michael. *Islamism and Totalitarianism: Similarities and Differences // Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 2, 2001.
- Winter, Jay; Prost, Antoine. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge, 2008.
- Zehnpfennig, Barbara. *Hitlers Mein Kampf. Eine Interpretation*. München, 2006.
- Øgrim, Trond (L.M.) *Kampuchear økonomi // Røde Fane*, 5–6, 1978.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Эйстейн Сёренсен

**МЕЧТА О СОВЕРШЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
феномен тоталитарной идеологии**

Директор издательства *Б.В. Орешин*
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Компьютерная верстка *Е.А. Лобачева*
Корректор *Н.И. Маркелова*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Печ. л. 14,5
Тираж 1000 экз. Заказ №3791.

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Телефон (499) 245-53-95

ISBN 9785898264116

9 785898 264116